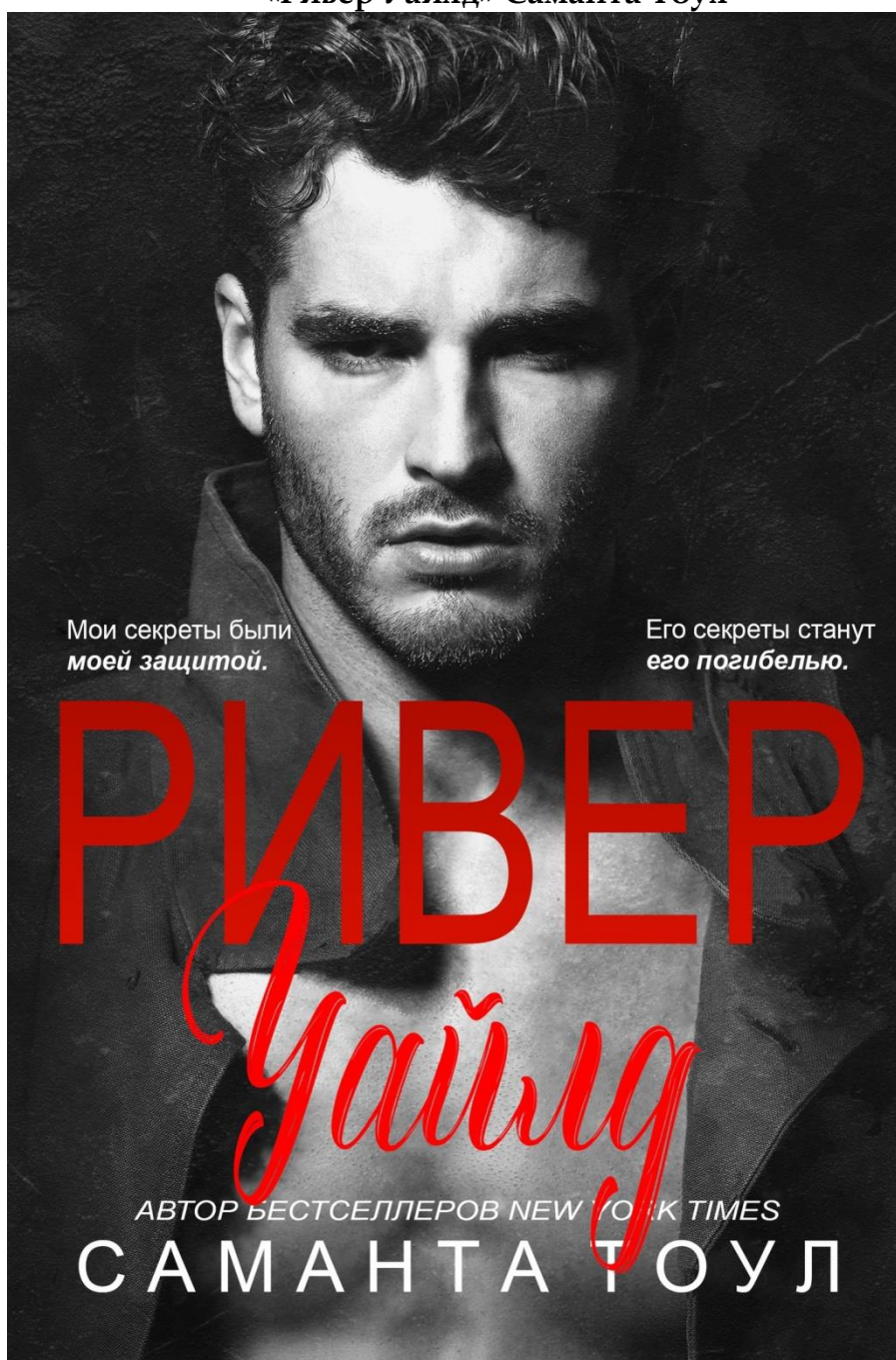


Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

«Ривер Уайлд» Саманта Тоул



Название: Саманта Тоул, «Ривер Уайлд»

Серия: Вне серии

Переводчик: Алла Х

Редактор: Виктория К

Обложка: Виктория К

Вычитка и оформление: Виктория К

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Аннотация:

Новый город. Новая личность. Беременная и одинокая.

И подальше от прошлого, которое никогда меня не найдет.

Ривер Уайлд.

Угрюмый. Мрачный. Мудак.

И мой новый сосед.

Дружба с Ривером меня не интересует. И он определенно не хочет дружить со мной.

А потом он помогает мне спасти бездомную собаку. И в тот день я вижу в его глазах чувства, которые отражаются и в моем взгляде. Печаль. Боль. Одиночество.

Мне они хорошо знакомы.

Каким-то образом между нами возникает нежеланная и неожиданная дружба. Затем, внезапно, она превращается в нечто большее.

У нас с Ривером есть свои секреты, и это нормально. Потому что я понимаю его. А он понимает меня.

Впервые в жизни я обретаю то, чего не думала обрести никогда — счастье.

Но счастье не может длиться вечно. Не у таких, как я.

Особенно когда мое прошлое поджидает за поворотом, готовясь вернуться и забрать всё.

+18

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ПРОЛОГ</i>	4
1	11
2	17
3	20
4	26
5	31
6	35
7	39
8	43
9	50
10	55
11	59
12	64
13	72
14	76
15	83
16	92
17	101
18	108
19	114
20	121
21	126
22	130
23	136
24	140
25	145
26	149
27	153
28	161
29	165
30	171
31	176
32	180
<i>ЭПИЛОГ</i>	184

ПРОЛОГ

Ривер

Риверу восемь лет

Сегодня воскресенье.

Ненавижу воскресенье.

По воскресеньям мама ходит на еженедельное собрание книжного клуба. По воскресеньям между пятью и семью часами вечера мамы нет дома.

По воскресеньям между пятью и семью часами вечера он делает мне больно.

Но я не могу рассказать маме, что он причиняет мне боль.

Он мне сказал, что тоже сделает ей больно, если я расскажу. Он сказал, что мне все равно никто не поверит. Потому что он очень важный.

Мой отчим — тот, которому вы говорите, когда кто-то причиняет вам боль.

Он полицейский.

Полицейские должны быть хорошими.

Но он не хороший.

Он плохой.

Я играю на заднем дворе с новым баскетбольным мячом, который мама купила мне на прошлой неделе на восьмой день рождения.

Она ушла пять минут назад.

Я знаю, что произойдет.

Скоро он позовет меня.

Заставит делать то, чего я не хочу.

Будет делать со мной всякое.

Я бросаю мяч в кольцо, висящее на стене гаража.

Он пролетает в него. С глухим стуком падает на асфальт.

Я подхожу и поднимаю его.

Бросаю снова.

Стук.

— Ривер, иди сюда, — зовет он из кухни.

Я ненавижу его голос.

Я ненавижу его.

Зажмуриваюсь.

Нет.

Мяч катится обратно ко мне, ударяясь о ногу.

— Сейчас же, — рывкает он.

Делаю глубокий вдох. Открываю глаза.

Подняв мяч, прижимаю его к груди. Медленно иду в дом, на кухню.

Он стоит у кухонной стойки.

— Закрой дверь, — говорит он.

Я слушаю, поворачиваюсь и закрываю заднюю дверь.

— Иди сюда.

«Я не хочу. Пожалуйста, не заставляй меня».

— Не заставляй меня повторять дважды. Ты знаешь, что произойдет, если ты так сделаешь.

Я поворачиваюсь и подхожу к нему. У меня начинает болеть живот.

Крепче прижимаю мяч к груди.

Останавливаюсь в нескольких футах от него.

Я не смотрю на него. Но знаю, что он смотрит на меня.

Он протягивает руку и забирает у меня мяч, кладя его на стойку позади себя. Там, как обычно, стоят пустые пивные бутылки.

И еще я вижу на столешнице его кобуру.

Пистолет все еще в ней.

Он никогда не оставлял его вот так. Всегда убирал в сейф.

«Почему он здесь?»

Сердце начинает биться быстрее.

— Сегодня у нас новая игра, Ривер.

«Мой новый папочка пришел ко мне в комнату и сел рядом со мной на пол.

— Хочешь поиграть, Ривер?

— Поиграть? — взволнованно спросил я. — Я люблю играть! Что это за игра?

Он наклонился ближе ко мне. От него воняло пивом и потом. Мне не нравился этот запах.

— Ну, это тайная игра, — прошептал он. — В нее могут играть только хорошие мальчики.

— Я хороший мальчик! Мисс Кларк говорит, что я самый воспитанный мальчик в классе.

Мисс Кларк была моей учительницей в первом классе. Она мне нравилась. От нее приятно пахло. А еще она была хорошенькой, но не такой хорошенькой, как мама. Никто не был такой красивой, как мама.

— Хорошо, но если мы будем играть в эту игру, ты должен пообещать не говорить маме, что мы в нее играли.

— Почему?

— Потому что это тайная игра. О которой мамочкам знать не положено.

— Ладно.

— Клянешься на мизинчиках?

— Клянусь на мизинчиках. А как называется игра?»

Он начинает расстегивать брюки.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Я отворачиваюсь. Смотрю на прикрепленный к холодильнику рисунок. Я нарисовал его в школе в пятницу для мамы. Это рисунок щенка.

Я очень хочу щенка.

Слышу лязг его пряжки. Молния расстегивается.

Мое тело начинает дрожать.

— Ривер.

«Пожалуйста, не заставляй меня делать это».

Он берет меня за руку и притягивает к себе.

До меня доносится обычный запах пива и пота. Меня тошнит.

— Посмотри на меня, парень.

Заставляю голову повернуться в его сторону. Гляжу на стену позади него. Не могу смотреть на него.

— Сегодня мы сделаем кое-что другое. Ты же знаешь, когда ты мой хороший мальчик, папочка обращается с тобой по-особому.

Я закрываю глаза.

— Итак, ты сделаешь это для меня.

— П-пожалуйста... я н-не хочу, — шепчу я.

Он дает мне пощечину.

Я начинаю плакать.

Он снова бьет меня, на этот раз сильнее. Схватив за лицо, щиплет щеки.

— Открой глаза, парень.

Делаю, как мне сказали. По лицу у меня текут слезы.

— Перестань, мать твою, реветь. Плачут только младенцы. Ты младенец, Ривер?

— Н-нет.

— Тогда перестань вести себя так. — Лицо у него ярко-красное. Глаза выпучены.

Он сжимает мне пальцами лицо, причиняя еще большую боль. — Ты сделаешь так, как я скажу, парень. Потому что, если ты этого не сделаешь, то знаешь, что произойдет.

«— Я... я больше н-не хочу играть в эту игру, — прошептал я. — Н-не думаю, что она м-мне нравится.»

— Ты знаешь, что случается с маленькими мальчиками, которые нарушают свои обещания, Ривер?

Я отрицательно покачал головой.

— Они попадают в тюрьму и никогда больше не видят своих мам.

— Я не хочу в тюрьму! Пожалуйста, не сажай меня в тюрьму!

— Не посажу, пока ты будешь делать то, что я тебе говорю. Ты сделаешь в точности так, как скажет тебе папочка, Ривер?

Я уставился в пол. Волосы упали мне на глаза. Они промокли от моих слез.

— Да, сэр, — прошептал я».

— Что случится, Ривер?

Заставляю себя посмотреть ему в глаза.

— Я сяду в тюрьму. И никогда больше не увижу маму. Она останется с тобой, и тогда ты причинишь ей боль.

Он улыбается. От этого я ненавижу его еще сильнее.

— Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы я причинил боль твоей маме, Ривер?
Делаю глубокий вдох.

— Нет, сэр.

— Я так и думал.

Он проводит пальцами по моей щеке. Я стискиваю зубы.

— А теперь я пойду и сяду за стол. Ты принесешь мне из холодильника пиво. Когда я закончу пить, мы начнем играть. Понял?

— Да.

Я поворачиваюсь и иду к холодильнику. Трясущейся рукой открываю дверцу. Я сжимаю ее, чтобы остановить дрожь. Затем лезу внутрь и достаю с верхней полки пиво. Открутив крышку, бросаю ее в мусорное ведро, пытаюсь продлить неизбежное.

Когда я оборачиваюсь, то снова вижу его пистолет.

Он лежит там, на столе.

Я смотрю на него. Он сидит за столом на *моем* стуле.

Моем стуле.

Он выдвинул его из-под стола и развернул лицом ко мне.

А еще он снял штаны. На нем только рубашка.

Мои внутренности сжимаются.

Бутылка в руке дрожит.

Я снова перевожу взгляд на пистолет на столе.

— Чего ты ждешь, парень? — рявкает он. — Иди сюда.

«— Ривер, иди сюда. — Он похлопал рукой по кровати, на которой сидел.

Маминой кровати.

Он никогда раньше не приводил меня сюда играть в свои игры.

Это всегда происходило в моей комнате.

Я не хотел этого делать. Только не здесь.

У меня задрожали руки. Теперь это часто случалось. Особенно по воскресеньям.

Я вжал пальцы в ладони, пока ногти до боли не впились в кожу.

— Сейчас же, Ривер.

Я подошел к кровати и встал перед ним.

Он улыбнулся.

Я еще глубже вонзил ногти в кожу».

— Ривер, больше я повторять не стану! Тащи свою сюда задницу! Сейчас же!

— Нет! — кричу я.

В комнату будто ударила молния.

Никогда раньше я не отказывал ему. Все тело содрогается от страха.

Он встает.

— Нет?

— Я... я...

— Ты смеешь говорить мне «нет», мальчишка?

Я открываю рот, но не могу произнести ни слова. Сердце так быстро бьется. Мне очень страшно. Я впиваюсь ногтями в ладонь свободной руки, пока не чувствую, как рвется кожа.

Мой взгляд устремляется к пистолету на кухонной стойке.

«— Ривер, пора играть, папочка приготовил для нас сегодня совершенно новую игру».

— Я, бл*дь, так не думаю. А теперь тащи сюда свою задницу, парень!

Я сжимаю рукой пивную бутылку. Перевожу взгляд на него.

— Нет, — повторяю я.

Его лицо каменеет. Он склоняет голову набок.

— Правила изменились, Ривер. Еще хоть раз скажешь мне «нет», и я убью твою маму, как только она переступит порог. И вместо того, чтобы отправить тебя в тюрьму... я оставлю тебя здесь, со мной. Здесь, в этом доме, мы будем только вдвоем. И я буду делать с тобой все, что захочу и когда захочу. Только подумай... Я бы мог вставлять в тебя свою дубинку каждый гребанный день, если бы захотел. — Он проводит пальцем по губам, улыбаясь. — Вообще-то, эта идея мне нравится больше... Так что, наверное, я все равно убью твою маму...

— Нет! — кричу я.

Потом пиво оказывается на полу, а его пистолет у меня в руках.

И я направляю его на него.

Его глаза на мгновение расширяются. Потом он смеется.

От этого звука у меня болят уши.

— И что ты собираешься с ним делать, а?

Руки у меня трясутся, как при землетрясении. Пистолет очень тяжелый.

— Я-я...

— Я-я, — передразнивает он. — Что, пацан? Говори. — Он прикладывает ладонь к уху, издеваясь надо мной.

— Я-я... х-хочу, чтобы ты у-ушел! — кричу, поднимая пистолет выше. Руки болят.

Он склоняет голову набок.

— Ушел? Я не уйду, Ривер. Я никогда тебя не покину. Ты мой особенный мальчик. А папочка очень любит своего особенного мальчика.

«— Ты такой хороший, Ривер. Такой особенный. Пора играть в новую игру».

— Прекрати! Перестань! — кричу я. У меня так болит голова. Всё болит. Я просто хочу перестать страдать. — Я просто хочу, чтобы ты перестал! Оставь меня в покое!

«— Я-я н-не хочу больше и-играть».

Он схватил меня за голову и уткнул лицом в подушку.

— Заткнись. Ты портишь игру.

Воздуха не было. Я не мог дышать.

Мамочка, помоги мне, пожалуйста.

Его рука отпустила мою голову. Я отвернулся в сторону и судорожно вздохнул.

— Мне не нравится, что ты заставил меня это сделать. — Он провел рукой по моим волосам, приглаживая их. — Теперь ты будешь хорошим мальчиком?

По моей щеке скатилась слеза.

— Да, сэр».

— Ты не выстрелишь в меня, Ривер. Так что, просто опусти гребаный пистолет.

— Я-я...

«Запах пива...

Горячие слезы на моем лице...

Не могу дышать ...

Мне страшно...

Пусть это прекратится...»

— Опустит гребаный пистолет, мелкий засранец! — кричит он, шагая ближе.

— Н-не п-подходи б-ближе! — кричу я и поднимаю пистолет выше.

Руки болят.

Но я не могу его опустить.

Если опущу, он... он снова сделает мне больно.

Сделает больно маме.

Мне очень страшно.

Я не знаю, что делать.

— Я-я н-не х-хочу больше и-играть с тобой! Пожалуйста, оставь меня в покое!

— Оставь меня в покое! — передразнивает он. — Перестань, мать твою, распускать нюни. Все мальчики делают это для своих папочек. Когда я был твоего возраста, тоже делал это для своего папы, и я не ревел из-за этого! Ты хоть представляешь, как тяжело мне живется, парень? Каждый гребаный день я рискую жизнью, зарабатываю деньги, чтобы одевать тебя и набивать едой твой неблагодарный живот! А теперь делай, что тебе говорит отец, и опусти пистолет!

«Мне очень страшно...

Не могу дышать...

— Вот это мой хороший мальчик, Ривер. Папочка любит тебя. Папочка очень тебя любит».

— Ты мне не отец! — кричу я. — Я тебя ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Чувствую, как пистолет выскользывает из рук. Я сжимаю ее крепче.

Бах!

Мое тело дергается назад.

Отчим... он стоит и смотрит на меня. Его рука прижата к животу.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Он убирает руку, и на белой рубашке появляется красное пятно. Он смотрит на него.

—Т-ты, блядь, меня подстрелил, — заикается он. Он никогда не заикается. — Я убью тебя на хрен! — Он бросается вперед.

Бах! Бах! Бах!

Отчим лежит на полу.

Повсюду кровь.

Пистолет выпадает из моих рук.

Я поднимаю глаза и вижу стоящую в дверях маму.

Она выглядит испуганной. Она начинает плакать.

— Что ты наделал, Ривер? — шепчет она.

«Я спас нас, мама. Я спас нас».



Энни

Я смотрю на мужчину, сидящего напротив меня за кухонным столом. Мужчину, за которого семь лет назад вышла замуж.

Мужчину, которого ненавижу.

Я смотрю на него со всем своим скрытым презрением и ненавистью.

«Я ухожу от тебя».

Эти слова эхом отдаются у меня в голове.

Хотелось бы мне произнести эти три слова вслух.

Но я не могу.

Страх и сотни других ужасающих причин надежно запирают их в голове.

Подняв руку к лицу, аккуратно касаюсь пальцем припухлости на скуле, двигаясь вниз к разбитой губе.

Он замечает, как я прикасаюсь к своему лицу.

Хмурится.

Я опускаю руку.

Прошлой ночью избиение было ужасным. Он ударил меня по лицу. Сейчас такое случается реже.

Он не хочет, чтобы люди расспрашивали меня о синяках на лице.

Поэтому, когда он меня бьет, то наносит удары по телу. Обычно единственное насилие, которое происходит во время секса, — это удушение. Такое он любит делать часто.

Но прошлой ночью во время секса он меня ударил.

Или я бы сказала — во время изнасилования.

Потому что так оно и было.

Сначала я не понимала, что это изнасилование. Считала, чтобы быть изнасилованной, нужно говорить «нет». Может, даже пытаться сопротивляться.

Я никогда не делала ни того, ни другого.

Но я не могла сказать «нет». Я слишком боялась. И если бы я ему отказала, он бы все равно взял то, что хотел.

Но я рада, что прошлой ночью он ударил меня по лицу, потому что не могу рисковать ударом в живот.

Не сейчас. Когда беременна.

Беременна ребенком, о котором он никогда не узнает.

Я узнала о беременности всего несколько дней назад. Вот почему, наконец, уйду. Почему у меня, наконец-то, хватает мужества его бросить.

Потому что есть уже не только я.

Мне нужно защитить ребенка.

Знаю, люди бы подумали, что я должна просто вызвать полицию. Пусть его арестуют за то, что он со мной сделал.

Но Нил и есть полиция.

Детектив Нил Кумбс. Коллеги его очень уважали и восхищались им. Ожидалось, что когда-нибудь он станет шефом полиции. В прошлом году он получил медаль «За отвагу».

И все же он регулярно избивает свою жену.

Однажды, давным-давно, в самом начале, я попыталась вызвать полицию. И она мне не помогла.

Потому что все они такие же грязные и продажные, как и он.

Так что поступаю единственным возможным способом. Я сменю имя и исчезну.

Единственный плюс в том, чтобы быть замужем за жестоким ублюдком мужем-полицейским, — это то, что он продажный коп, которому преступники платят, чтобы он закрывал глаза на их делишки.

Нил полагает, что я понятия не имею, чем он занимается на стороне. Но я знаю больше, чем он думает.

А те грязные деньги, которые ему платят, и которые он не может положить в банк, так как это вызовет вопросы, он хранит в сейфе, спрятанном в письменном столе в его кабинете.

Сейфе, о котором, как он считает, я ничего не знаю.

Но я знаю.

И он станет моим билетом отсюда.

Я не хочу брать его деньги. Лучше бы мне этого не делать.

Мне хотелось бы соблюдать нормы морали и нравственности, но другого выбора нет.

У меня нет собственных денег.

Нил никогда не позволял мне работать. Сначала я думала, это потому, что он меня любит и хочет обо мне заботиться.

Но быстро поняла, что это всего лишь один из способов контролировать меня.

Если у меня не будет денег, я не смогу уехать.

Так что, я забираю его деньги и уйду.

Нил встает из-за стола. Я вижу на его поясе пистолет, как и каждый день, и от его вида у меня до сих пор все внутри сжимается.

Нил берет со спинки стула пиджак и надевает его.

Я встаю и провожаю его до входной двери, как делаю каждое утро. Потому что меня к этому приучили.

«Но не после сегодняшнего.

Больше никогда».

Он останавливается в дверях и поворачивается ко мне.

Я собираюсь с духом.

Его рука поднимается к моему лицу.

Я вздрагиваю.

Удовлетворенный взгляд скользит по мне, и в этот момент я ненавижу его больше, чем когда-либо.

— Я не причиню тебе вреда, Энни. — Он сжимает мой подбородок большим и указательным пальцами.

Я напрягаюсь, наблюдая, как его взгляд переходит к синяку на моей скуле. Разбитой губе.

Когда-то в его глазах было раскаяние.

А теперь — ничего.

— Вчера вечером я увлекся. Оставайся сегодня дома. На обратной дороге домой я захвачу ужин.

— Ладно, — отвечаю я.

— Хорошая девочка.

Он прижимается к моим губам наказывающим поцелуем, рану сильно жжет, но я не реагирую на боль и скрываю отвращение. Тошнотворное чувство, которое испытываю всякий раз, когда он ко мне прикасается.

Просто, как всегда, отвечаю на поцелуй. Сейчас как никогда важно не облажаться.

Я не хочу, чтобы он почувствовал, что со мной что-то не так.

Сделав шаг назад, он отпускает мой подбородок.

«Я тебя ненавижу».

— Хорошего дня. — Я улыбаюсь. Вынужденно, но натренировано.

Он открывает дверь, чтобы выйти.

— Я серьезно, Энни. Не выходи сегодня.

— Не выйду. Обещаю.

«Просто уходи».

Он выходит за дверь. От предвкушения мой пульс учащается.

Затем он останавливается и оборачивается, чтобы посмотреть на меня через плечо.

Мой желудок сжимается от страха.

Не за себя.

Я уже давно перестала бояться за свою жизнь.

Когда ты больше не боишься смерти, а жаждешь ее, тебе нечего терять. Но теперь у меня будет ребенок, речь идет уже не только о моей жизни. Я обязана дать своему ребенку лучший шанс.

— Ты ничего не забыла? — говорит он резко, приподняв бровь.

«Блин. Блин. Блин».

— Я люблю тебя, — говорю, нервно сглатывая.

Он смотрит на меня вопросительно, кажется, целую вечность.

Я стараюсь держаться как можно спокойнее, желая, чтобы сердце замедлило бешеные удары.

Затем, наконец, после того, что кажется вечностью, он говорит:

— Я люблю тебя, Энни. Пока смерть не разлучит нас.

— Пока смерть не разлучит нас, — с легкостью повторяю я.

«Никогда и ни за что».

Дверь за ним закрывается.

Тихо выдыхаю. Воздух, что я сдерживала все утро.

Стою и слушаю. Жду.

Двигатель его машины оживает.

Я слышу, как он отъезжает.

Жду еще немного, чтобы убедиться, что он точно уехал.

И тогда начинаю действовать.

Бегу наверх и быстро надеваю джинсы и футболку, а затем просовываю ноги в кроссовки. Достāju из шкафа старую потрепанную коричневую кожаную спортивную сумку. Ту, в которой привезла свою одежду, когда в восемнадцать лет переехала из приемной семьи к Нилу, и коробку с воспоминаниями.

Родной семьи у меня не было. Я приемная. Ребенком меня забрали у матери, которая была наркоманкой и проституткой, и определили в приемную семью. Никто не знал, кто мой отец. Вероятно, один из ее клиентов.

Полагаю, это и стало причиной, почему я так легко оказалась в руках Нила.

Он был старше. Зрелый. А я отчаянно нуждалась в чем-то стабильном. Хотела иметь свою семью.

Мне было восемнадцать. Только что закончила школу и надеялась поступить в общественный колледж. Однажды ночью, по пути от метро до дома, на меня напал грабитель. Нил случайно проходил мимо, когда это случилось. В этот момент он был не на дежурстве.

Он поймал парня и арестовал. Симпатичный полицейский, старше меня, вернул мою сумочку и назначил свидание на следующий вечер.

Через неделю я переехала к нему.

Мой кошмар начался полгода спустя, когда он впервые меня избил.

В ночь, когда мы поженились.

До этого он был таким замечательным. Я не могла поверить, что этот удивительный парень хотел быть с кем-то вроде меня.

Теперь я понимаю, что была легкой мишенью.

Мною можно было легко манипулировать и контролировать.

Я считала, что заполучив его, мне повезло, хотя на самом деле это было самое худшее, что когда-либо со мной случилось.

Подойдя к шкафу, достāju коробку с воспоминаниями. Внутри совсем не так много вещей, например, свидетельство о браке. Корешок билета с нашего первого свидания в кино. Пробка от шампанского, с того вечера, когда он сделал мне предложение.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Все эти вещи могут отправиться в мусорное ведро, мне все равно.

Сняв крышку, достаю всего две нужные мне для побега вещи. Удостоверение личности и свидетельство о рождении с новым именем.

Положив их во внутренний карман сумки, надежно застегиваю молнию.

Затем собираю одежду и нижнее белье, которые уже планировала взять с собой, и кладу туда же. Нет смысла брать с собой слишком много. Меньше тащить, да и в эту одежду я все равно скоро не влезу.

Я завязываю длинные светлые волосы в тугий пучок, а потом натягиваю поверх бейсболку.

Захожу в ванную, беру зубную щетку, зубную пасту и другие туалетные принадлежности и кладу их в косметичку. Укладываю ее в сумку вместе с одеждой.

Вместе с сумкой спускаюсь вниз и иду в кабинет Нила. Меня окутывает зловещая тишина. Больше всего я ненавижу эту комнату.

Несмотря на понимание, что я одна, по мне все равно пробегает дрожь.

Я все еще боюсь, что он вернется домой и поймают меня.

Быстро подойдя к столу, присаживаюсь на корточки и опускаю сумку рядом. Я открываю дверцу в столе.

Собрав сложенные перед сейфом папки, кладу их на пол.

Достаю из кармана ключ от стола. Ключ мне пришлось у него выкрасть, сделать слепок и положить обратно, прежде чем он понял, что его нет.

День, когда я это сделала, был одним из самых страшных в моей жизни, а я провела последние семь лет в страхе. Я пришла в ужас от того, что он может меня раскусить, и это станет концом и для меня, и для ребенка.

Но он ничего не заподозрил, и мне все удалось. Я возьму деньги и уберусь отсюда, и все будет хорошо.

Меня охватывает страх.

«А что, если денег нет? Если по какой-то причине он их оттуда взял?»

Полагаю, есть лишь один способ это выяснить.

В любом случае, я все равно уйду. Я больше ни дня не проведу здесь с ним. Мне просто придется придумать что-то еще.

Затаив дыхание, открываю сейф.

И выдыхаю.

Деньги все еще на месте.

Точно не знаю, сколько здесь. Думаю, сотни тысяч.

Мне нужно лишь столько, сколько понадобится, чтобы выбраться отсюда и, пока я не найду работу, заплатить за жилье, сумма за которое, как я выяснила, составляет около шести тысяч. Понимаю, мне, вероятно, придется внести залог, по крайней мере, за шесть месяцев, потому что я не смогу предоставить рекомендации.

«Но... что, если из-за беременности никто не возьмет меня на работу? Что, если у меня кончатся деньги, на работу не примут, и я не смогу платить за жилье?»

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Боже».

Я ненавижу себя за эти мысли. Делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание.

«Энни, тебе за многое причитается».

Я знаю. Но я не хотела, чтобы все было так. Я хотела сама заботиться о ребенке. Зарабатывать свои деньги.

«И ты заработаешь, но сейчас тебе нужны деньги, независимо от источника их происхождения».

Выдохнув, наконец, достаю из сейфа десять тысяч.

Все, что останется, я пожертвую приюту для женщин.

Закрыв дверцу сейфа, запираю ее. Складываю папки обратно и прикрываю дверцу стола.

Выйдя с сумкой в коридор, опускаю ее на пол. Достаю из шкафа куртку и надеваю ее. Подняв сумку, вешаю длинный ремень на плечо.

Мой сотовый лежит на прикроватном столике. Пусть там и остается. Он мне больше не понадобится. Если я возьму его с собой, Нил выследит сигнал и найдет меня.

Я выхожу через парадную дверь, оставляя Энни Кумбс в прошлом, и превращаюсь в Кэрри Форд.



Кэрри

Настоящая Кэрри Форд погибла пять лет назад в автомобильной катастрофе. Ей было двадцать пять. Столько же, сколько сейчас мне. Мы похожи — та же бледная кожа, те же голубые глаза, — но у нее были великолепные длинные рыжие волосы, тогда как я блондинка.

Но женщины часто меняют цвет волос, так что могу сойти за нее.

Я никогда не знала Кэрри.

Она была внучкой моей единственной подруги. Подруги, о существовании которой мой муж даже не подозревает.

Нил никогда не позволял мне заводить друзей.

Но мне нужен был кто-то, а миссис Форд просто потрясающая. Она живет через три дома от нас.

Ей далеко за семьдесят, и она самая милая леди, которую вы когда-либо встречали.

Мы подружились, когда я находилась во дворе, ухаживая за садом, а она останавливалась поболтать.

Однажды она пригласила меня на кусочек домашнего пирога и чашку кофе, и после этого мы стали друзьями.

Через некоторое время она заметила синяки. Она никогда о них не расспрашивала. Но мы обе понимали, что она знала, что мой муж меня избивает.

Когда я узнала о беременности, то не выдержала и рассказала ей, что происходит. Что мне нужно сбежать, но я не знала, как.

Она понимала, что заявить на Нила в полицию я не могу. И никак не смогла бы спрятать меня у себя.

Единственный выход — исчезнуть.

Тогда-то она вышла из комнаты и сделала мне самый лучший подарок, который я когда-либо получала. Отдала мне удостоверение личности своей внучки и свидетельство о рождении. Велела мне взять их. Сменить имя и исчезнуть.

Наконец-то, я нашла выход.

Она также предлагала мне деньги, но я не могла их взять.

В любом случае, я знала другой способ добыть деньги.

Я крепко ее обняла. Поблагодарила.

И это стало началом того, чтобы я смогла исчезнуть.

Каждый день буду благодарить Кэрри Форд за то, что она подарила мне свое имя.

Вчера мы с миссис Форд попрощались. Я буду по ней очень скучать.

Быстрым шагом направляюсь в сторону автобусной станции.

Подпрыгиваю от любого шума, который слышу, и каждой проезжающей машины, в ужасе от того, что в одной из них окажется Нил.

«Все в порядке. Он в городе.»

Но что, если один из его приятелей будет патрулировать улицу и увидит меня?»

Быстрый шаг превращается в бег трусцой.

«Успокойся. Так ты еще больше привлекаешь к себе внимание».

Я замедляю бег до быстрой ходьбы.

Через десять минут, никем не замеченная, добираюсь до автобусной станции.

«Ты почти на месте. Почти свободна».

Остановившись у входа на автобусную станцию, натягиваю бейсболку, прикрывая глаза и лицо. Внутри станции установлены камеры видеонаблюдения. Камеры, к которым Нил сможет получить доступ, если выяснит, как я покинула город, и попытается узнать, на каком автобусе я уехала. Кроме того, мне нужно скрыть красную припухлость на щеке. Она бы сделала меня еще больше запоминающейся, если бы он допросил кассиров, а это последнее, чего я хочу. К сожалению, с разбитой губой я мало что могу сделать.

Через стеклянную дверь станции вижу электронное табло, на котором подробно расписано время отправления автобуса.

Следующий автобус отправляется через пятнадцать минут в местечко под названием Каньон Лейк в Техасе.

В Техасе жарко.

А я ненавижу жару. Быть обладательницей бледной кожи — значит поджариться на солнце, как цыпленок.

Нил это знает. Так что он никогда не подумает, что я поеду в Техас.

Идеально.

Не поднимая головы, делаю глубокий вдох, открываю дверь и вхожу в здание оживленной станции.

Быстро, но спокойно подхожу к свободной кассе. За наличные покупаю билет в один конец до Каньон Лейк.

Взяв билет, выхожу из здания станции и направляюсь туда, где меня ожидает автобус, чтобы увезти подальше от этого места.

Увидев мусорку, останавливаюсь.

Смотрю на левую руку. Мое обручальное кольцо.

В голове проносится шквал воспоминаний.

Наше первое свидание. Первый секс. День нашей свадьбы.

Первый раз, когда он меня ударил. Первый раз, когда изнасиловал. Первый раз, когда он так сильно меня душил, что я потеряла сознание.

Сняв обручальное кольцо, бросаю его в урну.

Затем, не оглядываясь, иду к автобусу и забираюсь в него. Пытаюсь вести себя нормально, будто не убегаю от жестокого мужа, воспользовавшись документами мертвой женщины. Показываю водителю билет. Он просит предъявить удостоверение личности.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Нервно сглотнув, достаю его из сумки и протягиваю ему. Он бросает на него быстрый взгляд и возвращает мне.

Вот и все.

Я сделала это.

Я иду по проходу и, положив сумку у ног, сажусь у окна, ближе к хвосту автобуса.

И глубоко вздыхаю. Сердце бешено колотится.

Я сделала это.

Я сижу в автобусе, который отвезет меня на свободу.

Все жду, что объявится Нил и выволочит меня наружу.

Но он не появляется.

Двери автобуса закрываются, и он отъезжает от станции.

Увозя меня в новую жизнь.



Кэрри

Я выхожу из автобуса на яркий солнечный свет и осматриваю свое новое место пребывания.

Итак, Каньон Лейк.

Мой новый дом.

Наш новый дом.

Я прижимаю руку к плоскому животу.

— Слышишь? — шепчу я малышу, склонив голову. — Мы дома. Мы в безопасности.

Легкий ветерок треплет мне волосы, в поле зрения мелькает рыжая вспышка.

Я убираю пряди, заправляя их за ухо.

Теперь я рыжая. Ярко-рыжая.

Я покрасила волосы по пути сюда, в туалете на первой из многочисленных остановок для отдыха. Я купила в магазине краску для волос, роман в мягкой обложке и одноразовый телефон.

К рыжему цвету нужно немного привыкнуть после того, как я всю жизнь была блондинкой. Но мне нравится.

Из-за этого цвет моих глаз резко меняется, а россыпь веснушек на носу выглядит более заметной.

Я выгляжу по-другому. А именно это мне и нужно.

Я больше не могу быть Энни. Чтобы выжить, я должна стать Кэрри.

Пусть синяк на лице и рана на губе еще видны, но они скоро исчезнут, а с ними исчезнут и все следы Энни, и я стану просто Кэрри.

Я удаляюсь от автобуса и ступаю на тротуар. На мгновение опускаю сумку. Здесь очень тепло.

Конечно, Техас известен своей жарой, но я не думала, что в ноябре будет так тепло.

Оглянувшись вокруг, замечаю, что людей, кажется, это не заботит.

Либо они привыкли, либо я просто жарофоб.

Или из-за беременности температура моего тела поднялась на несколько градусов.

Судя по дате последних месячных, я предположила, что ребенок должен родиться где-то в июле.

Господи, если сейчас уже так тепло, то я прохожу всю беременность в самом жарком месте в США. Я явно недостаточно хорошо продумала свой приезд сюда.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Ну, на самом деле я вообще ничего не продумывала. Если не считать того, что выбрала первый отъезжающий автобус, а Нилу хоть и за миллион лет в голову не придет искать меня здесь.

То, что он меня здесь не найдет, стоит страданий от жары во время беременности. Просто куплю себе хороший кондиционер и портативный вентилятор.

Что касается моего срока, то я еще не обращалась к врачу. Лишь узнав о беременности, мне пришлось действовать очень быстро.

Встать на учет у врача стоит на втором месте в моем списке после поиска жилья. И, надеюсь, я его уже нашла.

Во время долгого путешествия сюда, я воспользовалась новым телефоном, начав поиски в интернете доступного для аренды жилья в Каньон Лейк. Выбор был скудным. Вариантов не много. Это были либо однокомнатные квартиры, либо дома с тремя спальнями, а мне нужны две комнаты — для ребенка и меня. По возможности я бы предпочла не арендовать однокомнатное жилье, так как мне пришлось бы снова переезжать, как только ребенок начал бы подрастать.

Так что, наткнувшись на полностью меблированный дом с двумя спальнями, это было похоже на судьбу. В описании говорилось, что дом стоит на тихой жилой улице с видом на открытый лесной массив, который ведет к реке Гуадалупе.

Фотографий дома не было, но меня это не беспокоило. Путь он будет хоть лачугой, мне все равно. Если он будет мой.

Я позвонила по указанному телефону и поговорила с риэлтором, приятной женщиной по имени Марла. Она сказала, что дом буквально только что выставили для аренды, и именно поэтому в Интернете еще не было фотографий.

Именно тогда я поняла, что это должен быть он.

На мгновение мне показалось, что все слишком просто. Я ушла от Нила. Нашла дом.

Но потом поняла, что большую часть жизни мне было нелегко, и особенно последние семь лет, так что мне причиталось.

Я спросила Марлу, могу ли осмотреть дом сегодня, и она ответила, что никаких проблем не возникнет. Я подумала, будет лучше честно сказать, чтобы не тратить впустую ни свое, ни ее время, что у меня нет рекомендаций, но я могу заплатить наличными вперед, что, похоже, ее более чем устраивало.

Итак, моя встреча с ней в доме назначена на час тридцать. Автобус должен был прибыть на место в час, что дало бы мне возможность добраться до дома. Достав телефон, чтобы найти адрес по Google-картам, на дисплее вижу 1:27.

«Мляха-муха».

Я даже не заметила, что автобус опаздывает.

Быстро набираю адрес в Google-картах, проверяя, сколько времени мне понадобится, чтобы туда добраться.

Пятнадцать минут.

Тут же пишу смс риэлтеру, давая знать, что немного опоздаю, а затем, закинув сумку на плечо, отправляюсь в путь.

Пятнадцать минут спустя иду по красивой, обсаженной деревьями улице. Здесь очень спокойно. Единственный звук — пение птиц.

Судя по карте, дом, который мне нужен, находится в конце улицы.

Через минуту замечаю вывеску «Аренда» и прямо за ней дом.

Это любовь с первого взгляда.

Дом старый, а я люблю старые дома. Он немного потрепанный, как и я, но ничего такого, что не исправить с помощью краски.

Дом одноэтажный и идеально подойдет для времени, когда ребенок начнет ползать — никаких лестниц, чтобы беспокоиться.

Впереди есть дворик и, немного облагородив сад, чем я с удовольствием занималась, он будет выглядеть великолепно. Представляю, как сижу во дворе с ребенком, может, даже болтаю с соседями, когда те проходят мимо.

Иду по дорожке к входной двери, и она открывается как раз перед тем, как я ее достигаю.

— Мисс Форд? — приветливо улыбается мне симпатичная блондинка чуть за сорок.

По ее дрогнувшей улыбке, я вижу момент, когда она замечает на моей щеке синяк, теперь уже ставший черным.

Стыд скручивает внутренности. Я наклоняю голову, чтобы волосы упали на лицо, закрыв его.

— Да. Но зовите меня Эн... — Я спохватываюсь. — Кэрри, — отчетливо произношу я, внутренне ругая себя.

Мне нужно привыкнуть называть себя Кэрри.

Ее улыбка сияет в полную силу.

— Приятно познакомиться, Кэрри. — Она протягивает руку, и мы обмениваемся рукопожатием. — Я Марла. Мы разговаривали по телефону.

— Да, конечно.

— Не хотите зайти и осмотреться? — Она жестом приглашает меня пройти в маленькую прихожую и закрывает за нами дверь. — Следуйте за мной, я проведу вам экскурсию.

Я хожу за ней по дому, все время улыбаясь. Наверное, я выгляжу как сумасшедшая, но мне все равно. Я просто очень счастлива быть здесь.

Дом идеален.

В нем есть большая спальня с ванной комнатой, а вторая спальня, где будет детская, тоже приличного размера и находится прямо через коридор. А главная ванная комната — прямо по соседству. Из детской также открывается вид на сад.

Дом полностью обставлен, а это значит, что мне не нужно беспокоиться о мебели, только о кровати для детской. И нужно всего лишь купить постельное белье для кровати и полотенца для ванной.

У меня очень хорошее предчувствие насчет этого дома. Я чувствую себя в нем... в безопасности.

Это все, чего мне когда-либо хотелось.

Дом.

Наконец-то, я дома.

— Итак, что думаете? — спрашивает меня Марла, останавливаясь в гостиной, — мы вернулись туда, откуда начали.

— Я беру, — говорю без колебаний.

Она широко улыбается, показывая мне полный набор косметически улучшенных жемчужно-белых зубов.

— Замечательно. — Она хлопает в ладоши. — Итак, рекомендаций у вас нет, поэтому мне понадобится взнос, по крайней мере, за полгода вперед.

— Это не проблема, — говорю я.

— Отлично. Ладно, я только достану из машины документы.

Пока ее нет, я отсчитываю деньги, которые мне понадобятся, чтобы покрыть шестимесячную арендную плату.

Полчаса спустя подписываю договор аренды и смотрю, как Марла отъезжает на своей сверкающей «Ауди».

Вернувшись в дом, закрываю дверь. И запираю ее за собой.

Затем прислоняюсь лбом к двери и с минуту просто дышу.

«Ты сделала это, Энни. Ты сбежала от него. С этого момента ты начинаешь жить».

Сделав последний глубокий вдох, отхожу от двери. Направляюсь за спортивной сумкой и уношу ее в спальню.

Достав одежду и туалетные принадлежности, бросаю их на кровать. Беру несколько сотен долларов, а оставшиеся деньги вместе с удостоверением личности и свидетельством о рождении оставляю. Уношу сумку в маленькую гардеробную. Открыв самый большой ящик, запихиваю ее туда. Подыщу более безопасное место для хранения денег, как только ознакомлюсь с домом.

Сняв с себя грязную одежду, включаю горячий душ и забираюсь внутрь, наслаждаясь ощущением почти обжигающих струй на коже. Смывая свое прошлое. У воды светло-рыжий оттенок — остатки краски, которую я не смыла должным образом, когда работала над своей внешностью во время остановки автобуса.

«Я свободна».

Слезы смешиваются с водой, и я смотрю, как мое прошлое стекает в канализацию.

Выключив душ, хватаю старое потрепанное полотенце, висящее на держателе.

Я куплю новые, когда пойду в магазин.

Вытираюсь и расчесываю волосы, оставляя их распущенными. Надеваю джинсы и футболку. Мне понадобится еще одежда. Предпочтительно шорты, майки и хлопчатобумажные платья.

Пройдя на кухню, завариваю себе пакетированный травяной чай, который купила во время одной из остановок. Налив воду в чайник, включаю его, и пока он закипает, нахожу чашки.

Заварив чай, выношу его на задний двор и встаю на крыльце. Облокачиваюсь на перила.

Мне бы не помешал здесь стул, чтобы иметь возможность сидеть и наслаждаться одиночеством. Но сейчас буду стоять и наслаждаться тем, что у меня есть.

Здесь так тихо. Я никогда не знала такого покоя.

Успокаивающая тишина. Та, что окутывает вас коконом.

Идеально.

Все это.

Делаю глоток чая и слышу, как из соседнего дома справа начинает играть «Богемская рапсодия» группы Queen.

Я люблю эту песню. Меня даже не волнует, что она проникла в мой покой. Во всяком случае, она заставляет меня улыбаться.

У моего нового соседа отличный музыкальный вкус.

Тихонько подпевая, бросаю взгляд на соседний дом. Я заметила его раньше. Его трудно не заметить. Он огромный. Занимает большую часть конца улицы. Это большой старый дом в колониальном стиле. Без сомнения, самый большой на улице. С великолепным крыльцом по всему периметру, и с задней части которого видно место, где я стою. Еще вижу сад и бассейн. Сад примерно в двадцать раз больше моего. Рядом стоит кирпичное здание. Вероятно, гараж или сарай.

Интересно, кто там живет?

Дом такого размера с бассейном, там определенно живут богатые люди. Возможно, есть дети. Маленькие дети — это великолепно, потому что у моего ребенка будет с кем играть, когда он станет чуть старше.

Счастье согревает живот при мысли, что я могла бы... нет, что я буду здесь спустя годы, наблюдая, как растет мой ребенок, свободный от прошлого, и что он никогда не узнает, какой была моя жизнь до этого.

Я начинаю подпевать Queen.

Затем слышу, как хлопает сетчатая дверь, и поднимаю глаза на этот звук.

На заднем крыльце дома стоит парень. Насколько могу судить, он очень высокий. С копной волнистых темных волос. Когда он двигается, замечаю в них медные отблески, солнечный свет высвечивает рыжеватые пряди. По бокам волосы коротко подстрижены, а на макушке длиннее. Подбородок покрыт щетиной, которой, похоже, несколько дней.

У Нила никогда не было щетины. Он говорил, что это выглядит неопрятно.

Мне нравятся щетина и бороды. Но я никогда не говорила об этом Нилу. Мнение — не то, что мне позволялось иметь.

У одного из моих приемных отцов, Генри, была борода. Он был моим любимым приемным отцом. По-настоящему хорошим человеком. Правда, борода у него была седая. Она напоминала мне бороду Санты.

Но он умер. Честно говоря, он был стар. После его смерти я осталась жить с Сандрой, его женой. Но через год она последовала за ним.

Полагаю, ее сердце разбилось в день его кончины, и так и не восстановилось.

Меня определили в новую приемную семью.

Так что, да, бороды дают мне внутреннее чувство теплоты.

Со своего места не могу сказать, сколько лет моему новому соседу. Я бы сказала, определенно меньше тридцати. У него есть татуировки. Ими покрыты обе руки. Черная футболка прекрасно их демонстрирует.

Татуировки Нил тоже не любил.

Говорил, что татуировки и преступность идут рука об руку.

Нил все еще жил в пятидесятых.

Как бы сказал Нил, мой новый сосед похож на тех парней, которых он каждый день сажает в тюрьму.

А значит, он, вероятно, лучше моего мужа.

Простите, бывшего мужа.

Ого. Я чувствую свободу, называя его так.

Не то чтобы я когда-нибудь смогу с ним развестись. Тогда бы мне пришлось выдать себя, чего никогда не сделаю. Но я от него далеко, и это все, что имеет значение.

Я здесь, в своем новом доме, начинаю новую жизнь.

А мой новый сосед — ходячая версия всего, что не нравится Нилу.

Он мне уже нравится.

Мой взгляд опускается на его руки, и я вижу в одной книгу, а в другой стакан с чем-то. Под мышкой у него что-то вроде портсигара.

Смотрю, как он ставит стакан и портсигар на стол. Затем достает что-то из переднего кармана черных джинсов и бросает на стол — вероятно, зажигалку.

После, неожиданно, поворачивается в мою сторону, ловя мой пристальный взгляд.

«Ё*ушки-воробушки».

Чувствую, как лицо начинает пылать.

Мне придется что-то сказать, иначе буду выглядеть жутко.

Я выпрямляюсь и в приветствии поднимаю руку.

— Привет, — улыбаюсь я.

Он не отвечает. Может, не услышал.

На этот раз я говорю громче:

— Я ваша новая соседка, Эн... Кэрри. Меня зовут Кэрри.

Никакого ответа.

Он просто стоит и смотрит на меня.

Его взгляд мрачный и напряженный.

И жесткий.

Ледяной.

Холодок скользит по мне, все тепло, что я чувствовала минуту назад, исчезает.

Переступаю с ноги на ногу. Не знаю, что делать. Просто вернуться в дом? Но это было бы невежливо.

Но, игнорируя меня, он ведет себя грубо.

Может, на самом деле он меня не игнорирует, а просто не слышит оттуда.

Решаю попытаться в последний раз и кричу:

— Меня зовут Кэрри. Я только что...

Слова замирают у меня на языке, когда он резко разворачивается и шагает обратно в дом.

Сетчатая дверь захлопывается за ним с такой силой, что отскакивает от рамы, издавая громкий треск.

Через несколько секунд музыка перестает играть, оставляя меня в полной тишине.

И эта тишина уже не кажется такой приветливой.



Кэрри

После не очень приятной, неловкой встречи с моим грубым соседом я решаю прогуляться в город, чтобы найти продуктовый магазин и место, где продаются банные полотенца и постельное белье. Мне не нужно беспокоиться о покупке одеяла, учитывая, как сейчас тепло, и в ближайшем будущем, не думаю, что это изменится, а с увеличивающимся животом станет лишь хуже.

Так что мне нужны только простыни, подушки и наволочки. И солнцезащитный крем. Потому что, если не буду им пользоваться, то поджарюсь, как ломтик бекона.

А еще мне нужен тональный крем.

Может, поэтому он был со мной груб. Возможно, увидел на лице синяк и подумал, что от меня жди беды. Что я стану для соседей проблемой.

Ну, теперь я мало что могу сделать, чтобы его скрыть. Поэтому использую единственный способ. Схватив расческу, зачесываю волосы в сторону, так что они падают мне на глаза и закрывают щеку.

С помощью Google-карты направляюсь туда, где указано расположение ближайшего продуктового магазина, потому что в данный момент мои ноги — это мой транспорт. Надеюсь, смогу купить там все нужное.

Может, стоит поразмыслить над приобретением машины.

Но это означало бы потратить больше грязных денег Нила, чем необходимо.

Нет, спасибо.

Сначала нужно найти работу. Потом, возможно, купить машину.

Прогулка до супермаркета очень приятная. Каньон Лейк — красивое место.

Он более зеленый, чем я ожидала от Техаса.

Приближаясь к центру города, замечаю на другой стороне улицы закусочную. «У Сэди» — гласит вывеска над витриной.

Прошло много времени с тех пор, как я ела в последний раз, так что, может, мне стоит перекусить здесь, прежде чем отправляться в супермаркет.

Когда я подхожу к закусочной, то вижу в витрине вывеску: «Здесь подают лучшие пироги по эту сторону Техаса». А также еще одну вывеску в окне, которая заставляет сердце воспрянуть: «Требуется помощь: официант на неполный рабочий день. Опыт предпочтителен, но не существен. Но улыбка — обязательное условие. Заявления принимаем внутри».

Ладно, зайду сюда перекусить и попытаю удачу с работой.

Открыв дверь, вхожу в закусную. На заднем плане играет музыка. За столиками и в кабинках сидят несколько посетителей.

Боже милостивый, здесь пахнет как в раю. Аромат кофе наполняет воздух, но мое внимание привлекает запах вишневого пирога.

Желудок урчит от восторга.

Присев на табурет у стойки, пытаюсь припомнить, когда в последний раз ела в кафе. И не могу вспомнить.

Мы всегда ели дома. Нил не любил ходить куда-то. У него был пунктик насчет чужих людей, прикасавшихся к его еде.

Готовила всегда я. Иногда моя стряпня приходилось ему по вкусу. Иногда нет.

— Заказ на восьмой столик, — раздаётся мужской голос из кухни.

Секундой позже появляется его обладатель, ставя две тарелки на раздаточную стойку. Он похож на латиноамериканца. Волосы коротко подстрижены. Угловатое, красивое лицо. Чисто выбрит.

Мимо меня проносится официантка и хватает тарелки, которые латиноамериканец, который, как я предполагаю, является поваром, только что поставил на стойку. Она берет их и, проходя мимо, улыбается мне.

— Подойду через минуту, милочка.

— Не спешите, — говорю ей. Взяв со стойки меню, начинаю его изучать.

На моем лице появляется улыбка. Это потому, что мне здесь нравится. В закусной действительно теплая атмосфера счастья.

Через несколько минут передо мной снова возникает официантка.

— Готовы сделать заказ? — весело спрашивает она.

Я отрываю голову от меню и смотрю на нее.

В руке у нее блокнот и карандаш. На бейдже написано «Сэди». Закусочная называется «У Сэди». Предполагаю, она владелица.

Она очень хорошенькая. Примерно моего роста, пять футов шесть дюймов. Старше меня. Я бы сказала, где-то около тридцати. Светло-каштановые, заколотые наверх, волосы. Яркая улыбка.

Которая тускнеет, когда она видит мое лицо.

Синяк.

Смущенно склоняю голову набок, прикрывая щеку волосами. Улыбка, которая только что расцвела на моем лице, увядает.

— Можно мне кусочек вишневого пирога? — Я запала в ту же секунду, как только ощутила аромат, когда вошла. — И чай без кофеина, если можно.

— Конечно. Что-нибудь к пирогу — сливки, мороженое?

— Только пирог, — отвечаю я.

— Поняла, — она снова улыбается. Не записав мой заказ, кладет блокнот и карандаш на стойку.

Смотрю, как она ходит за стойкой, берет тарелку, кладет на нее кусок вишневого пирога и ставит передо мной вместе со столовыми приборами.

— Подсластитель или сливки для чая? — спрашивает она, беря чашку и заваривая мне чай из автомата.

— Нет, спасибо.

Она ставит чайник, чашку и блюдце рядом с пирогом.

— В отпуск? — приветливо спрашивает она.

Могу сказать, что она старается не смотреть на мой синяк, и я ценю это, но, честно говоря, в этот момент чувствую, что устала его скрывать.

Я поднимаю голову, позволяя волосам открыть лицо.

— Нет, я только что сюда переехала, — отвечаю я.

— У нас здесь не так много новых жителей, зато много туристов.

— Понимаю почему. Место чудесное.

— Да. Так что же вас привело сюда? Семья? Может, я их знаю. Трудно не знать всех в таком городке, как этот.

Отламываю кусочек пирога и качаю головой. Положив его в рот, жую, медля с ответом.

— Нет, не семья. Просто захотелось сменить обстановку.

— Ох. Конечно. — Она кивает, ее взгляд скользит по моему рту — ране на нем — и обратно к щеке, прежде чем посмотреть мне в глаза. — Это хорошее место для переезда. Я приехала сюда десять лет назад, чтобы начать все сначала. — Она замолкает, что-то обдумывая.

Я наблюдаю за выражением ее лица. Похоже, у нее какой-то внутренний спор. Я вижу, когда она решается.

Затем говорит:

— Простите, что я это говорю, но у вас чертовски большой синяк. Уверена, вы в курсе, но...

— Все в порядке. — Я мгновенно прикрываю щеку рукой. Вилка, которую я держала, со стуком падает на стойку.

Приятное чувство в груди начинает съеживаться.

— Послушайте, можете сказать, чтобы я не лезла не в свое дело, но десять лет назад я была на вашем месте. Прикатила в город, вся в синяках...

— Я не вся в синяках. Я всего лишь ударила лицом о дверь. Это все. Ничего больше. И вы правы, вам действительно не следует лезть не в свое дело, — отгрызаюсь я.

Это на меня не похоже — быть такой напористой, но я расстроена, что эта женщина отняла у меня чувство прекрасного. Точно так же, как ранее чувство прекрасного украл мой мудака-сосед.

Некоторые люди на самом деле могут похитить ваш свет.

А я не хочу быть рядом с такими людьми.

Встав, засовываю руку в карман и вытаскиваю деньги, чтобы заплатить за еду и убраться отсюда к чертовой матери.

Вот вам и пирог и возможность получить работу.

— Слушай, прости, — успокаивает она, кладя руки на стойку. — Я не хочу вмешиваться. Просто знаю, каково это — быть новичком в городе с... — она показывает на свое лицо, — убегая от человека, который наградил ими тебя.

Я прикусываю щеку изнутри.

— Это была дверь.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Ладно, — она кивает, — это была дверь. Я тебя услышала. И мне жаль, что я тебя расстроила. Пирог за мой счет. Пожалуйста, останься и доешь.

На мгновение я замираю, глядя на выражение ее лица, на теплоту в нем, и понимаю, что она только искренне пыталась проявить заботу. И еще понимаю, что смотрю на женщину, которая прошла через нечто подобное тому, через что прошла я.

Медленно сажусь обратно и беру вилку, отделяя от пирога еще один кусочек.

— Зови, если тебе что-нибудь понадобится, — говорит она мне, прежде чем отойти к другому клиенту, подошедшему к стойке, чтобы оплатить счет.

Я ем и пью чай в тишине, слушая музыку, звук кастрюль, греющихся на кухне, и низкий гул болтовни.

Я как раз допиваю чай, когда она снова появляется передо мной.

— Принести что-нибудь еще? — спрашивает она.

— Нет, спасибо.

— Я сожалею о том, что сказала раньше, — говорит она. — Все моя настойчивость.

— Все в порядке. Наверное, я немного погорячилась, — признаюсь я.

— Нет. Ты имела полное право сказать то, что сказала.

Ее слова заставляют меня чувствовать себя немного лучше.

— Можно я кое-что скажу... — продолжает она. — И только потому, что в городе ты новенькая и никого не знаешь, но чай без кофеина... Обычно есть только одна причина, по которой женщина заказывает здесь что-то без кофеина, и это потому, что она беременна. Так вот, я не спрашиваю, а просто говорю, что если это правда, то тебе понадобится врач, а лучший здесь — доктор Мазерс.

— Доктор Мазерс, — повторяю я. — Я ему позвоню. Спасибо.

Ее взгляд скользит по моему все еще плоскому животу.

— Итак... какой срок? Если не возражаешь, что я спрашиваю.

Я понимаю, что она — единственный человек, кроме миссис Форд, которому я рассказала о ребенке.

У меня такое чувство, что на самом деле она не слишком любопытна. Она заботливая. Вот почему я не против ответить.

— Точно не знаю. Но не такой уж большой.

Она одаривает меня доброй улыбкой.

— Ну, в этом тебе поможет доктор Мазерс. И, кстати, поздравляю.

— Спасибо. — Я соскальзываю с табурета и встаю.

— Ну, если тебе что-нибудь понадобится... — Она замолкает, ожидая, что я назову свое имя.

— Кэрри, — восполняю я пробел.

— Кэрри. Я Сэди, как ты, наверное, уже догадалась. — Она указывает на свой бейдж. — И ты, вероятно, уже поняла, что заведение принадлежит мне.

— Для этого не нужно быть гением.

Я улыбаюсь, и она смеется.

— Ну, я просто хотела сказать, что если тебе что-нибудь понадобится — пирог, чай без кофеина, — ты знаешь, где меня найти.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Вообще-то, мне кое-что нужно... — Я бросаю взгляд на вывеску в окне, прежде чем снова посмотреть на нее. — Не знаю, как ты относишься к тому, чтобы нанимать беременных женщин, но мне очень нужна работа.

— Ты раньше работала официанткой? — спрашивает она.

Я прикусываю губу.

— Нет.

— Когда сможешь начать?

— Завтра, — предлагаю я.

Она задумчиво поджимает губы.

— Как смотришь на то, чтобы поработать в утреннюю смену?

— Прекрасно. — И это правда.

— Ладно. Будь здесь завтра ровно в шесть утра, и я покажу тебе, что к чему.

— Я... принята? — спрашиваю, смея надеяться.

Выражение ее лица смягчается, и она улыбается.

— Ты принята.

Моя улыбка больше, чем этот город.

— Большое спасибо, Сэди. Не могу выразить, как я тебе благодарна.

— Сначала поработай в утреннюю смену, и мы посмотрим, будешь ли ты по-прежнему испытывать то же самое, — шутит она.

Я смеюсь.

Смех звучит легко. Я чувствую себя легко.

— Ладно, — я направляюсь к двери, — увидимся завтра утром.

— Кэрри, — тихо зовет она, и я останавливаюсь и оборачиваюсь. Она делает ко мне шаг, и понижает голос. — Только хочу сказать... я очень рада, что ты ушла от... двери.

Момент внезапно оказывается отягощен невысказанными словами. Но я чувствую в ней родственную душу. Будто, наконец-то, разговариваю с кем-то, кто меня понимает.

Кто знает, каково это — жить той жизнью, что была у меня.

Кто знает, почему я до сих пор чувствую потребность лгать и скрывать, откуда на самом деле появились мои синяки.

Стыд, который все еще живет во мне.

Слегка улыбаюсь, прижимая руку к животу.

— Я тоже, — говорю тихо. Я уже собираюсь отвернуться, когда меня что-то останавливает, и я ловлю себя на том, что говорю: — Могу я кое-что спросить?

— Конечно, — она улыбается.

— А та... э-э... дверь, от которой убежала ты, она тебя нашла?

— Нет, — уверенно отвечает она. — Моя дверь так меня и не нашла.



Кэрри

«У меня есть работа! Настоящая работа!»

Я бы бежала вприпрыжку всю дорогу до дома, если бы руки не были заняты пакетами с неприличным количеством покупок.

Но мне некого винить, кроме себя.

В магазине, где, к счастью, продавались также простыни и банные полотенца, я немного увлеклась. Но тут я поняла, что мне нужны подушки, поэтому купила две, а также все самое необходимое — хлеб, молоко, яйца, апельсины для свежевыжатого сока по утрам, смесь для оладий и бекон.

Итак, домой я несю много всего. Здесь нет ни местных автобусов, ни такси.

Поэтому остается идти пешком.

Я уже на улице, недалеко от дома. Здесь нет тротуара, поэтому иду посередине дороги, чтобы водители могли меня увидеть. Не то чтобы до сих пор мимо меня проезжали машины.

Необходимость в машине становится все более и более очевидной, потому что, чем больше будет расти живот, тем добираться до дома пешком будет труднее.

Но, начав зарабатывать деньги на новой работе, я, надеюсь, смогу купить ее в ближайшее время.

Просто не верится, что меня приняли. Я не работаю с восемнадцати лет. После окончания школы я работала кассиром в местном супермаркете, как раз перед тем, как встретила Нила. После переезда к нему, он заставил меня уволиться.

Что ж, эту работу я никогда не брошу. Единственный способ от меня избавиться — это уволить.

«Господи, а что, если я плохо справлюсь с работой, и Сэди меня уволит? Я никогда раньше не работала официанткой. То есть, я знаю, что нужно принимать заказы и приносить еду из кухни клиенту, но что, если забуду, кто что заказал, и все перепутаю?»

Нет, все будет хорошо».

Сэди покажет мне, что делать, и я все прекрасно пойму. Потому что мне нужна эта работа.

Нам с ребенком нужна эта работа.

Я справлюсь, без проб...

«Ну, обалдеть!»

Один из пластиковых пакетов с покупками рвется, и продукты вываливаются на дорогу.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Пачка с молоком лопнула и содержимое выливается на дорогу. Апельсины катятся во все стороны, и у меня не очень хорошее предчувствие насчет яиц.

Поставив остальные пакеты, быстро открываю коробку с яйцами, проверяя их.

Да, им конец.

«Вдвойне обалденно!»

Подбираю смесь для оладий и бекон, а затем начинаю бегать за апельсинами, собирая их.

Услышав рев автомобильного двигателя, поднимаю голову, видя, как в мою сторону направляется грузовик.

С полными руками продуктов громко кричу:

— Эй! Вам нужно остановиться. Мои вещи на дороге!

Но грузовик не останавливается, и я полагаю, водитель не может меня услышать из-за шума двигателя.

Переложив продукты в одну руку, другой машу водителю, чтобы привлечь его внимание.

Но это, кажется, не работает.

Во всяком случае, грузовик, даже вроде, ускорился. И он все ближе и ближе к остальным моим покупкам.

Делаю шаг вперед, роняя всю еду, и начинаю размахивать руками в воздухе, чтобы обратить на себя внимание водителя.

В пакетах новые подушки, постельное белье и полотенца.

— Эй! — повторяю я, крича и размахивая руками. — Вы должны остановиться!

Но грузовик не останавливается, и я испускаю крик «Нет!», когда большие колеса проезжают прямо по пакетам с покупками.

— Ах, ты, б*яха-мухин ах-уехавший сын! — кричу я вслед удаляющемуся грузовику.

«Не могу поверить!»

Слегка взвизгиваю от огорчения, видя теперь уже раздавленные пакеты.

И, о боже, содержимое расплющенной коробки с яйцами теперь размазано по всем пакетам и новым баннным полотенцам.

Стиральный порошок я не купила, поэтому пока не смогу их постирать, а значит, до тех пор мне придется пользоваться старым потрепанным полотенцем из ванной.

Ну что ж, со мной случались вещи и похуже.

И единственное, что спасло постельное белье и подушки — полиэтиленовая пленка, в которую они упакованы. Пусть их немного раздавило, но они все еще пригодны.

Вернувшись, собираю апельсины, смесь для блинов и бекон. Затем осторожно поднимаю пакеты с покупками.

С них капает яичный желток.

«Гадость».

Снова отправляюсь в путь.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Не могу поверить, что водитель так поступил. Не может быть, чтобы он или она хотя бы не видели меня. Вполне справедливо, если меня не было слышно, но я буквально скакала по всей улице, размахивая руками.

Но кто бы это ни был, он просто решил меня проигнорировать и проехать по моим вещам.

Завернув за угол, иду по улице к своему дому.

Я как раз собираюсь свернуть на свою дорожку, когда на подъездной дорожке моего сердитого соседа замечаю грузовик.

Грузовик, который только что проехался по моим вещам.

Я уверена, что это тот грузовик, потому что он был синего цвета, с большими серебряными буквами «Форд» на передней решетке — точно такой же грузовик сейчас стоит на его подъездной дорожке.

«Это был он!»

О, мой бог! Этот парень... он... ну, он абсолютнейший паршивец!»

И как раз в тот момент, когда думаю об этом, этот паршивец собственной персоной появляется из-за грузовика, неся в руках пакет с чем-то — вероятно, с продуктами — что раздражает меня еще больше.

Увидев, что я стою и смотрю на него, он останавливается.

Его взгляд опускается на пакеты в моей руке. Потом поднимается к моему лицу.

Он хмуро глядит на меня. Темные брови над суровыми глазами похожи на резкие мазки.

— В чем, черт возьми, твоя проблема? — рявкает он на меня. — Разве ты не знаешь, что пялиться, мать твою, невежливо?

От такой наглости у меня отвисает челюсть.

Он проехался по моим вещам, а потом имеет наглость стоять там и говорить мне все это.

«Наглый... щучий сын!»

Хочу что-нибудь ответить. Но не знаю, что.

Я не умею вступать в конфронтацию.

Но если бы и умела, то не успеваю произнести ни звука, потому что он бросает на меня последний презрительный взгляд, прежде чем резко повернуться и войти в дом, громко хлопнув дверью.

Оставив меня стоять с широко открытым от шока ртом.

Дважды за один день он повел себя со мной таким образом.

Дважды нагрубил, а потом просто ушел.

«Ох! Мне очень, очень не нравится этот парень!»

Протопав по дорожке к дому, захожу внутрь, бросаю пакеты на кухонный стол и издаю звук разочарования.

«А-а-а!»

Клянусь богом, в следующий раз, когда он выплеснет на меня какую-нибудь гадость, я выскажу ему все, что о нем думаю.

«Возможно».

То есть, я не хочу причинять неприятности или привлекать к себе ненужное внимание.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

«Нет, перестань вести себя как трусиха.

Мужчина унижал и обижал тебя последние семь лет.

Хватит».

Значит, в следующий раз, когда этот парень заговорит со мной, не подумав, в ответ он получит то же самое.



Ривер

Риверу десять лет

— Ты опять подрался в школе, — говорит бабушка, как только я переступаю порог.

Наверное, ей позвонили из школы, потому что она даже еще не видела моего лица. Правда, у меня всего лишь разбита губа. Другому парню досталось сильнее. Я иду в гостиную, где сидит она.

Это дом бабушки. Ну, и мой тоже. Теперь я живу с ней.

Бабушка сидит в любимом кресле. Курит сигару. Обычно она не курит их в доме. Всегда на заднем крыльце. Должно быть, дела плохи, если она курит в комнате.

Сняв рюкзак, ставлю его на пол возле дивана. И сажусь.

Наконец, она смотрит на меня.

— С тобой все в порядке? — спрашивает она.

— Да, — киваю я. — Рана только на губе.

— Ты ее промыл?

Я снова киваю.

Она затягивается сигарой. Дым взвивается в воздух. Достигает моих ноздрей.

Мне нравится этот запах.

— Ривер, ты не можешь постоянно драться в школе.

Я пожимаю плечами.

— Этот парень — полный придурок. Он сказал, что я чокнутый. — «И что моя мама — убийца полицейских, и она должна сидеть в тюрьме».

Но не она убийца полицейских. А я. В тюрьме должен сидеть я, а не она. Но она не позволила мне сказать правду.

Мама взяла с меня обещание не рассказывать о том, что на самом деле произошло в тот день на кухне. Даже бабушке.

Сказала, что однажды уже подвела меня. На этот раз она все исправит.

Я даже не знаю, что она имела в виду.

Я знал лишь то, что не хотел, чтобы маму забрали. Но и в тюрьму мне тоже не хотелось. Мне было страшно.

И я боюсь до сих пор.

И злюсь. Чертовски злюсь все время.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Не употребляй это слово, — говорит мне бабушка. — И ты не чокнутый. — Она наклоняется вперед, чтобы потушить сигару в пепельнице на кофейном столике.

— Директор угрожает исключить тебя.

Я пожимаю плечами.

Будто мне не все равно. Я был бы счастлив убраться из этого места. Я его ненавижу.

Все дети — придурки. Когда маму арестовали, те немногие друзья, что у меня были, внезапно забыли, как меня звать.

Даже учителя меня игнорируют.

В перемены и обед я сижу в одиночестве. В основном провожу время в библиотеке и читаю.

Я один. Но все в порядке. Потому что мне никто не нужен.

— Хорошо, — отвечаю я на ее слова.

— Ривер, образование очень важно. Понимаю, после случившегося твои оценки упали, и это ожидаемо, но драки должны прекратиться. Когда дети тебя достают, ты должен их игнорировать.

— Конечно, — я смеюсь, но сейчас мне не до смеха. — Я буду их игнорировать. Значит, когда один из них меня ударит, я должен просто уйти?

— Сегодня мальчик ударил тебя первым?

Я пинаю носком кроссовки ножку кофейного столика.

— Нет.

Она вздыхает.

— Тогда ты должен уйти. Но если он ударит тебя первым, то ты ему ответишь. Но сам первым бить не будешь, Ривер. Ты бьешь вторым, и бьешь сильнее. И я всегда поддержу тебя перед директором. Но если первый удар нанесешь ты, я не смогу тебя защитить.

Я прячу улыбку. Бабушка иногда может быть довольно крутой, но я не хочу, чтобы она знала, что я так думаю.

— А когда они обзывают маму? Что мне делать тогда, молчать?

Ее губы вытягиваются в жесткую линию.

— Ривер, — она снова вздыхает, — ты не можешь остановить то, что люди говорят о твоей маме. А они не перестанут говорить о том, что она сделала.

— Они ничего не знают! — начинаю раздражаться. Начинаю пинать ножку стола с большей силой.

— Может, и не знают. Они верят в то, что слышат из новостей или сплетен. Но, как бы мне ни было больно это говорить, твоя мама в тюрьме, потому что совершила убийство.

«— Ривер, что ты наделал?»

Мои кулаки сжимаются по бокам. Ногти впиваются в кожу. Чувствую момент, когда кожа рвется.

— Она не должна сидеть в тюрьме. А ты даже не позволяешь мне навестить ее.

— Не я, Ривер. И ты это знаешь. Твоя мама не хочет, чтобы ты видел ее в этом месте.

— Но ее там быть не должно!

Еще один вздох.

— Знаю, ты не хочешь этого слышать, и я молю бога, чтобы ее там не было и чтобы этого не случилось, но она убила его, Ривер, и ей придется заплатить за свое преступление.

— Нет, убила не она! — кричу я, вскакивая. Слова вылетают из моего рта прежде, чем я успеваю осознать.

Бабушка медленно встает. Ее глаза пристально смотрят мне в лицо.

— Ривер?

Мое тело дрожит. Чувствую, что вот-вот воспламенюсь. В голове столько слов и звуков.

Сильнее впиваюсь ногтями в кожу. Ощущаю, как кровь течет по ладоням. Обычно это меня успокаивает. Но на этот раз ничего не получается.

— Ривер... — на этот раз она произносит мое имя тверже.

Наши взгляды встречаются.

— Что ты имел в виду?

— Я-я... — заикаюсь я. Я так давно не заикался. — Я-я... не могу...

— Скажи мне, — рявкает она, ее голос настолько резкий, что заставляет меня насторожиться.

Слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их остановить.

— Это был я. Я-я... его застрелил.

Ее лицо словно застыло. Она изучает меня, будто выглядывает что-то.

— О боже, — шепчет она. Хватается руками за лицо. Делает вдох и выдох. Опускает руки по бокам. — Что случилось?

— Я-я... н-не могу...

— Почему ты его застрелил? Я не понимаю. Ривер, зачем ты это сделал? Отвечай!

Она стремительно подходит ко мне, хватается за руку, и я отшатываюсь.

— Не трогай меня! — кричу я.

Она замирает. Пристально смотрит на меня. Затем выражение ее лица сникает.

— Ох, нет. О боже, нет. Ривер... он... он делал тебе больно?

— Я н-не могу. М-мама сказала...

— О боже, Ривер. Мне очень жаль. Но теперь все будет хорошо.

«Нет, не будет. Больше ничего никогда не будет хорошо».

— Что мама тебе велела?

Я слатываю.

— Чтобы я никому не рассказывал, что на самом деле произошло в тот день. — *«Никому не рассказывал, что он со мной делал».*

«— Люди не поймут, Ривер. Они будут относиться к тебе по-другому».

— И ты никому не рассказывал, кроме меня?

Я отрицательно качаю головой.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Ладно. Ты не должен говорить об этом ни одной живой душе, понял? Ты сдержишь обещание, данное маме. Если тебе нужно с кем-то поговорить, поговори со мной.

Я киваю.

Она тянется ко мне, чтобы прикоснуться, но останавливается и складывает руки перед собой.

— Никто больше не причинит тебе вреда, Ривер. Клянусь.

Я снова киваю.

— Тебе задали домашнее задание? — вдруг спрашивает она.

— Нет.

— Ладно. Мы будем вести себя так, будто все нормально, потому что иногда это единственный способ пройти через все. А нормальность означала бы наказание за драку в школе.

— Значит, я под домашним арестом? — Не то чтобы это имело значение. Я ведь никуда не хожу, разве что в школу.

Она смотрит на меня так, словно только что прочитала мои мысли.

— Нет, твое наказание — помогать мне в мастерской.

— Возиться с этим стеклянным дерьмом?

Моя бабушка стеклодув. У нее мастерская на заднем дворе. Она делает вазы и всякое дерьмо и продает его людям.

Она бросает на меня неодобрительный взгляд.

— Не употребляй этого слова. И это не дерьмо. Это искусство. А в тебе, Ривер, слишком много гнева. Тебе нужно научиться справляться с ним, направлять в нужное русло, и лучший способ это сделать — работать с тем, что можно легко сломать.



Кэрри

Я сижу на заднем крыльце на одном из садовых стульев, которые нашла в интернете по выгодной цене. Два стула стоят рядом с маленьким столиком, на котором сейчас покоятся мои ноющие ноги. Продавец здорово мне помог, доставив их бесплатно, так как я еще не вложила деньги в машину. Поэтому все еще хожу пешком. Честно говоря, мне это очень нравится, особенно прогулка каждое утро до закуской, где я официально работаю уже две недели.

Я ее обожаю.

Атмосфера в кафе отличная.

Сэди — великолепный босс, и, полагаю, мы становимся подругами. А Гай, повар, кажется, хороший человек. Я познакомилась только с одной официанткой, Шелли, так как смена у нас короткая. Она мать-одиночка и работает, пока дети в школе. Она тоже кажется милой.

Народ в этом городе очень приветливый и дружелюбный. Мне нравится знакомиться с новыми людьми. Как же замечательно, не боясь возмездия, иметь возможность просто общаться, пока я их обслуживаю.

Не то чтобы у меня было много времени на болтовню с клиентами, потому что с момента открытия в закуской всегда полно народу. Она популярна среди местных жителей и туристов.

Довольно быстро я выяснила, что Каньон Лейк — туристический город. Сюда любят приезжать на озеро, те, кто увлекается водными видами спорта, и кому нравится теплая погода.

Конечно, место чертовски красивое, но для беременной девушки, ненавидящей жару, — это просто кошмар.

В это время года должно быть очень холодно. Но не тут-то было. Безусловно, виной всему глобальное потепление.

И все же, в какой-то момент в Техасе должно похолодать. Ведь так?

Иногда я сомневаюсь, правильно ли поступила, переехав в Техас, но потом думаю о Ниле и том, что это последнее место, где он будет меня искать, и понимаю, что все сделала верно.

Даже если сейчас одиннадцать тридцать, и я поджариваюсь, как яйца на сковороде, поэтому сижу на улице с чаем со льдом, пытаюсь остыть.

Электрический вентилятор, купленный для спальни, никак не помогает. Чуть раньше я даже пыталась принять прохладную ванну. И чувствовала себя просто

отлично, пока лежала в ней. Но как только вышла, мне снова стало некомфортно от жары.

Не могу дождаться, когда заработаю достаточно денег, чтобы позволить себе установить кондиционер.

Наклонившись вперед, беру со стола чай со льдом и делаю глоток, а затем мой взгляд возвращается к книге, которую сейчас читаю.

Мне ее одолжила Сэди. Сказала, что она потрясающая, и я должна ее прочитать, и она не ошиблась. Книга действительно хорошая. О мучимой терзаниями рок-звезде и девушке, в которую он влюблен. «Ах». Если бы только реальная жизнь была похожа на сюжеты книг.

Если бы это было так, то я не сидела бы здесь, беременная, одинокая и сбежавшая от жестокого мужа.

Мне нравится думать, что настоящая любовь есть.

Но не для меня. Такие уж карты мне выпали. Но сейчас я счастлива. Скоро у меня родится ребенок, и я не могу быть более взволнована этим событием.

На прошлой неделе я встретила с доктором Мазерсом. Как и говорила Сэди, он оказался великолепным врачом.

Мне сделали первое в моей жизни ультразвуковое исследование, которое превзошло все, что я могла себе представить. От вида малыша на экране, в груди расцвело столько эмоций, о которых я даже не подозревала. Ребенок еще не похож на ребенка, пока он только размером с чернику. Так сказано на сайте, который показывает еженедельный рост ребенка и сравнение его с фруктами. Но я никогда не испытывала столько любви и непреодолимого желания защитить кого-то, как в тот момент, когда смотрела на размытое черно-белое изображение на экране. Доктор Мазерс дал мне распечатку УЗИ. Оно занимает почетное место на каминной полке в гостиной.

Он также сказал, что я на шестой неделе беременности, теперь уже на седьмой. Срок родов — семнадцатое июля следующего года. И я не могу дождаться, когда увижу своего малыша. Доктор Мазерс сказал, что, если захочу, то могу узнать пол ребенка на следующем УЗИ. Но я пока не уверена. Мне нравится идея знать наверняка, чтобы иметь возможность все подготовить. Но мне также нравится идея неожиданности.

В саду соседа вспыхивает датчик движения, привлекая мое внимание.

Гай с работы поведал, что моего сердитого мудака-соседа зовут Ривер Уайлд.

Не то чтобы я спрашивала о нем Гая. Вышло совершенно случайно. В свой первый день я сидела за стойкой с Сэди, она заполняла мою анкету, а я предоставляла ей детали, которые, честно говоря, заставили меня нервничать и почувствовать себя несколько ужасно из-за того, что пришлось ей солгать о моем имени и дате рождения.

Ну, в общем, я диктовала ей свой адрес, а Гай, который в это время стоял рядом, сказал:

— О, ты живешь по соседству с Ривером.

И я смущенно переспросила:

— Ривером?

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Да, Ривер Уайлд. Твой новый сосед. Горячий, как адское пекло. Безумный, как Канье. И такой же злой, как Реджина.

— Реджина?

— Джордж.

(Прим.: Канье Уэст — американский хип-хоп артист, Реджина Джордж — персонаж молодежной комедии «Дрянные девчонки» в исполнении Рэйчел МакАдамс).

— О, точно. Да, я встречалась с ним... с Ривером.

Я не стала уточнять, что в первую нашу встречу, он меня проигнорировал, а во вторую — проехался по моим продуктам своим большим, дурацким грузовиком, снова показав себя придурком.

— Я ходил с ним в школу. У парня серьезные...

И разговор оборвался, когда на кухне сработал таймер, и Гай умчался, не закончив фразы.

И хотя мне до смерти хотелось узнать у Гая побольше о Ривере, я чувствовала себя не в своей тарелке. Мне бы не хотелось, чтобы люди спрашивали обо мне, поэтому проявлять к нему любопытство было бы неправильно.

С тех пор, как Ривер переехал мои покупки, я с ним не разговаривала — если это вообще можно было назвать разговором; больше походило на то, что он отнесся ко мне, как козел. Находясь в саду, я несколько раз его видела. Однажды даже заметила его в супермаркете, и он наотрез меня проигнорировал. Но мне все равно. Я не хочу быть его другом.

Заметив у бассейна какое-то движение, раздумываю, не он ли это.

Господи, этот бассейн.

Чего бы я только не отдала, чтобы сейчас прыгнуть в эту прохладную воду.

Честно говоря, я бы прыгнула туда прямо в пижамной майке и шортах, которые на мне сейчас, и мне было бы все равно.

Но у бассейна не Ривер. Похоже на маленькое животное.

Слишком большое для белки. Но слишком маленькое для медведя.

«Водятся ли в Техасе медведи?»

Господи, надеюсь, что нет».

Отсюда мне не видно, кто это.

Честно говоря, не понимаю, почему меня это так беспокоит.

Позволив любопытству взять верх, откладываю книгу и встаю. Подхожу к перилам, чтобы лучше рассмотреть.

О, это собака.

Не знала, что у него есть собака.

Никогда раньше не слышала лая и не видела его в саду.

Наверное, он держит бедняжку взаперти в своем мрачном доме.

Мне кажется, это ши-тцу. Милый. Хотя выглядит немного неряшливо.

Не могу представить себе ворчливого Ривера Уайлда с такой милой маленькой собачкой.

Честно говоря, вообще не могу представить его с собакой. Или, если уж на то пошло, любимым другим живым, дышащим существом.

Собака подходит к краю бассейна и начинает из него пить.

— Ох, осторожнее, малыш. Ты же не хочешь упасть, — говорю, сжимая пальцами перила.

«Собаки ведь умеют плавать, да? И можно ли ему вообще пить из бассейна? Хлор может вызвать тошноту».

Ривер не должен позволять своей собаке бродить по саду, где есть бассейн. Ему следует закрыть бассейн или, по крайней мере, самому выгулять собаку, чтобы та сделала свои дела.

И, может, дать ей свежую воду, чтобы не приходилось пить из бассейна.

Вижу, как собака приближается к бассейну, мое сердцебиение немного ускоряется, и в тот самый момент, когда собака падает в бассейн, из меня вырывается крик.

— О нет!

Несколько секунд наблюдаю... но собака не плышет.

«Я считала, все собаки умеют плавать?»

Очевидно, нет. Потому что песик изо всех сил старается держать голову над водой.

— К черту! Я иду, малыш! Держись! — Босая, быстро сбегая по ступенькам крыльца на траву.

Несусь через сад к забору, разделяющему наши дома, к тому месту, где, как я знаю, в заборе есть щель.

На днях я выкапывала здесь сорняки и заметила сломанные доски.

Взявшись за доски, раздвигаю их в стороны и протискиваюсь в узкую щель.

— Я почти на месте, малыш! — кричу в ответ на панический лай, доносящийся из бассейна. — Держись!

Я мчусь через большой сад Ривера, по цветочной клумбе — «простите, цветочки, но на кону жизнь собаки» — напрямиком к бассейну.

Бедный пес барахтается посреди бассейна, отчаянно пытаюсь удержаться на плаву.

«Я почти на месте».

Через несколько секунд достигаю бассейна и, не раздумывая, прыгаю в него.

Я погружаюсь в прохладную воду.

«Боже милостивый, какое блаженство».

Вынырнув, быстро подплываю к собаке.

— Эй, все в порядке, — говорю успокаивающим голосом, протягивая руку и беря песика. Прижав его к груди, держусь на поверхности. — Я с тобой. Теперь ты в безопасности.

Собака смотрит на меня большими оленьими глазами, а потом облизывает мое лицо в знак благодарности.

— Что ж, не за что, — я тихо смеюсь.

— Какого хрена ты делаешь в моем бассейне? — гремит голос, пугая меня.



Кэрри

Я резко вскидываю голову и вижу, что мой ворчливый сосед стоит у края бассейна и смотрит на меня сверху вниз. Он в белой футболке, обтягивающей бицепсы, и выцветших джинсах, мощные, покрытые татуировками руки, сложены на широкой груди.

— И с... — он косится на мокрый комочек в моих руках, — гребаной собакой. Какого черта ты делаешь в моем бассейне с собакой?

— Хочешь сказать, с твоей собакой, — нехарактерно для себя огрызаюсь я, подплываю к нему, гребя одной рукой, а другой держа собаку. — Которую я только что спасла от утопления. Кстати, не за что.

— У меня нет гребаной собаки, — рычит он, заставляя меня остановиться у края бассейна.

Адское пекло, вблизи он оказывается еще больше.

— Тебе обязательно так много ругаться? — говорю я ему.

Темные глаза смотрят на меня сверху вниз.

— Да, мать твою.

«Ну, ладно».

— Значит, собака не твоя?

— Не-а. — Он делает акцент на «а».

Я смотрю вниз на маленькую милашку в моих руках.

— Тогда чья эта собака? — размышляю я.

— Откуда, черт возьми, мне знать?

Не обращая внимания на его недовольство, спрашиваю:

— Думаешь, это бродячая собака?

— Почему бы тебе не задать мне более подходящий вопрос? — мрачно рокочет он, заставляя руки покрыться мурашками.

Я смотрю на него, задрвав голову.

— Какой именно?

— Не плевать ли мне. А мне плевать, Рыжая, если ты еще не поняла.

«Рыжая?»

О, мои волосы».

Закатываю глаза.

— Как оригинально, — усмехаюсь я. Затем подплываю ближе к ступенькам.

Поставив собаку на край, вылезаю из бассейна. Вода с меня льется ручьем.

А собака уже двинулась и теперь обнюхивает босые ноги Ривера.

У него очень красивые ноги. Не пойму, почему я это замечаю.

Подняв взгляд, вижу, как он хмуро смотрит на собаку, это дает мне возможность впервые как следует его рассмотреть.

Он выше меня. Я бы сказала, в нем, по меньшей мере, шесть футов три дюйма. Намного выше меня, с моими пятью футами шестью дюймами. До сих пор не могу определить его возраст, но если бы мне нужно было сделать догадку, я бы сказала, что ему двадцать восемь или двадцать девять. Вблизи он выглядит лучше, чем я думала. То есть, я знала, что он хорош собой, но вблизи он невероятно красив.

Из тех красавчиков, которых все замечают. С его волнистыми темно-медными волосами, острым, покрытым щетиной, подбородком, темными глазами под нахмуренными бровями, длинными темными ресницами, высокими скулами и идеально прямым носом, не могу представить, чтобы женщина или мужчина не находили его привлекательным.

Он прекрасен.

Жаль, что полный придурок.

— Ты уберешь от меня эту шавку к чертовой матери?

Он пихает собаку ногой. Толчок не сильный, но я все равно чувствую раздражение за то, что он так оттолкнул собаку.

— Эй! Не делай так. Ты сделаешь ей больно. — Я наклоняюсь, поднимаю собаку на руки и прижимаю к груди.

Он склоняет голову набок, темные глаза смотрят оценивающе, руки все еще скрещены на груди.

— Если это не твоя собака, то откуда ты знаешь, что это она?

— Гм... очевидно потому что она миленькая и хорошенькая.

Собака начинает извиваться, заставляя меня ее опустить.

Она тут же направляется к клумбе, задирает лапу и мочится.

«Ха. Полагаю, она — это он».

— А теперь твой неопределенного пола пес мочится на мои цветы. Потрясающе, — ворчит он.

Я не осмеливаюсь сказать, что наступила на его клумбу с драгоценными цветами.

— Ну, ясно, что она пес... я имею в виду, он пес! — Раздраженно глядя на него, собираю волосы и отжимаю из них лишнюю воду.

Я насквозь промокла.

Моя пижама прилипла к телу, и... боже милостивый, я без лифчика!

Когда меня осеняет, я резко поднимаю взгляд и вижу, что Ривер смотрит на меня.

И он не смотрит мне в лицо.

Нет. Его взгляд неотрывно прикован к моей груди без лифчика. Я складываю руки на груди и громко откашливаюсь.

Он поднимает на меня глаза. Мрачные и угрюмые.

У него даже не хватает порядочности выглядеть смущенным после того, как его поймали на том, что он пялился на мою грудь.

«Мудак».

— Ну... полагаю, мне пора.

— А собака? — У этого парня постоянно хмурое выражение, но все равно он умудряется выглядеть еще более мрачным.

Необъяснимо.

Я смотрю на пса, который теперь мило рычит на траву. Или то, что лежит на траве и заставляет его рычать.

Я подхожу и поднимаю его. Рычание немедленно прекращается, и он прижимается к моей шее, будто ищет утешения и контакта.

По какой-то причине у меня в горле образуется комок. Должно быть, гормоны беременности играют.

— Я возьму его к себе домой и попытаюсь выяснить, кому он принадлежит.

Ривер издает невеселый смешок.

— Поверь мне, у этой собаки нет хозяина. Без ошейника и бирки. Он тощий, и шерсть у него в чертовых колтунах. Кто-то давно его выкинул.

Теперь, ощущая его в своих руках, я замечаю, какой он маленький, а я-то считала, что его шерсть спуталась от внезапного купания. Но теперь, когда Ривер указал на это, я вижу, что пес сам по себе. И в этот момент сердце разрывается.

Я крепче прижимаю его к себе.

— Зачем кому-то так поступать? Выбрасывать милую, беззащитную собачонку на улицу, совсем одну.

— Потому что люди — о*уевшие эгоисты.

Я вздрагиваю от резкости его слов.

Он пристально смотрит на меня. Я смотрю ему в глаза. И то, что я в них вижу, меня удивляет.

Потому что я узнаю этот взгляд. Я видела его в отражении собственных глаз каждый раз, когда могла посмотреться в зеркало. Я и сейчас его вижу.

Словно твоя душа пуста. Абсолютно.

Гнев, боль и страдание поглотили тебя полностью, и не осталось ничего, кроме пустоты.

«Он испытал боль. Знает, каково это.

Он такой же, как я».

Ощущаю в груди толчок и внезапную связь с ним, которую никогда не испытывала ни к кому в своей жизни.

Он моргает, и когда снова смотрит на меня, его взгляд суровый и непроницаемый. В глазах не отражается вообще никаких эмоций.

Это заставляет меня задуматься, было ли то, что я только что видела, реальным. Но я знаю, что было. Потому что почувствовала это. Как чувствую собственную боль.

Он пытается от меня отгородиться. Но слишком поздно. Я уже все рассмотрела.

И он прав. Люди ах-уехавшие эгоисты. В конце концов, за одного такого я вышла замуж.

Но только некоторые, не все.

— Ты прав, — говорю я. — Некоторые люди ах-уехавшие эгоисты, но...

— Ах-уехавшие? — прерывает он меня, заливаясь смехом.

Я снова закатываю глаза. Дважды за десять минут. Если буду продолжать в том же духе, у меня голова разболится.

— Как я сказала, — надменно продолжаю, — некоторые люди эгоистичны сам-знаешь-кто, но не все. И уверена, ты понимаешь, что я имела в виду под ах-уехавшими.

— Не хотелось бы лопать твой пузырь, Рыжая, но все люди эгоисты. И я понял твою странную уловку. Просто никогда не встречал никого, кто бы так старался не произносить слово «х*й».

— Не знаю, зачем кому-то нужно его использовать. Это ужасное слово.

— Я считаю, что это одно из лучших и самых универсальных слов в английском языке. То же самое, что и бл*дь. Как ни странно, бл*дский х*й — моя любимая поговорка.

«Фу. Если бы этот придурок умел, уверена, он бы сейчас ухмылялся».

— Серьезно, тебе обязательно быть таким грубым?

— Да, Рыжая, мне обязательно быть таким ох*енно грубым.

«Не закатывай глаза. Не закатывай глаза».

— И, пожалуйста, перестань называть меня Рыжей. Меня зовут Кэрри, о чем ты, конечно, знаешь, потому что я сказала тебе... ну, выкрикнула две недели назад, с крыльца, когда ты откровенно меня игнорил.

Ривер не отвечает. Любой нормальный человек, по крайней мере, смутился бы, если бы его уличили в чем-то подобном, как только что сделала я.

Но он не нормальный.

Конечно, нет.

Все, что я получаю от него, это безразличное пожатие плечами, а затем он небрежно засовывает руки в карманы джинсов, будто ему все равно.

«Придурок».

Дыши глубже, Кэрри. Вдох и выдох».

— Ладно, тогда мы уходим, — заявляю обиженно, более чем готовая покинуть его и переодеться в сухую одежду. А потом мне нужно решить, что я буду делать со своим маленьким приятелем.

Поворачиваюсь, собираюсь пройти через его сад и вернуться к себе через щель в заборе, когда его голос останавливает меня.

— Куда это ты собралась?

Оглядываюсь на него через плечо и смотрю, как на тупицу.

— Домой. Знаешь, в тот дом рядом с твоим.

«Посмотрите-ка на меня, какая дерзкая. Когда это случилось?»

«Не знаю. Но мне определенно нравится».

— Забавно. Что ты собираешься делать, Рыжая? Перелезешь через забор?

Я игнорирую прозвище «Рыжая» и говорю:

— Нет, пролезу через щель.

Он делает шаг вперед.

— Там есть щель?

— Аг-а, — выделяю в конце «а», как он раньше. — Именно так я сюда и попала.

— Охереть как здорово, — фыркает он скорее себе, чем мне. — Я заделаю ее при первой же возможности. — Он тычет большим пальцем через плечо. — Там с боку есть калитка, Рыжая. Воспользуйся ей.

Теперь моя очередь хмуриться. Я медленно поворачиваюсь.

— Знаешь, по-соседски было бы лучше, если бы я прошла через твой дом, а не через боковую калитку.

— Я что, выгляжу по-соседски?

— Нет. Ты выглядишь как сварливый мудака.

«О боже! Не могу поверить, что я только что это сказала».

Мне приходится сдерживаться, чтобы не зажать рот ладонью. Вместо этого стискиваю губы, задерживаю дыхание, собираясь с духом. Тело помнит, что произойдет, если я когда-нибудь заговорю с Нилом подобным образом.

«Но Нила здесь нет».

Ты в безопасности».

Этот парень может ругаться, как матрос, но он не причинит тебе вреда.

Теплое собачье тельце беспокойно шевелится у моей груди. Я заставляю себя расслабиться.

Честно говоря, не знаю, что со мной сейчас происходит. Это так на меня не похоже — дерзить в ответ.

— Значит, она все-таки умеет ругаться.

Если бы я не знала его лучше, то подумала бы, что у него на губах появилась ухмылка.

Знание этого помогает мне больше расслабиться.

Вздергиваю подбородок, собираясь с силами, которых на самом деле не чувствую.

— Я не говорила, что не умею ругаться. — *«Лгунья».* — Я сказала, что мне не нравится слово на букву «х».

— То есть х*й.

Понимаю, он это сказал, чтобы вывести меня из себя. Но я не собираюсь доставлять ему такого удовольствия.

Не то чтобы я никогда не хотела ругаться. Дело в том, что мне не разрешали.

Нил запретил. И если бы я совершила ошибку и выругалась, то поплатилась бы за это.

«— Сядь у моих ног, Энни».

Дрожа всем телом, опустилась на колени перед мужем и посмотрела на него, как мне пресекло это делать».

Сверху на меня смотрели бесстрастные, холодные глаза».

— Женщины не должны ругаться. И у них не должно быть своего мнения. Их не должно быть видно. И слышно. Женщины не должны работать. Они должны оставаться дома и заботиться о своих мужьях. И они должны делать все, что мужья им скажут. Если они не придерживаются этих правил, то мужья имеют полное право наказывать их так, как считают нужным. Повтори мне эти слова, Энни. Сейчас же».

Сдерживаю дрожь, которая пытается захватить тело при воспоминании, эхом отдающемся в сознании.

«Ты в порядке. Ты в безопасности».

Я прекрасно это знаю, но сейчас просто хочу домой.

— Ну... пока, — бормочу я, стряхивая с себя прошлое и проходя мимо Ривера.

Я почти уверена, что маленький песик заснул у меня на плече. Благослови его господь.

Минуя Ривера, я улавливаю запах сигарного дыма. От него нечто странное происходит с желудком. Ощущение взлета и падения. Странно. Надеюсь, ребенок не начнет жаждать запаха сигарного дыма.

«Совершенно не здоровая привычка, малыш».

— Тебе, наверное, следует отвести шавку к ветеринару. — Тихие, почти неохотные слова Ривера доносятся до меня как раз перед тем, как я подхожу к калитке.

Я останавливаюсь и полуоборачиваюсь к нему.

— Считаешь?

— Это бродячий пес, который только что окунулся в мой бассейн. Так что, я бы сказал, да, ему нужно к ветеринару.

— Почему тебя это волнует? — Я поднимаю бровь.

Выражение его лица меняется.

— Совершенно не волнует. Но мне нужно знать, нет ли у этой шавки какой заразы. В конце концов, он плавал в моем бассейне.

— Он не шавка. И у него нет никаких болезней. — Я прижимаю пса к себе, и он утыкается мордой мне в шею.

— Да, конечно, Рыжая. Говори себе это почаще. У шавки точно есть блохи, а, возможно, и клещи.

«Блохи? Клещи?»

Теперь у меня начинается чесотка.

Я чешу руку. Потом голову.

«Господи Иисусе! Это он во всем виноват — вбил мне в голову мысль о блохах».

— Разве ветеринарная клиника уже не закрыта? — говорю я, почесывая шею. Должно быть, уже близится полночь.

— В городе есть круглосуточная.

— Ох. Это хорошо, но у меня нет машины, а я не хочу идти в город пешком в темноте, поэтому мне придется отвезти его туда утром.

«И провести ночь с блохами и клещами». При этой мысли я чешусь сильнее.

Но я не хочу оставлять этого бедного песика на улице из-за нескольких насекомых, которых у него, вероятно, даже нет.

«Так почему я вообще чешусь?»

«Потому что он вбил эту идею мне в голову!»

Я слышу громкий разочарованный вздох Ривера и смотрю, как он проводит рукой по густым волосам.

— Черт возьми, — рычит он. — Я отвезу тебя в клинику на грузовике.

«Ух-ты».

Судя по его тону, можно подумать, я напросилась, чтобы он подвез меня до клиники.

На языке вертится сказать, куда ему засунуть свою машину, но мне рано или поздно нужно отвезти милого песика к ветеринару.

Поэтому, ради моего нового приятеля, проглатываю гордость и говорю:

— Было бы здорово, спасибо. Я только сбегая домой переодеться в сухую одежду. Можно, пока меня не будет, я оставлю собаку с тобой? Я вернусь через пару минут. — Я не хочу тащить блох домой до того, как появится возможность вылечить собаку у ветеринара.

— Конечно. Не торопись, — саркастически говорит он. — Вообще-то, раз уж на то пошло, почему бы тебе не принять горячую ванну, не вымыть голову, а потом переодеться, а я пока постою здесь с блохастой шавкой и буду ждать, пока не ох*ею?

— О, как мило с твоей стороны, Ривер, — я широко улыбаюсь, возвращаясь к нему. — Но я не хочу, чтобы ты ах-уехал, так что только переоденусь и прискачу обратно, как блоха. — Я протягиваю ему пса, заставляя взять его. — Ха! Блоха! Понял?

Я смеюсь, на что он рычит.

Отступив на несколько шагов, ухмыляюсь, наслаждаясь хмурыми морщинками, залегшими вокруг рта, а затем заставляю себя повернуться и неторопливо направиться к себе, чтобы переодеться.



Ривер

Риверу двенадцать лет

Бабушка включила проигрыватель. Какая-то группа под названием «The Flying Pickets». Сейчас звучит песня «Only You». На фоне других, эта, пожалуй, ничего. Мы в мастерской. Бабушка у печи. Она ходит туда-сюда от печи к измельченному стеклу, которое использовала для создания вазы на заказ. В данный момент я ей не нужен, поэтому заканчиваю то, что мы сделали вчера.

Используя шлифовальный блок, полирую острые края на дне стеклянного шара. Это абажур в форме воздушного шара. В нем все оттенки синего: от светлого до глубокого темного. Он для мамы. Синий — ее любимый цвет. Не то чтобы она могла оставить абажур в тюрьме. Но когда я делаю для нее вещи, то фотографирую их и приношу фото ей, потому что теперь навещаю ее каждый месяц после того, как бабушка ее уредила, что я должен с ней видаться.

Маме очень нравятся наши встречи и фотографии. Она говорит, что все фото висят у нее на стене. Говорит, что счастлива, что я выдуваю изделия из стекла вместе с бабушкой. Говорит, что гордится мной.

Я знаю, что это неправда.

Как она может мной гордиться?

Она попала в это место из-за меня.

Но когда она выйдет из тюрьмы, и мы снова будем вместе, я исправлю то, что натворил.

А до тех пор буду продолжать выдувать для нее всякие вещицы, делая ее счастливой единственным доступным мне способом.

Бросаю взгляд на полку, где лежат все вещи, что я для нее сделал. Их становится все больше.

За работой бабушка начинает подпевать. Певица из нее ужасная.

Закатываю глаза, но на моих губах появляется улыбка.

В мастерской раздается звонок, сообщая нам, что кто-то стоит у входной двери. Бабушка установила здесь дверной звонок, чтобы слышать, когда кто-то приходит, потому что часто проводит время в мастерской.

Мы оба. Мне нравится работать с ней.

Когда она впервые заставила меня начать ей помогать, я думал, что мне не понравится, но все получилось наоборот.

Из-за высокой температуры, требующейся для выдувания стекла, бабушка не позволяет мне выполнять работу самостоятельно, поэтому я занимаюсь тем, что дую, пока бабушка придает предметам форму. Но идея изделий исходит от меня, а бабушка помогает мне воплотить их в жизнь. Я делаю набросок, и показываю ей рисунок. Мне нравится рисовать. Но создавать — самое интересное. От стеклодува требуется сосредоточенность, а это значит, времени на мысли о том, как сильно я скучаю по маме, или почему она в тюрьме, или как сильно я ненавижу школу и свою жизнь, не остается.

— Я открою, — говорю я бабушке.

Аккуратно опускаю стеклянный шар и шлифовальный блок на верстак. Выйдя из мастерской, направляюсь в дом.

Проходя через гостиную, вижу сквозь матовое стекло, кто стоит у входной двери, и мой шаг замедляется.

Офицер полиции.

Сердце начинает бешено колотиться. Ладони становятся липкими.

Я сжимаю пальцы в кулаки и впиваюсь ногтями в ладони. Боль немного помогает.

Звонок раздается снова.

Офицер видит меня через стекло, так что прятаться некуда.

Делаю глубокий вдох, беру себя в руки, и открываю дверь.

— Здравствуйте. — Мой голос дрожит. Я ненавижу это.

С усилием выпрямляюсь.

— Ривер.

Он меня знает. Я его — нет.

Но все знают, кто я.

Ребенок убийцы полицейского.

Если бы только они знали правду!

Интересно, работал ли он с моим отчимом? Был ли его другом?

Все дружили с отчимом.

Потому что не знали его настоящего.

Офицер смотрит на меня с отвращением.

Как и все в этом богом забытом городке.

Иногда я жалею, что мы не можем уехать. Но бабушка не хочет. Она всю жизнь прожила в этом городе. Она родилась в этом доме. Говорит, что и умрет здесь.

И говорит, что мы не бежим от наших проблем. Мы встречаемся с ними лицом к лицу.

Но если бы я мог убежать, я бы это сделал. Далеко-далеко.

Но я не могу. Поэтому стою здесь.

Упираюсь кроссовками в пол, пытаюсь стоять ровно. Рука на двери, за которую я держусь, дрожит.

— Бабушка дома? — спрашивает он.

Я киваю, пульс бьется в моем внезапно пересохшем горле.

— Ну, можешь пойти и позвать ее?

Я снова киваю. Но не могу пошевелиться. Не могу оторвать ни ног от пола, ни руки от двери.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Он хмурится, на его лице проступают морщины, и делает шаг вперед, стуча ботинками по деревянному крыльцу.

«Топот ботинок по ступенькам. Он дома».

Он наклоняется ко мне.

— Да что с тобой такое, парень? Ты что, умственно отсталый?

Парень.

«— Ты сделаешь то, что я тебе скажу, парень».

— Нет, он не умственно отсталый. — Резкий голос бабушки похож на спасательный плот посреди ночного кошмара. Ее мягкая, но сильная рука опускается на мое плечо, успокаивающе сжимая, и я немного расслабляюсь. — Может, в этих краях ты и закон, но никогда больше не разговаривай так с моим внуком.

Офицер смотрит на нее сверху вниз.

Бабушка, может, и маленькая — я уже выше ее, — но свирепая.

Она вздергивает подбородок и смотрит прямо на него.

— Неважно, — бормочет он. — Я здесь только для того, чтобы передать сообщение.

— Какое? — спрашивает бабушка.

По его лицу пробегает улыбка. И это не добрая улыбка. Он засовывает руку в карман и достает конверт официального вида, но не отдает его. Вместо этого холодным и спокойным голосом говорит:

— Прощлой ночью в тюрьме, где содержалась ваша дочь, произошел бунт. Одна из заключенных заколола ее. Спасти ее не удалось. Она мертва.

«Она мертва».

Мертва».

Нет».

Бабушкины пальцы сжимают мое плечо. Единственный признак того, что она слышала, что он только что сказал.

Он протягивает бабушке конверт. Она его берет.

— С вами свяжутся по поводу тела.

«Тела».

Затем он поворачивается и уходит.

«Мертва».

Заколота».

Тела».

Мама».

Нет».

Слышу, как кто-то кричит.

Не понимаю, что это я, пока бабушка не притягивает меня в свои объятия, крепко прижимая к себе.

— Нет, нет! — Я отталкиваю ее, чуть не падая навзничь.

— Ривер...

— Нет! Она не... она не... нет!

Я поворачиваюсь и бегу через весь дом.

«Она не может быть мертва. Не может.

Нет».

Я возвращаюсь в мастерскую.

Стеклянный шар там, где я его оставил.

Она никогда его не увидит, потому что мертва.

Мертва из-за меня. Из-за того, что я натворил.

Схватив шар, швыряю его в полку, где стоит все, что я для нее сделал.

Шар влетает туда с оглушительным грохотом, разбивая все стеклянные предметы.

Но этого недостаточно. Боль по-прежнему в моей груди. И она невыносима.

Взяв одну из металлических труб, которые мы используем для выдувания стекла, и начинаю размахивать ей, нанося удары по всему, что могу.

Звон разбитого стекла — единственное, что слышно. И еще бешенное биение сердца.

И вот, бить уже нечего. Перед глазами стоит туман, дыхание затруднено. Я роняю металлическую трубу, и в гулкой тишине та с громким лязгом падает на пол.

Я сжимаю и разжимаю кулаки.

«Мертва.

Мама мертва».

— Ривер, — доносится с порога нежный голос бабушки.

Я перевожу на нее затуманенный взгляд.

— О-она мертва.

Ее глаза потускнели.

— Да.

— О-она... Я-я у-убил ее! Я у-убил маму!

— Нет. — Ее голос тверд. Она делает шаг вперед.

Я отступаю, натываясь на верстак.

— Д-да! Я-я у-убил ее! Е-ее бы там не было, если бы я не...

— Прекрати! — Ее голос звучит как раскат грома.

Я сжимаю дрожащие губы, удерживая всю боль внутри.

Бабушка подходит ко мне и нежно обнимает за плечи.

— Ты не убивал свою маму, — мягко говорит она, но ее голос срывается. Она откашливается. — Я не позволю тебе нести в себе такой груз. Твоя мама не хотела бы, чтобы ты винил себя. Ни в чем из того, что случилось много лет назад, не было твоей вины. Ты меня слышишь? Ты был всего лишь ребенком. Ты все еще ребенок.

Я опускаю подбородок, киваю, давая ей ответ, которого она хочет.

Но я так не думаю.

Я знаю, что убил маму.

Она села в тюрьму из-за меня. Из-за того, что я сделал с ним в тот день.

Это я должен был сидеть в тюрьме.

Я должен был умереть.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Вжимаю пальцы в ладони. Они скользкие.

Я смотрю вниз. Из них сочится кровь. Из порезов от стекла.

Оглядываюсь вокруг. Я разгромил мастерскую. Разбил все, над чем трудилась бабушка.

— П-прости. Я все с-сломал.

— Тебе не за что извиняться. Это всего лишь стекло. — Она берет меня за подбородок и поднимает мне голову, чтобы видеть мои глаза. — Все это можно заменить.

Но маму заменить нельзя.

Я больше никогда ее не увижу.

И мне некого винить, кроме себя.

По моей щеке катится слеза.

Я вижу, как блестят бабушкины глаза, и что-то глубоко внутри меня ломается.

Бабушка никогда не плачет. Никогда.

Я заставил ее плакать.

Потому что убил ее единственного ребенка.

Должно быть, она меня ненавидит.

Я сам себя ненавижу.

— Прекрати эти мысли сейчас же, Ривер, — твердо произносит она, словно может заглянуть мне в голову. — Я тебя не виню. И совершенно точно не ненавижу. Я люблю тебя.

Но я не чувствую себя достойным ее любви.

Потому что я не достоин ничьей любви.

Внутри меня нет ничего хорошего.

Только чернота и сломанные части, которые никогда не восстановятся.



Кэрри

Судя по часам на приборной панели грузовика Ривера, сейчас половина второго ночи, мы возвращаемся из ветеринарной клиники, и «Only You» Селены Гомес тихо играет по радио.

Бадди (в пер. с англ. «приятель») — так я назвала пса, потому что имя понадобилось для регистрации у ветеринара, — сидит у меня на коленях и выглядит гораздо лучше, чем когда я его туда увозила. Ветеринар попросил медсестру помыть его, прежде чем заняться блохами. Он сказал, что, похоже, у него их нет, но лучше провести курс лечения. Судя по всему, лечение избавит его от блох на месяц, а затем курс нужно повторить. Он также сделал ему укол, который пса не слишком обрадовал. Не могу его винить.

Ветеринар заверил меня, что, не считая небольшой потери веса, Бадди в полном порядке.

В клинике я купила немного собачьего корма, а также кучу других вещей, которые понадобятся Бадди.

Итак, теперь у меня официально есть собака.

И он самый симпатичный пес на свете.

Я всегда думала, что было бы неплохо завести собаку. Но не могла, пока росла в приемных семьях. А Нил ненавидит собак.

Я счастлива оттого, что могу дать это своему ребенку. Дом и собаку.

Кажется, что может быть проще? Но иногда самые простые вещи имеют наибольшее значение.

Ривер тянется к радио и выключает его. Я наслаждалась песней, но не стала ничего говорить.

Пока находилась в клинике с Бадди, все это время Ривер ждал меня. Выйдя из смотровой, я с удивлением увидела, что он сидит там.

Мы не договаривались о том, что он отвезет меня обратно домой, решив, что и так доставила ему немало неудобств, заставив поехать в клинику.

И тут я понимаю, что даже не поблагодарила его.

— Спасибо, что подвез к ветеринару, дождался нас и отвез домой.

— Ну, я же не мог просто оставить тебя там, — ворчит он.

«Да, мог». Но я не указываю на это.

Молчание, а затем:

— Значит, ты оставляешь шавку.

— Не называй его так, — хмурюсь я. — Его зовут Бадди. И, конечно, я его оставляю.

— Ты идиотка.

— Что? — Я в ужасе смотрю на него. — Я идиотка, потому что оставляю безобидного песика, которому негде жить? Ну, если это определение для идиотки, то я с радостью ей буду.

Он смотрит на меня, подняв одну нахмуренную бровь.

— Ты идиотка потому, что заплатила столько за все дерьмо, что купила для шавки, — медленно произносит он. — Ты могла бы купить то же самое дерьмо в супермаркете за полцены.

— Ох. Ну, супермаркет сейчас не работает, а ему нужны были эти вещи.

— Ему нужно пальто? Прямо сейчас? — Он бросает взгляд на мои ноги, где среди прочих вещей Бадди лежит пальто.

— Да. Он может замерзнуть.

Он смотрит на датчик температуры в машине, потом на меня.

Сейчас восемнадцать градусов.

— Хорошо. Сейчас ему не холодно. Но в какой-то момент может стать.

— У него шерсть, Рыжая. Для этого она и предназначена. И ты понимаешь, что живешь в Техасе?

— Ладно, пусть пальто ему и не нужно, но оно милое. — Оно бледно-голубое, в рисунок из маленьких косточек. — В любом случае, всегда хорошо иметь вещи на всякий случай. Если я буду его выгуливать и пойдет дождь. В Техасе идут дожди.

— В пальто из флиса.

«Блин. Он прав».

— Флис не промокает. — «Вроде. Ладно, вовсе нет».

— Конечно, нет.

Я почти слышу, как он закатывает глаза.

Умник.

Я отказываюсь признать его правоту, поэтому прикусываю губу и молчу.

Но Ривер — нет.

— Я никогда не говорил тебе своего имени. — Его голос звучит низко и тихо.

— Что?

— В саду ты назвала меня Ривером. Я никогда не говорил тебе, как меня зовут.

«Нет, не говорил. Ты был слишком занят, игнорируя меня и осыпая грубостями, чтобы поделиться о себе этой информацией».

Но, опять же, я не озвучиваю свои мысли.

И хотя я не сделала ничего плохого, чувствую себя так, будто меня поймали с рукой в банке с печеньем, — мое лицо вспыхивает. Я смотрю на Бадди и глажу его мягкую шерстку.

— Я работаю в городской закусочной «У Сэди». Тамошний повар, Гай, услышал, что я живу по соседству с тобой, и мимоходом упомянул твое имя. Вот откуда я его знаю.

— Мимоходом. Конечно, — он невесело смеется.

— Это проблема? Что я знаю твое имя?

Он не отвечает.

И это меня раздражает.

Но я позволяю раздражению испариться. Не хочу вступать в спор с этим парнем в час тридцать ночи.

Он подъезжает к моему дому и выключает двигатель. Это меня удивляет. Я ожидала, что он припаркуется на своей подъездной дорожке, а я пойду пешком.

— Еще раз спасибо, что подвез, — говорю я. — Прости, что задержала тебя допоздна.

Он пожимает плечами.

Я воспринимаю это как намек, чтобы уйти.

Держа Бадди, открываю пассажирскую дверь и вылезая из грузовика. Уже собираюсь повернуться, чтобы забрать вещи Бадди с пола грузовика, когда Ривер возникает из ниоткуда. Я даже не заметила, как он вылез из грузовика. Он берет вещи Бадди и хлопывает пассажирскую дверцу.

— Я помогу, — хрипло говорит он.

— Спасибо, — шепчу я.

Я иду к своей входной двери, Ривер тащится следом.

Честно говоря, я не понимаю этого парня. Он ведет себя как придурок. И все же в полночь везет меня в город к ветеринару и ждет там больше часа. Потом отвозит домой. Паркуется возле моего дома. А теперь помогает нести вещи Бадди.

Мудаки так не поступают.

Может, Ривер не такой полный мудака, каким кажется.

Достав ключ, отпираю входную дверь и захожу внутрь. Я оставила свет включенным, чтобы по возвращении домой не было темно.

Я очень не люблю заходить в темную комнату.

Бадди у меня в руках слегка извивается, и я опускаю его на пол.

— Добро пожаловать в новый дом, Бадди. — Я наблюдаю, как он ходит, исследуя гостиную.

Когда поворачиваюсь к Риверу, тот заполняет собой дверной проем и наблюдает за мной. Темные брови нахмурены, скрывая то, что отражается в его глазах.

— Куда ты хочешь, чтобы я положил это барахло? — Он поднимает вещи Бадди.

Я не обращаю внимания на слово «барахло» и говорю:

— На кофейный столик было бы неплохо, спасибо.

Я закрываю дверь, пока Ривер выкладывает вещи Бадди на столик.

В моей маленькой гостиной он выглядит огромным.

Положив вещи на стол, он молча смотрит на камин. Затем резко поворачивается.

— Ты беременна? — Его взгляд падает на мой плоский живот.

Ой, он увидел УЗИ.

— Да. Семь недель — вот почему еще не заметно. — Я прижимаю руку к животу.

— А где отец?

Мои губы приоткрываются от удивления.

Я смотрю на него, не желая отвечать, но, не зная, что сказать.

— Мне не следовало спрашивать. Это не мое дело.

Я скрещиваю руки на груди.

— Да, не твое.

На его лице мелькает удивление и, как мне кажется, восхищение. Но с Ривером нельзя быть уверенной.

— Значит, ты одна.

Его слова причиняют боль.

Я прищуриваюсь.

— Абсолютно.

— Почему не сказала, что беременна?

Хмурюсь в смущении и раздражении.

— Не знала, что должна объявлять об этом.

— Ну, я бы не позволил тебе таскать шавку, если бы знал, что ты беременна. — Он вскидывает руки в воздух, выглядя раздраженным. Хотя я не совсем понимаю, почему.

— Я беременна, а не больна. И, пожалуйста, перестань называть Бадди шавкой.

Он хмыкает.

— Он похож на шавку. Уродливый маленький греmlin. Не корми его после полуночи.

— Ты только что пошутил? — Мои губы растягиваются в улыбке, хотя он только что не напрямую оскорбил Бадди. — Не знала, что ты на такое способен.

Его брови над темными глазами опускаются. По спине пробегает дрожь.

— Ты удивишься, узнав, на что я способен.

Полагаю, его слова должны меня напугать, но это не так.

Этот парень только лает, но не кусает.

Сегодня вечером я это в нем увидела.

Он направляется к входной двери.

Но замирает, когда я говорю:

— Знаешь... на самом деле я думаю, что ты хороший парень, а не придурок, каким тебя считают.

Взгляд, который он бросает на меня, может заморозить весь Техас. Что было бы весьма неплохо в нынешнем климате.

— Я не хороший, Рыжая.

— Как скажешь, — беззаботно отвечаю я. — Но я буду думать то, что думаю, а я думаю, что ты хороший.

— Не знаю, как я это переживу, — сухо говорит он.

Потом он выходит за дверь, закрывая ее за собой, а я смеюсь.

Впервые за очень долгое время я на самом деле смеюсь.

И самое ужасное, что причина тому — мой сварливый сосед.



Кэрри

Нажав кнопку на пульте, выключаю телевизор и потягиваюсь. Бадди рядом со мной даже не шевелится. Маленький соня, вот кто он.

Сегодня вечером я работала в двойную смену, так как одна из официанток заболела, и после того, как я закончила работу, пришла домой и вывела Бадди на прогулку. Бедняжка просидел внутри весь день, пока я работала. Я сделала остановку у магазина и купила банку мятного шоколадного мороженого, горячую помадку и зефир. Ребенок жаждет всего этого. Что я могу поделать?

По возвращении домой с прогулки, по телевизору как раз начиналась «Новая рождественская сказка». Сейчас декабрь, так что марафон рождественских фильмов в самом разгаре. А я люблю фильмы с Биллом Мюрреем. Они всегда оставляют у меня хорошее впечатление.

Поэтому переоделась в пижаму и устроилась на диване с Бадди и мороженым смотреть фильм.

Я смотрела. Бадди спал.

Думая о Рождестве, оглядываю гостиную.

Нужно купить рождественскую елку. Странно, что мысль об этом до сих пор меня не посетила.

Нил всегда покупал елку и сам ее ставил. Мне никогда не разрешалось ее украшать. Он говорил, что я все испорчу.

«Так вот, Нил, знаешь, что? Я, черт возьми, куплю елку и украшу ее».

Завтра у меня выходной, так что я съезжу в город за рождественскими покупками.

В городе есть хозяйственный магазин, который продает и доставляет рождественские елки. Я видела их, когда была там на прошлой неделе, покупала лопатку и грабельки для сада, чтобы начать выпалывать палисадник от сорняков.

Утром я возьму Бадди на прогулку в город и куплю елку. А еще какие-нибудь украшения. Надеюсь, они смогут сделать доставку в тот же день, и тогда я смогу провести остаток дня, украшая ее. Возможно, даже прикуплю кое-какие ингредиенты в продуктовом магазине и испеку рождественское печенье.

От этой мысли чувствую возбужденное покалывание.

Это мелочи, но для меня они важнее всего. То, чего я никогда не могла делать раньше.

Может, отнесу немного печенья Риверу. Еще раз поблагодарив за помощь с Бадди. Легонько расталкиваю Бадди, будя его.

— Вставай, Бадди. Пора в туалет.

Беру миску, чтобы отнести ее на кухню, и поднимаюсь с дивана. Сонный Бадди спускается вниз и следует за мной.

Поставив миску в раковину, открываю ему заднюю дверь.

Выхожу на террасу и наблюдаю, как он спускается по ступенькам на газон.

Доски на заборе все еще сломаны. Несмотря на все жалобы Ривера, он не починил их, как обещал.

Поэтому я не хочу оставлять Бадди одного в саду на случай, если он пролезет через щель в сад Ривера и снова окажется в бассейне.

Прошло почти три недели с тех пор, как я вытащила Бадди из бассейна Ривера. Я вообще не видела своего соседа. Если бы я была параноиком, то подумала, что он меня избегает. Но я не параноик.

Не то чтобы жаждала его увидеть.

Я занята работой в закусочной и прогулками с Бадди. Жизнь хороша. Лучше, чем могла себе представить.

Я также занялась стенами детской, готовясь их загрунтовать, чтобы потом покрасить.

Пока не знаю, какой цвет выбрать.

Полагаю, это будет зависеть от того, решу ли узнать пол ребенка на следующем УЗИ.

Но даже тогда, считаю, комната не обязательно должна быть розовой или голубой. Она может быть желтой, зеленой, сиреневой или даже белой с цветным рисунком.

Размышляя о возможных цветовых решениях, наблюдаю за Бадди, шастающего у забора.

Обхватив себя руками, беспокойно переминаюсь с ноги на ногу.

— Поторопись, Бадди, — говорю скорее себе, чем ему, потому что я поняла, Бадди — пес себе на уме.

Он проходит вдоль забора чуть дальше. Останавливается и принюхивается, прежде чем, наконец, отлить.

«Аллилуйя».

— Пойдем в дом, Бадди, — я хлопаю в ладоши, чтобы привлечь его внимание. — Пора спать.

— Нет! — раздается чей-то крик.

Я замираю.

Бадди останавливается и поворачивается к забору. Из его маленького тельца исходит низкое рычание.

— Не смей... мать твою, прикосаться ко мне!

От этих слов и звучащей в них агонии, сердце уходит в пятки.

«Это Ривер?»

Рычание Бадди усиливается.

— Бадди, иди ко мне, — говорю я твердо.

Он смотрит на меня, потом снова на забор.

— Бадди.

Наконец, он слушается меня и возвращается на террасу.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Хороший мальчик. — Я протягиваю руку и похлопываю его. Открыв заднюю дверь, впускаю его внутрь. — Жди меня здесь, — говорю ему, прежде чем закрыть дверь.

— Прекрати, больной ублюдок! — раздается еще один мучительный крик.

Он определенно доносится из дома Ривера.

«Что, если он попал в беду? Или ему больно? Или еще хуже?»

Я должна ему помочь.

Оглядываюсь в поисках какого-нибудь оружия. Взгляд падает на садовые грабли и лопатку, которые я оставила здесь.

«Грабли или лопатка?»

«Что может нанести наибольший урон?»

Грабли острее. Значит, ими можно уколоть. Подойдет.

Схватив их, спускаюсь по ступенькам в сад.

Быстро подхожу к забору и проскальзываю через щель, ведущую в сад Ривера.

Стремительно, но бесшумно пересекаю сад, огибаю бассейн и подхожу к его дому.

Окно наверху, прямо надо мной, открыто. Должно быть, он там. Насколько я могла разобрать со своего места.

Я зову его по имени.

Ответа нет.

Может, сейчас он в порядке. То есть, он больше не издал ни звука, пока...

— Я сделаю это! Клянусь!

Похоже, я сейчас войду.

Проглотив комок страха, делаю глубокий вдох.

«Ты можешь это сделать. Ему нужна твоя помощь».

С садовыми граблями в руке подхожу к задней двери. Поворачиваю ручку — не заперто.

Наверное, в Каньон Лейк люди не запирают двери.

Останавливаюсь, держась за ручку. Если войду внутрь, будет ли это считаться взломом с проникновением?

На самом деле мне следовало бы вызвать полицию, потому что, если он в беде, я вряд ли смогу что-то сделать.

Но меньше всего хочу иметь дело с полицией, я ей не очень-то доверяю. Не то чтобы я считала, что все копы такие же плохие, как Нил. Но им трудно доверять после того, как я с просьбой о помощи обратилась к его коллегам, а те меня очень сильно подвели.

И я не могу просто так оставить Ривера страдать. Одного.

По всей видимости, надежда только на меня и садовые грабли.

— Не прикасайся ко мне. Я... ай, нет! Бл*дь, как больно. — Его крики звучат болезненно эротично.

Сердце сжимается.

Распахиваю дверь, оставляя ее открытой на случай, если мне понадобится быстро отсюда выбираться, и захожу в дом.

Глаза привыкают к темноте, но мне все же удается задеть бедром за край стола.

— Блин, — шиплю я.

Я не позволяю боли остановить меня.

Добираюсь до лестницы. Остановившись внизу, вглядываюсь в темноту.

«Будь храброй».

Подняв грабли на уровень груди, держу их обеими руками, готовая вонзить или ударить, если понадобится. Медленными, бесшумными шагами поднимаюсь по деревянной лестнице.

Еще один болезненный стон заставляет меня двигаться немного быстрее, сжимая ручку граблей чуть крепче.

В этот момент я не думаю о себе. Я думаю о нем — о другом человеческом существе. Желая ему помочь, как я хотела бы, чтобы кто-то в свое время помог мне.

Достигнув верха, останавливаюсь и оглядываюсь, пытаюсь понять, какая комната его.

Звуки доносились из открытого окна позади дома, так что он, должно быть, там.

А в дальнем конце коридора — открытая дверь.

Садовые грабли наготове, и я крадусь к двери.

В тишине под моим весом громко скрипит половица, и я замираю, затаив дыхание, прислушиваясь к любому звуку или движению.

Ничего.

Осторожно продвигаюсь вперед, не желая больше шуметь.

Подхожу к открытой двери. Она открыта только наполовину, так что я не могу полностью разглядеть комнату.

Вижу только открытое окно.

Из комнаты доносится мучительный стон.

С граблями наготове делаю шаг, и большим пальцем осторожно толкаю дверь, раскрывая ее шире.

Вижу край кровати.

Я вхожу в комнату, и в поле зрения оказывается кровать. На ней Ривер, его тело напряжено и изогнуто, затянутое в глубокую ловушку кошмара.

Я почти вздыхаю от облегчения, что его не убивают и не забивают до смерти. Или еще хуже.

«Есть ли что хуже?»

Да, есть. Я это пережила.

Его ноги беспокойно молотят простыню, прикрывающую нижнюю часть тела.

Сквозь стиснутые зубы с шипением вырываются короткие вздохи.

Мне кажется неправильным, что я тут. Являюсь свидетелем этого.

Но теперь, когда я здесь, не могу просто оставить его одного. Даже если технически я вломилась в его дом.

То, что ему снятся кошмары, меня не удивляет. В тот день я видела в его глазах затравленное выражение.

Мне тоже иногда снятся кошмары.

Мне снится, что Нил находит меня. Увозит домой. Делает больно ребенку...

Не знаю, какие сны преследуют Ривера, но понимаю, что не могу оставить его в таком состоянии.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Опустив грабли, подхожу ближе к кровати и встаю у ее края.

— Ривер, — твердо произношу его имя. — Тебе снится кошмар. Тебе нужно проснуться.

Он не отвечает.

— Ривер. — Протянув руку, касаюсь его покрытой простыней ноги.

Большая ошибка.

Он распахивает глаза и вскакивает с кровати.

Внезапное движение пугает меня, и я делаю шаг назад, каким-то образом умудряясь споткнуться о собственные ноги, и приземляюсь на задницу.

И сразу же узнаю о Ривере кое-что еще.

Он спит голым.



Кэрри

— Какого хрена ты делаешь в моей спальне?

— Пенис... Ривер! Бл*ха-муха! — Я быстро вскакиваю на ноги. — Прости. Я-я... я услышала снаружи, как ты кричал. Дверь была не заперта...

— И ты решила, что это приглашение войти?

— Я-я... думала, тебя убивают или типа того. Ты кричал. Я беспокоилась. Хотела помочь.

Я волнуюсь. И цвета помидора.

Он все еще голый. И просто стоит там.

Голый.

Он, кажется, не замечает, что обнажен. Или что его пенис эрегирован.

Или ему все равно.

Но я-то замечаю.

И пытаюсь отвести взгляд. Клянусь, правда, пытаюсь.

Ситуация напряженная.

Как и его пенис. От которого мне трудно отвести взгляд.

До этого момента за всю свою жизнь я видела голыми лишь двух мужчин.

Но ни один не был похож на Ривера.

По сравнению с Ривером, Нил выглядел бы пухленьким. Хотя Нил вовсе не был толстым.

Но Ривер — сплошные рельефы. Брюшной пресс. Упругие мышцы тела, рук и ног. Он огромный. Везде.

У меня нет большого опыта обращения с пенисами. До Нила я видела только один, и это было в шестнадцать лет, когда я потеряла девственность с моим ровесником из школы, который понятия не имел, что делать. За исключением того, что поспорил с друзьями, что сможет переспать со мной. Очевидно, пари он выиграл. Нил всегда ненавидел тот факт, что я спала с кем-то до него. Эту причину он использовал, чтобы затеять ссору, когда другого повода не было.

Пенис Нила был примерно такого же размера, как и первого козла, с которым я переспала, так что не была уверена, нормального они размера или большие или еще какие.

По сравнению с Ривером они определенно были среднего размера.

Может, меньше.

«Почему я все еще думаю о пенисах?»

«Потому что ты на него пялишься».

Я перевожу взгляд на лицо Ривера. На этот раз он не выглядит сердитым.

Брови приподняты. Лицо излучает самодовольство.

Он знает, что я разглядывала его пенис.

«Конечно, знает». Я пялилась на него целую вечность.

Когда я встречаюсь с ним глазами, их выражение резко контрастирует с весельем на его лице. Они горят чем-то, чего я не хочу сейчас называть.

У меня сводит живот.

Я с трудом слтаываю.

— Что это? — Он кивает в сторону садовых граблей, которые упали на пол, когда я приземлилась на задницу.

— Ох. — Я беру их. — Это мои садовые грабли.

— Ну, это объясняет, почему они у меня на полу.

— Я выронила их, когда ты меня напугал, и я упала.

— Я напугал тебя? — Невеселый смешок. — То-о-очно, — растягивает он слово.

Подняв покрытые татуировками руки, складывает их на груди.

«Не смотри вниз. Не смотри вниз».

Заставляю себя обратить взгляд на его лицо. Беспокойно ерзаю.

— Я принесла их. Как оружие. Ну, знаешь, на случай, если понадобится.

Его взгляд скользит по граблям в моей руке, а затем снова возвращается к моему лицу.

— Что ты собиралась ими сделать, зарыхлить меня до смерти?

— Не тебя. Того, кто причинил тебе боль. И, очень смешно. — Я закатываю глаза.

— Нет, ни хрена не смешно. Ты беременна и пришла сюда, не зная, во что ввязываешься, с дерьмовыми садовыми граблями в качестве оружия.

Когда он так говорит, мои действия звучат безрассудно.

— Ладно, значит, я не совсем все продумала.

— Охрененный вывод, Шерлок. Ты чертова идиотка, Рыжая.

— Эй! Это... не мило! Я пришла, чтобы спасти твою задницу.

— И сама на нее приземлилась.

Он поворачивается, снимает со стула джинсы и натягивает их. Вижу на его спине большую татуировку, но не могу разглядеть, что она из себя представляет, потому что он натягивает футболку, прикрывая ее.

Затем включает на ночном столике лампу и поворачивается ко мне.

От яркого света моргаю. Глаза уже привыкли к темноте.

— Милая пижама. Ты это буквально?

— Что?

Опускаю взгляд вниз.

«Христос всемогущий.

Серьезно, Боже?

Серьезно?

Ты не мог дать мне передышку хотя бы на этот раз?»

На мне новая пижама. Я купила ее на распродаже за пару долларов. Взяла на несколько размеров больше, так что, сейчас она сидит на мне мешком, но с моей увеличивающейся талией это ненадолго. Она очень мягкая, хлопковая, с начесом.

Комфорт превыше моды, верно? И не то чтобы я ожидала, что кто-то увидит меня в ней.

Но он имеет в виду не большой размер.

О нет.

Он ухмыляется из-за надписи.

«Мне нравятся твои шары» написано на пижаме, а под словами висят две рождественские игрушки.

«Пристрелите меня на месте».

Тогда мне это показалось забавным. Это была одна из причин, по которой я ее купила.

Но сейчас мне не до смеха.

— Умереть как смешно, — бормочу я. — А теперь я ухожу. — Развернувшись, быстро иду к двери.

— Ой, да не смущайся, Рыжая. Это нормально, что тебе нравятся мои шары. —

Его смех настигает меня, когда я прохожу через дверь, ведущую из его комнаты.

Даже не могу осознать, что впервые слышу его смех или что это приятный, глубокий, хриплый звук.

Потому что слишком смущена.

Нет, не смущена. Унижена.

Я ворвалась в его дом с садовыми граблями наизготовку. Напугала до смерти и его, и себя. Затем пялилась на его пенис дольше, чем считала допустимым. На самом деле, я не считаю, что пялиться на чей-то пенис вообще допустимо. И в довершение всего на мне самая нелепая пижама. Пижама, которая давала ему возможность еще больше меня высмеивать.

«Какая же я идиотка».

Я практически бегу вниз по лестнице и обратно через дом тем же путем, каким пришла, петляя вокруг мебели, направляясь ко все еще открытой задней двери.

— Да разъесть твою налево! — воплю я, зацепившись ногой за тот же стол, в который влетела раньше, и ударяясь мизинцем. — Как больно! — Я роняю грабли и хватаюсь обеими руками за ногу. Слезы жгут глаза.

«Боже милостивый, опупенно больно».

Свет заливают комнату.

— Ты в порядке?

«Ох, Ривер. Насмешник всех насмешников».

Я даже не слышала, как он подошел. Вероятно, явился, чтобы насыпать еще больше соли на рану.

— Я в порядке.

— Выглядишь иначе.

Я отпускаю ногу и ставлю ее на пол.

Когда ступня касается поверхности, я сдерживаюсь, чтобы не зашипеть от боли.

Палец пульсирует.

— У тебя кровь.

— Что? — Смотрю вниз, и, конечно же, из мизинца течет кровь. Руки тоже в крови.

Страх сжимает грудь.

«Ты всегда устраиваешь беспорядок! Такой гребаный беспорядок! Ты, бесполезная ебаная сука!»

— Рыжая?

— Прости. Я не хотела пачкать кровью пол. Я все уберу. Сейчас я все вытру. — Сердце бешено колотится. Я тут же отдергиваю ногу с пола, чтобы еще больше его не запачкать, и поворачиваю голову в поисках кухни, чтобы взять там что-нибудь и убрать беспорядок.

— Рыжая, все в порядке. — Его голос стал мягче. Таким разговаривают с испуганным животным.

Я пристально смотрю на него.

В его глазах мелькает выражение, которое мне не нравится.

Жалость.

Не знаю точно, что, увиденное на моем лице, заставляет его так смотреть на меня, но могу предположить. Привожу мимику в порядок. Это я могу. Я хорошо этому обучена.

«Успокойся. Он не Нил. Ты в безопасности».

Он подходит ко мне ближе. Движения медленные и размеренные.

— Это всего-навсего немного крови, Рыжая. Не волнуйся. Сядь. Дай взглянуть на твою ногу.

— Я в порядке. Честно. — Я очень хочу поскорее отсюда убраться.

Делаю движение, но его слова останавливают меня.

— Рыжая, сядь, — его голос твердый, но не резкий. Более... озабоченный.

Поэтому я сдаюсь. Ковыляю к дивану и сажусь.

Ривер следует за мной и опускается на колени у моих ног. Он поднимает мою ногу, осматривая палец.

— Всего лишь небольшой порез. Я его промою и наложу пластырь, и все будет в порядке.

— Ты не обязан.

Его темные глаза встречаются с моими.

— Знаю. Но все равно сделаю.

Ривер поднимается. Я смотрю, как он исчезает за дверью, кажется, на кухне.

Он такой непонятный. В одну минуту ведет себя со мной как придурок. Затем, как по щелчку пальцев, становится милым.

Начинаю думать, что у него раздвоение личности.

Слышу, как он бренчит чем-то. Дверцы шкафа открываются и закрываются.

Затем появляется снова с аптечкой в руке.

Опустившись на колени у моих ног, открывает аптечку. Берет мою ногу и кладет себе на бедро. Достает из аптечки антисептическую салфетку. Откуда я знаю, что это антисептическая салфетка, спросите вы? Ну, я очень хорошо знакома с содержимым аптечек первой помощи. Постоянные побои и невозможность попасть в больницу сделали этот навык обязательным.

— Будет немного больно, — говорит он.

— Я могу справиться с болью.

Он бросает на меня быстрый взгляд. Но он не читает.

Затем, опустив глаза, прижимает салфетку к пальцу и осторожно протирает.

Закончив, бросает салфетку обратно в аптечку и достает пластырь. Вскрывает его.

Но клеит не сразу.

Взяв мою ногу, поднимает ее. Затем наклоняется над ней и нежно дует на палец, высушивая раствор от салфетки.

«Господи Иисусе».

Я знаю, что не должна ничего чувствовать. Но я чувствую.

Части меня, о существовании которых и не подозревала, начинают петь.

Меня возбуждает, когда он дует мне на ногу.

Это смущает и удивляет.

Гормоны беременности и вид его обнаженного тела затуманили разум.

— Ну вот, все готово. — Ривер опускает мою ногу на пол.

Я даже не поняла, что он приклеил пластырь; так отвлеклась на свои чувства. Или то, что не должна чувствовать.

Вскакиваю на ноги. Его темные глаза следят за мной.

— Спасибо, — выпаливаю с легкой дрожью в голосе. — За то, что вылечил меня.

«Спасибо, что вылечил меня?»

Господи боже».

Делаю шаг в сторону.

— Ну, до свидания. — Я направляюсь напрямиком ко все еще открытой двери, через которую проникла ранее.

— Куда это ты собралась?

Его глубокий голос ударяет мне в спину, останавливая. Я оглядываюсь через плечо. Он уже на ногах.

— Домой.

— Ты босиком.

Я полагаю, это очевидно. Он ведь, знаете ли, буквально дул мне на босую ногу.

«Не думай об этом».

— Где твоя обувь?

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Я пришла без нее. Я торопилась.

— Надень мою.

Я смотрю на его босые ноги. Они огромные. Как и его...

И-и-и-и, я снова пунцово-красная.

— В этом нет необходимости, и она мне все равно не подойдет.

Но, очевидно, он меня не слушает, потому что поворачивается и идет обратно на кухню, где, по-видимому, держит все, и через несколько мгновений возвращается не с одной, а двумя парами в руках. Ботинки и кроссовки.

Он ставит кроссовки у моих ног.

— Надень их.

Господи, какой же он властный.

- Игнорируя его приказ, — потому что больше не подчиняюсь мужским приказам,
— наблюдаю, как он натягивает ботинки, оставляя шнурки не завязанными.
— Зачем тебе обувь? — интересуюсь я.
Темные глаза поднимаются на меня.
— Потому что я не хожу по улицам босиком.
Ха-ха.
— Надень кроссовки, Рыжая.
Я скрещиваю руки на груди.
— Не хочу.
— Хочешь снова порезать ногу? Тебе повезло избежать этого по дороге сюда.
Как я порежусь в саду? Если только там не разбросано битое стекло. Меня бы это не удивило.
— Ладно, — я вздыхаю. Затем просовываю ноги в его кроссовки. Они массивные, как и ожидалось. — Я выгляжу как клоун.
— Действительно, выглядишь нелепо.
Я хмурюсь.
— Я не говорила, что выгляжу нелепо. Я сказала, что выгляжу как клоун.
— Это одно и то же.
Я даже не пытаюсь спорить.
— Ну, спасибо, что одолжил кроссовки. — Хоть я и не хотела.
Я уже поворачиваюсь к двери, когда его голос снова останавливает меня.
— Ты что-то имеешь против парадных дверей? Или это только относится к моей двери?
Я смотрю на него через плечо.
— Просто возвращаюсь тем же путем, каким пришла.
— Ах, да. Щель в заборе. Так и не удосужился ее исправить.
«Почему?» — хочется спросить. Но, конечно, я не спрашиваю.
Он все равно ничего мне не скажет.
Выхожу за дверь, хватаюсь за ручку, чтобы закрыть ее за собой. Но он стоит у меня за спиной, в дверном проеме.
Отпустив ручку, отступаю в сторону.
— Ты куда-то собрался? — спрашиваю я.
Его бровь поднимается вверх, открывая темный глаз.
— Я провожу тебя домой.
— Я живу рядом. — Я показываю на свой дом.
— И что?
— И, полагаю, смогу отлично справиться сама.
— Считаешь, с людьми не случается ничего плохого, даже на самых коротких расстояниях?
— Нет, я так не считаю. — *«Точно знаю, что случается. Семь долгих лет я не находилась в безопасности в собственном доме».* Но я не нуждаюсь в том, чтобы за мной присматривал мужчина. Я сама могу о себе позаботиться. — Но я без проблем добралась сюда. И также могу вернуться.
— О, правда? С верными садовыми граблями в качестве защиты?

Тут понимаю, что граблей у меня нет. Они все еще лежат на полу, где я их уронила, когда ушибла палец. Но не хочу возвращаться за ними в его дом. Пусть остаются там.

— Иногда ты ведешь себя как настоящий придурок.

— Знаю. И все же я провожу тебя домой.

Я вздыхаю.

— Как хочешь.

Я топаю через его сад. Нелегко ходить в обуви размеров на пять больше.

— Какой у тебя размер? — спрашиваю я.

— Тринадцатый, — доносится из темноты за моей спиной. (Тринадцатый размер мужской обуви в США соответствует сорок шестому в России — прим.).

Поправка: на семь размеров больше.

— У меня шестой. (Шестой размер женской обуви в США соответствует тридцать шестому в России — прим.).

— Спасибо за эту захватывающую информацию. Теперь я буду лучше спать сегодня ночью. — Его тон шуточный.

Хочу отметить, что причина, по которой я оказалась в его доме, в первую очередь заключалась в том, что он плохо спал.

Протискиваюсь сквозь щель в заборе. Это занимает у меня больше времени, чем обычно, потому что его большие дурацкие кроссовки мешают.

От моих усилий забор трясется.

Когда оказываюсь в своем саду, смотрю вверх и вижу, как Ривер перелезает через забор.

— Что ты делаешь? — интересуюсь я.

Он останавливается на полпути и смотрит на меня, будто на тупицу.

— Взбираюсь. На. Забор, — слова он произносит медленно, словно разъясняет идиоту.

— Это я поняла. Я имею в виду, зачем?

Спрыгнув с забора, он легко приземляется на ноги. Слишком грациозно для человека его роста. Он стоит передо мной, темные глаза сверкают в темноте.

— Затем, что в щель я никак не пролезу.

— Ох.

— И поскольку кому-то не нравятся парадные двери или калитки, это мой единственный вариант.

Умора.

Закатываю глаза и шагаю по траве, направляясь к ступенькам, ведущим на заднюю террасу.

У подножья останавливаюсь.

Выбираюсь из его кроссовок, поднимаю их и протягиваю ему. Он их забирает.

— До самой двери, — говорит он мне и жестом показывает, чтобы я поднималась по ступенькам.

Я вздыхаю, но спорить не собираюсь.

Подхожу к задней двери и открываю ее. Свет врывается на террасу вместе с Бадди, который выскакивает из двери, обнюхивая мои ноги, издавая ворчание, будто говорит, что беспокоился.

— Я в порядке, Бад. — Наклоняюсь к нему и глажу.

Он пристально смотрит на меня. Затем, по всей видимости, замечает присутствие Ривера, и его глазки устремляются на него. Несколько секунд он глядит на Ривера, будто приходит к какому-то решению касательно него. Затем, приняв его, виляет хвостом и обнюхивает ему ноги.

Ривер его игнорирует.

Это меня раздражает.

— Значит, шавка все еще у тебя.

Это раздражает меня еще больше.

— Конечно, Бадди все еще у меня, — делаю акцент на его имени, хотя знаю, что это бессмысленно. Он будет звать его, как хочет.

Поняв, что от Ривера он ничего не получит, Бадди рысцой возвращается в дом.

— Ну... спокойной ночи, — говорю я.

— Зачем ты ко мне пришла?

Я снова вздыхаю. Кажется, рядом с этим парнем я часто так делаю.

— Я уже говорила.

— Я знаю, что ты говорила. Я имею в виду, почему ты просто не позвонила кому-нибудь?

— Кому, например?

Он проводит рукой по своим густым волосам.

— Копам. — Слова звучат тише. — Если кто-то думает, что в доме посторонний, и происходит что-то плохое... Обычно звонят в полицию. А не идут туда на свой страх и риск. С гребаными граблями в качестве единственного оружия.

Я не могу рассказать ему всех причин, по которым не вызвала полицию.

Пожимаю плечами, избегая лжи.

— Видимо... я не подумала.

Его густые брови сходятся у переносицы.

— И никаких других причин?

— А какие еще могут быть причины?

Он отступает из освещенного дверного проема в темноту ночи.

— Никаких.

Засунув руки в карманы джинсов, Ривер направляется к ступенькам.

— Кэрри, — останавливает он меня, когда я закрываю дверь.

Впервые он назвал меня по имени.

И это кажется важным по причине, которую не могу понять.

Я не отвечаю, потому что, такое чувство, что голос меня покинул, но я знаю, он понимает, что я слушаю.

— Спасибо... что пришла.

«Когда никто другой не пришел».

Он не произносит этих слов вслух, но я почему-то знаю, что он хочет сказать.

— Пожалуйста, — говорю я темноте, когда он в ней исчезает.



Кэрри

Я не ожидаю увидеть сегодня Ривера. Обычно сосед может не показываться днями или неделями. И полагаю, особенно после событий прошлой ночи, что, возможно, пройдут месяцы, прежде чем я снова его увижу.

До сих пор не могу поверить, что ворвалась в его дом, думая, что на него напали или что-то в этом роде, вела себя, как дубина, унизилась до чертиков, порезала палец о его стол, и все это с садовыми долбаными граблями в руке. Полная дура.

И я определенно не думаю о том, что видела его голым.

Очень голым.

Нет, определенно не думаю об этом сейчас.

Особенно когда он идет прямо ко мне, потому что это жутко и необычно. Жутко, потому что думаю о нем голым. Необычно, потому что он подошел поговорить со мной.

Мы с Бадди стоим на тротуаре перед нашим домом.

Ривер останавливается передо мной. На нем фланелевая рубашка и джинсы. На ногах те же ботинки, что и вчера. На голове шапка, прикрывающая густые волосы. Сегодня прохладнее — к счастью. На мне длинный, толстый темно-зеленый свитер поверх черных леггинсов и ботинки для прогулок, купленные на днях на распродаже, а вокруг шеи повязан шарф в черно-белую клетку, волосы распущены и живут своей жизнью.

— Рыжая, — говорит он низким, мрачным голосом.

— Ривер, — я улыбаюсь ему.

Он не улыбается в ответ. И больше ничего не говорит.

Просто стоит и смотрит на меня из-под опущенных бровей в своей мрачной, задумчивой манере. Но я замечаю, что в выражении его лица есть что-то еще. Вижу это по его сжатым челюстям и напряженным глазам. Похоже на дискомфорт.

Ему неудобно.

Не знала, что он может испытывать эмоции.

Этот парень без проблем стоял передо мной голым прошлой ночью. И говорил все, что приходило ему в голову. Так что я должна задаться вопросом, отчего он испытывает неловкость.

«Может, это потому, что вчера вечером он тебя поблагодарил», — раздается голос в голове.

Может, и поэтому. Не могу представить, чтобы Ривер привык кого-то за что-то благодарить.

Но он не должен испытывать из-за этого неловкость.

Хочу спросить, так ли это. Убедить, что он не должен из-за этого чувствовать себя не в своей тарелке. Но я не так прямолинейна, как он.

Поэтому вместо этого решаю спросить, чего он хочет — не грубо, конечно, — когда замечаю в его руке свои грабли.

— Это мои? — жестом указываю на грабли.

Он смотрит на грабли в руке, будто только что вспомнил, что они там.

— Ох. Да. — Он прочищает горло. — Нашел их на полу в гостиной. Подумал, тебе они могут понадобиться. Ну, знаешь, в следующий раз, когда решишь совершить еще один взлом с проникновением.

— Смешно. — Я беру у него грабли. — И я больше не собираюсь промышлять взломом с проникновением.

— Вот как?

— Ага.

— Жаль. Самый яркий момент этой недели — увидеть твою пижаму.

Почему-то его слова заставляют меня покраснеть.

«Может, потому, что ты думаешь о том, что, когда ты видела его, на нем не было пижамы».

Я кашляю, прочищая горло, после того как давясь собственной слюной.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Да. — Я снова кашляю, стуча по груди.

Я определенно не думаю о нем голым. Не-а.

— С ребенком все в порядке?

— Что?

— С твоим ребенком. — Его взгляд опускается на мой живот.

Его еще не видно. Но ведь срок всего десять недель. Думаю, в скором времени начну округляться.

Инстинктивно прижимаю руку к животу.

— О, да. Все в порядке. Утренней тошноты пока нет, и, думаю, раз до сих пор не было, то уже и не будет.

Между нами воцаряется неловкое молчание. Вроде того, когда собеседники не имеют понятия, что сказать дальше, но и не знают, как закончить разговор.

И по какой-то необъяснимой причине я не хочу, чтобы разговор сейчас заканчивался.

Странно, но мне нравится с ним разговаривать. Ну, наши словесные дуэли. Когда я не выставляю себя перед ним задницей, а он не ведет себя со мной, как мерзкий придурок.

Но часть меня так же хочет, чтобы он повел себя, как Ривер: просто повернулся и ушел, не сказав больше ни слова.

Это сбивает с толку, если не сказать больше.

Думаю, кто-то из нас должен что-то сказать. И, похоже, этим кем-то буду я.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Что же... спасибо, что принес их. — Я поднимаю грабли. — Я, гм... думаю, еще увидимся.

— Вы с шавкой куда-то собрались? — спрашивает он, останавливая меня прежде, чем я успеваю уйти.

Я улыбаюсь, игнорируя «шавку». Я знаю, он делает это только для того, чтобы подначить меня. И от этого, как ни странно, я тоже счастлива.

Сдерживаю улыбку и поворачиваюсь к нему.

— Да. Мы с Бадди собираемся за рождественской елкой.

— Куда?

— В хозяйственный магазин в городе.

— Деревья там дерьмо. Они не простоят и недели.

— Ох. — Мое нарастающее возбуждение от покупки рождественской елки идет ко дну.

— Тебе нужно поехать на ферму «Чертополох». У них самые лучшие елки.

Это немного меня подбадривает.

— Где находится ферма «Чертополох»?

— В Нью-Браунфелс.

— А где Нью-Браунфелс?

Улыбка трогает уголки его губ. Она не совсем явная, но все же впервые вижу, чтобы его рот образовывал нечто подобное.

Правда, вчера он смеялся. Не то чтобы я это видела. Только слышала. И смеялся он надо мной.

Замечаю, что губы у него красивые. Нижняя немного полнее верхней.

— В тридцати минутах езды отсюда.

И моя маленькая крупица надежды испаряется.

— Ох.

Тогда это исключено, потому что я все еще не приобрела машину. Я очень не хочу использовать деньги, которые взяла у Нила. Хочу заплатить из тех, что заработаю в закускойной, а пока что даже и близко не могу себе позволить машину, особенно после того, сколько мне пришлось заплатить за счет ветеринара для Бадди.

— Может, у них есть доставка? — Я могла бы позвонить и сказать, какого размера дерево мне нужно. Тогда смогу подобрать в городе кое-какие украшения, пока буду ждать.

Он отрицательно качает головой.

Уголки моих губ слегка опускаются.

— Ох. Ладно, не важно. — Я заставляю себя воспрянуть духом. — Дрянное дерево лучше, чем никакое. Верно?

— Не совсем. Это пустая трата денег.

«Ну, спасибо тебе, Ривер».

Так чертовски честно. Это раздражает.

— Это мой единственный вариант. Так что я его приму и извлеку максимум пользы.

Выражение его лица... будто он смотрит на некую диковинку. Чего никогда не видел раньше.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Почему ты так на меня смотришь? — слова вылетают прежде, чем я успеваю их остановить.

На его лице мелькает удивление. Но оно исчезает так же быстро, как и появилось.

— Потому что ты охрененно странная.

«Что ж... ладно. Видимо, я сама напросилась».

Он переминается с ноги на ногу и засовывает руки в карманы джинсов.

— Слушай... Рыжая, позже я еду на ферму «Чертополох». Мне нужно кое-что туда доставить. Я могу взять тебя с собой.

От этого я оживляюсь.

Он снова ведет себя мило. Одну секунду — противный. Следующую — милый.

От этого парня голова кругом.

И я очень хочу принять его предложение. Но не хочу навязываться. Я уже однажды сделала это — в ту ночь, когда он отвез нас с Бадди к ветеринару. Ну, дважды, если считать вчерашний вечер. Хотя его грузовик в этом не участвовал. Только пенисы. То есть, один пенис — его, — эти грабли и моя нелепая пижама.

«Почему я снова об этом думаю?»

Потому что сейчас я снова смотрю туда. На выпуклость на его джинсах.

«Христос всемогущий».

Гормоны беременности сеют во мне хаос.

Я моргаю и поднимаю глаза.

— Уверен? — Я заправляю волосы за ухо. — Не хочу доставлять тебе хлопот.

— Если бы не был уверен, то не предложил бы. — Он уже пятится от меня. — Слушай, выгуляй шавку, а когда вернешься, отправимся на ферму. Ты выберешь дерево, и мы на грузовике привезем его обратно. — Не дожидаясь моего ответа, Ривер разворачивается и направляется к своему дому.

Я смотрю ему вслед. Затем перевожу взгляд на Бадди.

— Что же... неожиданно, — я тихо смеюсь. — Пойдем, Бадди. Давай прогуляемся, а потом я отправлюсь с королем головокружений выбирать нам рождественскую елку.



Кэрри

— Как твоя нога?

— А-а. Мой палец. Да, все в порядке. Еще раз спасибо, что вылечил меня.

— Я всего лишь наложил пластырь.

«И подул на него...»

Боже милостивый».

Я сглатываю.

— Да, я ценю это.

Тишина.

— Кровь нормально отчистилась? — спрашиваю я.

— Что? — Его тон резкий и удивляет меня.

— Моя кровь, которой я заляпала твой пол. Надеюсь, пятен не осталось.

— Нет. Все в порядке.

— О, хорошо. Я рада.

Снова тишина. Низкий гул мотора и свист проезжающих машин — вот и все, что слышно, пока Ривер везет нас на ферму «Чертополох».

— Не возражаешь, если я включу радио? — спрашиваю я.

— Валяй.

Потянувшись, нажимаю кнопку включения, пробуждая радио к жизни. «Last Christmas» группы Wham! наполняет салон машины, и Ривер стонет.

— Тебе не нравится эта песня? — интересуюсь я.

— А она кому-то нравится?

«Ну, мне». Но я держу крупицу информации при себе. Не нужно давать ему больше боеприпасов, чтобы использовать их против меня.

Я выбираю другую радиостанцию.

Играет «Fairytale of New York» The Pogues и Кирсти МакКолл.

— Эта песня мне нравится, — говорю я Риверу.

Знаю, всем нравится Мэрайя и другие оптимистичные рождественские песни, но для меня эта история тоски и меланхолии — лучшая. Не знаю, что это говорит обо мне. Наверное, ничего хорошего.

Нил всегда терпеть не мог эту песню.

Возможно, это одна из причин, почему я так ее люблю.

— Тебе нравится эта песня? — Он скептически смотрит на меня.

— Да. Почему ты так на меня смотришь?

— Как, например?

— Будто не веришь.

— Я просто удивлен. Это не самая популярная рождественская песня в США. И в ней есть несколько ругательств. Просто это на тебя не похоже. Я думал, ты больше похожа на девчонку «Все, что я хочу на Рождество — это ты» (Речь идет о песне в исполнении Мэрайи Кэри «All I Want for Christmas Is You» — прим.).

Ох.

— Откуда ты знаешь эту песню? — бросаю вызов.

— Ее любила моя бабушка, — тихо говорит он.

«Любила? Значит, его бабушки больше нет?»

— Ох. Ну, во-первых, вряд ли меня можно назвать девчонкой. А, во-вторых, ты не знаешь меня достаточно хорошо, чтобы делать подобные предположения. И, в-третьих, это определенно моя песня. — Грустная, как и я.

— Верно. Я тебя плохо знаю. Но знаю, что ты не ругаешься и жалуешься — очень громко, — когда ругаюсь я.

— Я ругаюсь. Просто не так, как ты. У тебя «х» через каждое слово.

— Не через каждое. По крайней мере, через каждое третье. И, да, я забыл, что ты действительно ругаешься. — Он насмешливо постукивает пальцами по лбу. — Как там было? Ах, да. «Ты, бл*ха-мухин ах-уехавший сын». — Он передразнивает мой голос — плохо, могу добавить. — Ты настоящая крутышка, Рыжая, — шутливо добавляет он.

Я отмахиваюсь от него.

Он прыскает от смеха.

Звук замечательный. Точно такой же я слышала прошлой ночью. Глубокий и хриплый. Но на этот раз я все вижу, и его лицо светится. Глаза сияют весельем.

Чувствую в груди тепло. Я словно только что выиграла какой-то особенный приз. Наверное, так и есть. Потому что я не могу представить, что можно легко добиться, чтобы Ривер рассмеялся.

«Но за два дня он дважды с тобой смеялся — ладно, над тобой».

И знаете, что? Я приму это.

— Ты идиотка.

— Это ты так говоришь.

На этот раз я не обижаюсь, потому что начинаю понимать, что, когда Ривер сыплет оскорблениями, может, это и не оскорбление вовсе.

— Значит, ты все-таки меня слышал.

Быстрый взгляд.

— Когда?

— Когда проехался по моим продуктам. Тогда-то я и прокричала «бл*ха-мухин ах-уехавший сын».

— Ах, да. Это.

— Да, это.

— Что же... полагаю... это был дерьмовый поступок.

«Дерьмовый поступок? Это еще мягко сказано».

— Это твоя версия извинения?

Он смотрит на меня, приподняв бровь.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Это лучшее, что ты получишь.

— Хм... пожалуй, я это приму. На данный момент.

— На данный момент?

Знаю, он на меня смотрит, но я не смотрю в ответ. Вместо этого откидываюсь на спинку сиденья, складываю руки на груди и говорю:

— Да. На данный момент.

Лицо у меня бесстрастное. Но внутри я улыбаюсь.

Пикировка с Ривером — это... весело. Самое веселое, что у меня было за целую вечность.

Ривер сворачивает на дорогу, ведущую к ферме «Чертополох». Он подъезжает к фермерскому магазину, и мое сердце подпрыгивает от радости.

Повсюду рождественские елки. И магазин увешан самыми удивительными украшениями. И еще там раскачиваются надувные Санта-Клаус и снеговик, а к саням, полных подарков, привязаны фигурки оленей.

Выглядит потрясающе. Бьюсь об заклад, ночью, когда все огни горят, вид еще лучше.

Жаль, что я не вижу его ночью.

Ривер уже вышел из грузовика. Я тоже спешу за ним. Он встречает меня с большой коробкой в руках, которую достал с заднего сиденья.

— Потрясающе, — говорю я с благоговением.

Он бросает на меня взгляд.

— Это магазин.

— Я имею в виду украшения и деревья. Держу пари, ночью, когда все освещено, выглядит очень красиво, — озвучиваю прежние мысли.

— Тебе нравятся все эти рождественские штуковины, да?

Пристально смотрю на него.

— А разве кому-то не нравится?

Он пожимает плечами и поудобнее берет коробку.

— Нужна помощь? — спрашиваю я.

Ривер бросает на меня удивленный взгляд.

— Ты забавная, Рыжая. Давай, пошли, покончим с этим.

Следую за ним в магазин, преодолевая несколько ступенек, а, когда замечаю невероятно красивые стеклянные елочные украшения, останавливаюсь у витрины.

— Вау... ты только посмотри. Они великолепны.

Украшения замысловатые, здесь есть маленькие Санты, пингвины, фигурки в виде кучки подарков, рождественские елки, снеговики и их подружки и даже миссис Клаус. Стеклянная звезда с серебристым орнаментом. Ангел из прозрачного стекла с золотым нимбом. Обычные стеклянные шары, наполненные белыми блестками, похожими на снежную бурю, маленькими белыми перышками, веточками рождественских елок, которые выглядят, как галактики, сверкающие всеми оттенками синего и пурпурного. И все это выполнено из стекла и расписано вручную. По крайней мере, так гласит вывеска в окне.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Здесь написано, что они сделаны местным художником. — Я постукиваю пальцем по стеклу. — Интересно, сколько они стоят? Я бы с удовольствием купила их для своей елки. Боже, посмотри на эту...

Я лгну к витрине. Стекланный поезд. Детали причудливые. Почему-то, от вида его у меня перехватывает дыхание. Похоже, на это маленькое, крошечное рождественское украшение ушло столько времени и сил. Художник должен действительно любить то, чем занимается, и иметь столько терпения, чтобы создать нечто столь прекрасное и нежное.

— Он прекрасен, — шепчу я. — Я бы с удовольствием купила его себе на елку.

— Они дорогие. Особенно этот поезд. И с такой скоростью ты не купишь дерево. К тому времени, как я оттащу тебя от витрины, их все разберут.

— Ой, ш-ш-ш, рождественский Гринч. — Я закатываю глаза. — А сколько они стоят?

— Поезд стоит пятьдесят долларов.

— Откуда ты знаешь?

— Так написано на ценнике. — Он кивает в сторону игрушки.

Следуя за его взглядом, замечаю на поезде маленький коричневый ценник. Я упустила его раньше. Он прав. Пятьдесят долларов.

Я не могу себе его позволить. Особенно как елочное украшение.

«Эх».

— Ладно, пойдем внутрь. — Я открываю ему дверь, потому что руки у него заняты, и пропускаю вперед, прежде чем последовать за ним.

Вижу стеллажи со свежими продуктами. Домашним вареньем. Соленьями.

В животе урчит.

Я прижимаю к нему руку. Я завтракала не так давно. Но ребенок ненасытный. Если так пойдет дальше, то до конца беременности я буду перекатываться по земле, как шарик.

Ривер подходит к прилавку, ставит на него коробку, и его приветствует женщина лет семидесяти.

— Ривер, всегда рада тебя видеть. Что у тебя для меня сегодня? — Она кивает на коробку.

Я тоже хочу знать. Но Ривер не отвечает на ее вопрос.

Я встаю рядом с ним. Женщина переводит взгляд на меня.

— Привет, — улыбаюсь я.

— Привет.

— Я Кэрри, соседка Ривера, — представляюсь, потому что он явно не собирается этого делать.

— Приятно познакомиться, Кэрри. Я Элли. Я владею этим прекрасным местом.

— Замечательный магазин, — говорю я. — Мне нравятся украшения, которые у вас на улице. И я просто не могла налюбоваться стеклянными елочными украшениями в витрине. Особенно поездом. Он прекрасен.

— Да, Ривер...

— Мы за рождественской елкой, — обрывает он ее. — Только не мне. Ей. — Он тычет в меня большим пальцем.

Я пристально смотрю на него. Он ведет себя странно. Ну, страннее, чем обычно. Улыбка трогает губы Элли. Почти понимающая улыбка.

— Какое дерево тебе нужно? — спрашивает она меня.

— А есть разновидности?

Она ласково мне улыбается.

— И довольно много.

— О, я не знала. Я никогда раньше не покупала рождественскую елку. — Чувствую себя немного жалко, делая это признание.

— Ривер знает разновидности деревьев. Они с мамой приходили каждое Рождество, чтобы выбрать одно из них. Мэри была такой красавицей. Могла бы стать моделью, ходить по подиуму, но потом она... ну, да, потом, когда Мэри не стало, он, конечно, приходил с бабушкой. Но после смерти Греты все прекратилось. Грета была для меня настоящей подругой. — Она печально вздыхает. — После того, как она умерла, Ривер перестал покупать елки. Может, тебе удастся уговорить его снова ее купить.

Думаю, вот ответ на мой вопрос о бабушке. Она умерла.

Но что случилось с его мамой?

Перевожу взгляд на Ривера, тот, застыв, стоит рядом со мной. Лицо превратилось в маску. Тело, как у статуи.

Меня переполняет беспокойство.

— Ривер, — тихо зову я.

— Ох, вы только посмотрите на меня, совсем заговорила. — Элли моргает, кажется, понимая, что, вероятно, сболтнула лишнего. — Старость берет надо мной верх. Ривер, как смотришь на то, чтобы мы с тобой рассортировали вещи, что ты мне принес, а я попрошу Мэйси помочь Кэрри выбрать рождественскую елку? Мэйси! — кричит Элли.

— Ривер. — Я касаюсь его руки.

Он моргает, глядит на меня сверху вниз, словно вспоминая, что я все еще здесь.

Лишь на краткий миг я вижу в его глазах уязвимость, а потом она исчезает. Его взгляд снова ничего не выражает.

— Ты звала меня, Элли? — пререзает тишину женский голос:

Мой взгляд следует на звук голоса к женщине, она выглядит примерно моего возраста, может, на несколько лет моложе. Очень хорошенькая. Длинные темные волосы собраны в один из тех беспорядочных пучков, которые я никогда не могла довести до совершенства. Большие карие глаза, обрамленные длинными черными ресницами, лицо в форме сердечка. В ней видна невинность, которая говорит мне, что в жизни она знала только хорошее.

Я завидую этому. Но рада за нее.

— Да. Можешь помочь подруге Ривера, Кэрри, выбрать рождественскую елку? — говорит ей Элли, когда Мэйси подходит к нам. — Она не знает, какая ей нужна, так что, если можешь, объясни ей, какие есть разновидности.

— Конечно, — говорит она. Ее взгляд скользит по мне и дальше, к Риверу. — Привет, Ривер, — произносит она таким тоном, каким могла бы говорить только сильно влюбленная женщина.

В этот момент я испытываю несколько чувств. И смятение определенно находится вверху списка.

Ривер, конечно, не обращает на нее внимания.

В этом я ей сочувствую. Но также приятно знать, что он игнорирует не только меня. Я уже стала удивляться, почему он так любезен с Элли. Ну, насколько может быть любезен Ривер.

Я сочувственно смотрю на Мэйси. Взглядом солидарности. Давая ей понять, что она не одинока в грубом и ворчливом обращении Ривера. Мы с тобой сестры.

Но... взгляд, который я получаю в ответ, отнюдь не сестринский.

Скорее раздраженный. И в нем заметно отвращение.

Ясно. Ну, ладно.

И все же, он ведет себя грубо, а это просто неприемлемо.

— Ривер, — я толкаю его в плечо, — Мэйси с тобой поздоровалась.

— Я слышал, — ворчит он.

— Ты не собираешься поздороваться в ответ?

Он скользит по мне взглядом. Выражение его лица кричит: «Ты, ёж твою мать, прикалываешься?» Хотя уверена, ни о каких ежах он не думает. Больше похоже на слово, начинающееся на «б», и заканчивающееся на «ь».

Я смотрю на него, отказываясь отвести взгляд.

— Это вежливый поступок, — мягко говорю я.

Он приподнимает бровь.

— Ты со мной общалась?

— Да, несколько раз, — сухо отвечаю я. — И хотя знаю, что ты грубый невежа, еще я знаю, что ты можешь быть милым, когда захочешь.

Знаю, слово «милый» его раздражает.

Он хмурится. Сужает глаза. И продолжает смотреть.

Поэтому я смотрю в ответ. Отказываюсь сдаваться. И улыбаюсь. Широко.

Это его раздражает. Я знаю это, потому что он щиплет себя за переносицу. Закрывает глаза. Сжимает челюсть. И тяжело выдыхает сквозь стиснутые зубы.

Он опускает руку. Пристально смотрит на меня.

— Привет, Мэйси, — цедит он.

И я улыбаюсь еще шире. Не потому что веду себя как задница. А потому, что горжусь собой. Я не отступила перед силой его взгляда, и, поверьте мне, у этого парня такой взгляд, который может заморозить тающие ледники в Антарктике.

Для меня это очень важно. Не отступать.

Несколько месяцев назад я бы не осмелилась разговаривать с другим человеком так, как только что разговаривала с Ривером.

И мне удалось заставить ворчливого медведя вроде Ривера быть милым с кем-то.

«Вперед, я».

Я похлопываю его по руке и поворачиваюсь к Элли, которая переводит взгляд с меня на Ривера, будто мы играем в теннис.

— Простите за это, Элли. Я вас оставлю, занимайтесь своими делами. — Я указываю на нераскрытую коробку, которая все еще стоит на прилавке, теперь Ривер держит на ней руку в защитном жесте. — Мы с Мэйси пойдем выбирать

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

елку. Кстати, Элли, у вас есть еще какие-нибудь елочные украшения, кроме тех, что на витрине? Мне они очень понравились, но они немного выходят за рамки моего бюджета.

В ее теплых глазах отражается улыбка.

— Есть немного вон там. — Она указывает в дальний угол магазина. — Я покажу их тебе, когда вернешься с елкой.

Напоследок улыбнувшись Элли, следую за Мэйси на улицу, оставляя Ривера стоять на своем месте.

И всю дорогу я чувствую на себе его взгляд.



Кэрри

— Ты ей нравишься, — говорю Риверу, когда он подъезжает к моему дому и глушит двигатель.

— Кому? — Не дожидаясь моего ответа, он вылезает из грузовика.

Я выбираюсь со своей стороны и встречаю его у кузова, который он открывает, чтобы вытащить мою елку и украшения.

Я приобрела несколько очень милых елочных украшений по отличной цене. Только не из стекла. Но все равно очень милых. И набор рождественских гирлянд со скидкой.

— Мэйси, — говорю я. Имя слегка застрекает в горле. Не знаю, почему.

Не потому что Ривер мне интересен. Конечно, я считаю Ривера красивым. Его тело завершенно, как и другие его части. Но в этом смысле он меня не интересует. У меня вообще нет никакого интереса к мужчинам. Я сосредоточена на ребенке и Бадди и создании для нас прекрасного дома и жизни. Ривер — просто друг. Если его вообще можно отнести к подобной категории. Полагаю, если его спросить, он скажет, что мы не друзья.

А Мэйси была не самой дружелюбной из девушек. Но, возможно, причина в том, что, увидев меня с Ривером, она неправильно все поняла. Наверное, немного приревновала. А Ривер не самый дружелюбный из парней. Они бы идеально подошли друг другу.

— Она меня не знает, — ворчит он, вытаскивая ель из кузова грузовика и закидывая его на свое массивное плечо.

Хватаю подставку и коробку с украшениями и быстро иду за ним к входной двери.

— Я не имею в виду, что ей нравится твой характер, — говорю, балансируя с коробкой в руке, удерживая подставку и доставая ключи из сумочки. Справляюсь кое-как и, отперев входную дверь, толкаю ее. Тут же появляется Бадди, прыгая от возбуждения, как всегда, когда я возвращаюсь домой. — Привет, Бадди. Через минуту у нас начнется суэта, так что поосторожнее, пока Ривер устанавливает елку, — говорю я Бадди, пока Ривер заносит дерево через дверь в гостиную.

— Ты же понимаешь, что этот пес ни хера не понял из того, что ты только что сказала.

Он назвал Бадди псом. Определенный прогресс после «шавки».

Я следую за Ривером, ставлю коробку и подставку на пол. Опускаюсь на колени, а Бадди взбирается на меня и начинает лизать лицо.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Нет, понял... ведь так, красавчик? — Я почесываю Бадди за ушками, зная, как ему это нравится.

Ривер прислоняет дерево к стене и смотрит на нас с Бадди. Он качает головой.

— Что?

— Охрененно странная, — говорит он.

— Ворчливый Гринч, — отвечаю я.

В его глазах вспыхивает веселье.

Мне очень нравится обмениваться с ним колкостями. Понятия не имею, что это говорит о наших отношениях. Не то чтобы у нас они были. Честно говоря, я не совсем понимаю, кто мы друг другу.

Потом вспоминаю, что говорила о Мэйси.

— Ах, да, как я и говорила. — Я опускаю Бадди на пол и встаю. — Мэйси... я не имела в виду, что ей нравится твой характер. Я имела в виду, что ей нравится это.

— Машу рукой вверх и вниз, указывая на его тело и лицо.

— Ого, Рыжая. Оскорбление и комплимент одновременно. Я впечатлен. А ты видишь, что елка оказалась охереть какой большой для этой гостиной?

Я останавливаюсь и смотрю на прислоненное к стене дерево. Верхушка согнулась под потолком. Хм... теперь, когда оно здесь, выглядит довольно большим. Возможно, я немного увлеклась, когда выбирала. Может, переоценила высоту потолка.

— Да, — Я вздыхаю. — Но это всего на несколько недель.

— Конечно, несколько недель, когда ты не сможешь сидеть в гостиной, потому что твоя охеренно большая рождественская елка ее захватит.

— Не драматизируй. Я могу обрезать верхушку, чтобы она не сгибалась под потолком.

Он издает смешок.

— Верхушка — не проблема, Рыжая. Проблема возникнет, когда я срежу с дерева веревку, и оно раскинется по гостиной.

«Ох».

— Серьезно?

— Да. Серьезно.

Я смотрю на елку, перемотанную веревкой и стянутую сеткой.

«Видимо, он прав».

— Блин, — бормочу я.

— Думаю, ты имеешь в виду, «бл*дь».

— Нет, я определенно имела в виду «блин». — Прижав палец к губам, размышляю. Но ничего не приходит на ум. — Как думаешь, что мне делать?

— Откуда, мать твою, мне знать?

— Но ведь у тебя раньше были рождественские елки.

Он замолкает и смотрит на меня.

— Почему у тебя никогда раньше не было елки, если ты любишь Рождество так, как говоришь?

«Ах».

- Ну... я не говорила, что у меня ее никогда не было. Просто я... — прикусываю губу, — никогда раньше не принимала участия в покупке или установке. Он долго смотрит на меня. Я переплетаю пальцы, складывая руки перед собой.
- Обрезать. Или выбросить.
- Я не собираюсь ее выбрасывать! — в ужасе говорю я.
- Тогда, судя по всему, ты ее обрежешь.
- Ага, — я вздыхаю.
- Хочешь, я перережу веревку? — спрашивает он. — Посмотрим, с чем придется иметь дело.
- Наверное, так будет лучше. Если это сделаю я, то могу остаться погребенной под ним.
- Он смотрит на меня, потом на дерево.
- Точно. Передай мне подставку.
- Я протягиваю ее ему и наблюдаю, как Ривер вставляет основание дерева в подставку, закрепляя его. Затем отодвигает кофейный столик, так что он упирается в диван, отчего Бадди, который в данный момент находится на диване, оказывается в ловушке.
- Я подхожу к Бадди и беру его на руки, чтобы он не мешался.
- Ривер достает из кармана джинсов швейцарский армейский нож. Щелкает кнопкой и начинает резать веревку.
- Я отступаю назад, когда ветви распрямляются, потому что... адские колокола. Елка огромная. Она закрывает половину дивана и журнального столика. Нависает над телевизором. Занимает практически половину комнаты.
- «Вот... блин».
- Что ж... это... — Я беспомощно жестикулирую.
- Слова, которые ты подыскиваешь, — охеренно нелепо. На самом деле, она напоминает мне тебя.
- Нелепостью? — Я хмурюсь.
- Напористостью и надоедливостью. — Ривер бросает на меня взгляд.
- Все еще хмурясь, прижимаю Бадди к груди.
- Я не напористая и не надоедливая. — Я наименее настырная из всех, кого знаю.
- «Ты нравишься Мэйси», — он снова плохо передразнивает мой голос.
- Ты понимаешь, что я говорю совсем не так?
- Плаксиво и раздражающе?
- Да.
- Это ты так думаешь, Рыжая.
- Придурок. И я просто хотела сказать, что ты нравишься Мэйси. Знаешь, пытаюсь быть милой. Тебе стоит как-нибудь попробовать.
- Новость дня: я не милый. И не хочу быть милым. Некоторым нравится быть мудаками. Я один из них.
- По-моему, кто-то слишком много отпирается от очевидного. — Постукиваю указательным пальцем по подбородку. — Ты милый, Ривер. Смирись с этим. Он складывает нож и убирает его обратно в карман.
- Ладно, объясни, какой я милый.

Я немного запинаясь.

— Ну... иногда ты бываешь добр ко мне.

— Нет. Иногда я терплю тебя.

Я смеюсь.

— Ты повез меня за елкой. Это было очень мило.

— Нет, не было. Я все равно туда собирался. Просто взял тебя с собой, потому что ты беременна, и независимо от того, мурак я или нет, моя бабушка поднимется из могилы, придет и надерет мне задницу за то, что я оставил беременную женщину тащить рождественскую елку.

— Вполне справедливо. И... я сочувствую по поводу твоей бабушки.

— Она была стара. — Он пожимает плечами. — И это случилось много лет назад.

— Мне все равно жаль.

Хочу спросить о его маме, но не знаю, как. Поэтому возвращаюсь к нашему разговору.

— В магазине ты был добр к Элли.

— Я был почтителен. Меня учили уважать старших.

Его бабушка.

— Уважение. Ясно. — Я киваю. — Ты был мил с Мэйси... ну, после моей подсказки.

— Подсказки? Больше похоже на принуждение. И если ты считаешь, что это я вел себя хорошо, то тебе нужно проверить голову.

Я широко улыбаюсь.

— Может, и нужно.

— Тут нет других вариантов. А теперь, может, хватит страдать херней? Мы попусту тратим время, и это меня раздражает.

— Тебе куда нужно?

— Нет.

Я наклоняю голову в сторону, мне приходит мысль.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь?

— То тем, то сем.

— Звучит неопределенно.

— Так и есть.

— Я работаю в закусочной.

Он смотрит на меня так, будто я распушилась, как рождественская елка.

— Э-э, я знаю. Потому что ты уже, бл*дь, мне говорила.

— Я официантка.

— Ого. Да что ты? Я потрясен.

— Я могла бы работать поваром, — говорю я ему.

— Нет, не могла, потому что повар — Гай, и он все еще там работает. Кроме повара и официантки, в закусочной нет другой работы. Итак, давай перейдем к сути нашего разговора.

— Ну, — я пожимаю плечами, — я просто подумала, если расскажу тебе о своей работе, ты, возможно, расскажешь мне о своей.

— Ты ошиблась.

- Почему?
 - Потому что это не твое дело.
 - Ты грубишь, Ривер.
 - Если верить тебе, раньше я был милым.
 - Да, был. А теперь грубишь.
 - Я грубый. Злой. И мудака.
 - С этим я спорить не буду.
 - Хорошо. Так что прекращай спорить немедленно и тащи, бл*дь, садовые ножницы, чтобы я мог подстричь твое чертово дерево.
 - Откуда ты знаешь, что у меня есть садовые ножницы?
 - Потому что видел тебя в саду, когда ты подстригала свои кусты.
- Из меня вырывается смешок.
- Ты ведь понимаешь, как это прозвучало?
- Он бросает на меня невинный взгляд.
- Понятия не имею, о чем ты.
 - Конечно, не имеешь. — Я закатываю глаза. — А ты понимаешь, что, предлагая подстричь мое дерево...
- Я фыркаю, а потом зажимаю рот рукой, и он смеется.
- У тебя грязные мысли, Рыжая. — Он медленно качает головой, выдерживая мой взгляд. — И ты только что фыркнула?
 - Ты тоже засмеялся.
 - Но я не фыркал. — Его глаза темнеют от какого-то непонятного чувства. — И я никогда не утверждал, что мои мысли чистые.
- «Ох... адские колокола и рождественские бубенцы».
- Что-то сжимается у меня в животе, вызывая между ног боль. Стиснув бедра, прикусываю щеку изнутри.
- Ты снова милый, — говорю я уже тише.
 - Нет. Я предлагаю подрезать дерево, потому что ты вдвое меньше него и беременна; следовательно, ты не будешь лазить по лестницам.
- Я делаю глубокий вдох.
- Да, ты прав. Это не мило. Это называется быть добрым и заботливым.
 - Твою ж мать, — стонет он.
 - А я, между прочим, не такая и маленькая.
- Его брови вопросительно поднимаются.
- Ты можешь достать до верхушки дерева?
 - Ну... нет.
 - Неси еб*ные ножницы, Рыжая.
- «Ох».
- Ладно.
- Я иду за садовыми ножницами, достаю их из шкафчика под раковиной, где держу садовый инвентарь, и отдаю их Риверу.
- Хочешь что-нибудь выпить? — спрашиваю, передавая ножницы.
 - Кофе. Черный.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Как твое сердце, — язвительно замечаю я и тут же об этом жалею. — Ох. Извини, это было грубо.

Особенно после того, как он свозил меня за елкой, а теперь помогает с ним.

Он останавливается и смотрит на меня.

— Не извиняйся. Я говорил тебе вещи и похуже.

«Разве? Он говорил всякие резкости, но ничего столь ужасного».

Отвернувшись, направляюсь обратно на кухню, но меня гложет чувство вины. Я останавливаюсь в дверях и оглядываюсь на него через плечо.

— Ривер...

Он на меня не смотрит, но я знаю, что он слушает.

— Я не считаю, что у тебя черное сердце.

Ответа нет.

— Ривер...

— Я слышал тебя, Рыжая. Ты не считаешь, что у меня черное сердце.

— Нет, я не об этом, — поворачиваюсь к нему лицом. — Я хотела тебя кое о чем спросить.

— Я должен отвечать?

— Только если хочешь.

— Вообще-то, не хочу.

— Ладно.

— Да твою ж мать. — Он вздыхает и поворачивается ко мне. — Что?

Теперь я чувствую себя немного глупо. Но я начала это, так что должна продолжить. Я потираю руки.

— Ну, мне просто интересно... мы... друзья?

— Подожди. — Он поднимает руку. — Неужели я только что бросил вызов законам времени и вернулся в начальную школу?

— Смешно.

— Знаю. И, нет, Рыжая, мы не друзья.

— О. Ясно. — Мое сердце замирает. Я прикусываю нижнюю губу, чтобы сдержать дрожь.

Он снова вздыхает.

— Я не заводжу друзей, Кэрри. — Теперь его голос звучит тише. — Но если бы заводил, то ты была бы самым близким мне человеком.

— О, — снова говорю я, оживляясь. Теперь я сдерживаю улыбку. Потому что для Ривера, я бы сказала, это то же самое, как признать то, что мы друзья.

Отправившись на кухню, ставлю чайник. В ожидании того, что он закипит, выпускаю Бадди наружу отлить и наблюдаю за ним с террасы.

Когда чайник закипает, зову Бадди, и тот забегает в гостиную. Завариваю кофе для Ривера, а себе чай, и несу все обратно.

Ставлю кружки на кофейный столик — ту часть, которую не закрывают елочные ветки.

Усаживаюсь на пол, Бадди располагается у моих ног, и начинаю разворачивать бумагу и защитную пузырчатую пленку, доставая игрушки. Затем вынимаю из коробки гирлянду, распутываю ее, готовясь повесить.

Потом Ривер заканчивает подстригать елку. Я помогаю ему собрать обрезанные ветки и отнести их на улицу в мусорный бак.

Мы возвращаемся. Он берет кофе и осушает кружку. Поставив ее обратно, направляется в сторону двери.

Похоже, Ривер уходит.

Я следую за ним.

— Спасибо за все, — говорю я. — Я очень ценю это. Я перед тобой в большом долгу.

— Ты мне ничего не должна, Рыжая. — И он уходит, направляясь к своему дому.

— Пока, — кричу ему вслед.

Единственный ответ, что я получаю, — это поднятая рука.

По сути, это прогресс. Обычно он просто полностью меня игнорировал.

Закрыв дверь, возвращаюсь в гостиную. Наклоняюсь, чтобы поднять гирлянды, оставленные рядом с коробкой, когда что-то внутри привлекает мое внимание. Что-то, чего раньше там не было.

Стеклянный поезд.

Я опускаюсь на колени рядом с коробкой. Засунув руку внутрь, осторожно вытаскиваю его. Он такой красивый. Даже лучше, чем я предполагала.

Перевожу взгляд на входную дверь, через которую только что вышел Ривер.

«Неужели он...»

Конечно, нет...»

Но раньше поезда здесь не было.

Я знаю, что не было. Я сама разворачивала все игрушки.

И определенно его не покупала. И он никак не мог попасть туда случайно.

Аккуратно кладу поезд обратно в коробку и встаю.

— Бадди, вернись через минуту. — Глажу его по голове, затем выхожу из дома.

Быстрым шагом приближаюсь к дому Ривера и звоню.

Через несколько секунд он распахивает дверь. Замечаю, что он даже не успел снять ботинки.

В этот момент меня что-то застает врасплох. Я не совсем понимаю, что. Может, его любезность. Или доброе сердце, которое он скрывает. Что бы это ни было, оно лишает меня дара речи.

— Кэрри, что случилось? С ребенком все в порядке? — Встревоженный взгляд скользит по моему животу и обратно к лицу.

— С ребенком все в порядке, — успокаиваю я его. — Просто... поезд... из магазина... тот, что мне понравился. Он в коробке с другими украшениями, а раньше его там не было.

Его лицо остается бесстрастным.

— Ты уверена, что раньше его там не было?

— Да. Я развернула каждую игрушку, и его определенно там не было.

— Может, ты его проглядела.

— Даже если и так, я его не покупала. И невозможно, что он попал туда случайно.

Если только он не ожил и прочу-чухал прямо в мою коробку.

— Прочу-чухал? — эхом отзывается он.

Я вижу, как он борется с улыбкой.

Свирепо смотрю на него.

— Да. Прочу-чухал.

— Ты же понимаешь, что шесть — это твой размер обуви, а не твой возраст.

— Блин-ха-ха.

Кроме того, Ривер запомнил мой размер обуви. Это меня удивляет. Не думала, что он захочет запомнить такие мелкие подробности обо мне.

— Может, его тебе положила Элли, — говорит он.

— Зачем ей это?

— Потому что она хороший человек. И ты купила у нее елку и кучу елочных украшений. Может, это подарок.

Теперь моя очередь приподнять бровь.

— Подарок за пятьдесят долларов?

Он складывает руки на груди и пожимает широкими плечами.

— Она щедрая женщина.

Я, как и он, скрещиваю руки на груди.

— Даже если это был подарок... было бы странно, что из всех украшений в витрине для подарка она выбрала именно тот, что понравился мне больше всего,

— и ничего мне не сказала. Это было бы чертовски странное совпадение, не так ли?

Он поджимает губы.

— Конечно. Но совпадения случаются каждый день.

— Да... ты прав. Наверное, мне следует позвонить Элли и спросить у нее, а заодно поблагодарить.

— Я бы не звонил.

— Почему? — Я борюсь с улыбкой.

Он пожимает плечами.

— Ну, это может ее смутить.

— Почему?

— Потому что она сделала тебе подарок и явно не хотела, чтобы ты знала, что он от нее.

— Угу. — Киваю я. — Но это еще и дорогой подарок. И я не считаю правильным принимать его.

Он вздыхает.

— Рыжая, это просто гребаная украшение.

— Ривер... это ты купил мне украшение?

— Нет, но если бы и купил, и ты была бы моим почти другом, то я бы ожидал, что ты примешь это бл*дское украшение и не будешь стоять тут, канюча по поводу него.

— Я не канючу.

Тишина.

— Ривер.

— Что?

— Спасибо. За поезд. Он прекрасен.

Он хмыкает, и я сдерживаю улыбку.

Отступаю от двери.

— Итак, завтра вечером на озере состоится рождественский парад лодок. Ты идешь?

— Нет. Я бы предпочел, чтобы мне плоскогубцами выдрали зубы, чем идти на эту фантастическую трату времени и денег.

— Я пойду с Сэди и Гаем. Знаешь, моим боссом и коллегой из закуской.

— Должно быть, весело. — Его голос такой же сухой, как воздух.

— Ты должен пойти с нами.

— Зубы. Плоскогубцы.

— Великолпно. Тогда увидимся завтра вечером. Встретимся там.

— Ты что, оглохла? Или действительно так глупа, как я о тебе думаю?

— Неа, — я улыбаюсь во все зубы. — Просто решила тебя игнорировать... знаешь, как ты меня. — Я разворачиваюсь и начинаю уходить. — Начало в семь тридцать,

— бросаю я через плечо.

— Я не пойду, — кричит он.

— Семь тридцать, Ривер, — повторяю я. — Не опаздывай.

— Господи Иисусе, мать твою. Охеренно надоедливая женщина! — слышу за спиной его ворчание, а затем входная дверь захлопывается.

Моя улыбка каким-то образом становится еще шире, и я хожу с ней всю дорогу до дома и до конца дня.



Кэрри

Я как раз возвращаюсь из общественного туалета — потому что беременность требует частых походов в уборную, — когда замечаю Ривера, слоняющегося возле небольшой рожицы.

Он пришел.

Внутри меня все загорается.

Меняю направление и подхожу к нему. Будто почувствовав, его взгляд обращается ко мне, и он наблюдает за моим приближением.

Он в шапочке, прикрывающей волосы. Черном вязаном свитере, выцветших черных джинсах и ботинках. Сегодня вечером в воздухе ощущается легкий холодок. Вот почему на мне вязаная шапка, пальто, джинсы и ботинки.

Я останавливаюсь перед ним.

— Ты пришел, — я улыбаюсь.

— Да. Ну, у меня ведь не было выбора, не так ли?

Выбор был. Он мог просто не прийти. Но я ему на это не указываю. Потому что счастлива от его присутствия.

Он пришел, потому что не хотел меня подводить.

И от этого я испытываю еще большее счастье, которое не могу сейчас объяснить.

— Но ты пропустил парад, — говорю, засовывая руки в карманы куртки.

— Жалость-то какая.

— Полагаю, ты это специально?

Он смотрит на меня веселыми глазами.

— Предположение верное.

Я тихо смеюсь.

— На самом деле парад был очень хорош.

— Теперь ты врешь.

— Не-а. Я бы никогда не стала лгать о чем-то столь важном, как рождественский парад лодок.

Он усмехается.

— Рыжая, ты идиотка.

— Да, знаю. — Я легонько толкаю его локтем. — Эй, почему бы тебе не пойти и не поздороваться с Сэди и Гаем? Они сидят на берегу озера. Вы ведь с Гаем ходили в одну школу, верно?

— Да. Но я бы... не хотел туда идти.

— Ох. Ладно. Что ж, можем немного позависать здесь. Или прогуляться? Все, что захочешь.

— Прогулка — это хорошо.

Сегодня его глаза выглядят по-другому. В них заметно беспокойство, которое я видела только раз — вчера, когда он подошел поговорить со мной.

Тогда он был не в своей тарелке. Сейчас ему тоже не по себе.

— Супер. Только давай я сбегаяю и скажу Сэди, куда иду.

Отойдя от Ривера, быстро возвращаюсь к месту, где, потягивая теплый сидр, сидят Сэди и Гай.

— Привет. — Постукиваю по спинкам их стульев, привлекая внимание. — Хочу прогуляться с Ривером.

— Ривером? — переспрашивает Гай.

— Да. Ривером.

— Ривером Уйлдом? — Гай вытягивает шею, осматриваясь. — Он здесь?

— Так я и сказала. И перестань на него пялиться. — Я сдвигаюсь, закрывая ему обзор.

— Просто поверить не могу, что он здесь. Никогда не видел его ни на одном городском мероприятии или... ну, или вообще где-то. Он не особенно славится своей общительностью.

— Все меняется. Короче, я подошла только сообщить, куда направляюсь, на случай, если вам интересно.

— Я рада, что он пришел, — Сэди улыбается мне.

Я рассказала ей, что пригласила его. В тот момент она казалась довольной.

— Ты его пригласила? — Гай бросает на меня странный взгляд.

— Да, — произношу медленно, чтобы меня не поняли неправильно.

— Не могу поверить, что ты пригласила городского чудика на рождественский парад вместе с нами.

Гай заливается смехом, и мне это не нравится.

Он ведет себя как козел.

— Не вижу здесь ничего особенного. И Ривер не чудик. — «Ворчливый, честный до безобразия, немного придурок, но не чудик».

— Ну, он не совсем нормальный.

— А что значит «нормальный»? — выпаливаю в ответ.

— Точно не он. Я знал, что вы соседи, но не думал, что друзья. А ты, Сэди? — Он бросает на нее обвиняющий взгляд.

— Не вижу здесь проблемы. Что с того, что я с ним дружу?

— Потому что он опасен! — восклицает Гай.

— Он не опасен, — смеется Сэди.

— Можешь смеяться, но откуда ты знаешь? Сумасшествие может передаваться генетически.

— Прекрати нести чушь, Гай, — говорит ему Сэди.

— Не могли бы вы объяснить, о чем говорите? — спрашиваю их обоих.

Гай пронзает меня понимающим взглядом.

— Я говорю о том, что мама Ривера убила полицейского. Застрелила его. — Он прикладывает два пальца к груди и большим пальцем изображает нажатие на курок.

«Мама Ривера убила полицейского».

— Гай! — отчитывает Сэди. — Тебе действительно нужно перестать сплетничать о людях.

«Мама Ривера убила полицейского».

— Если это реальные новости, тогда это не сплетни, — говорит Гай Сэди. Он снова смотрит на меня, и в его глазах появляется блеск. — Все знают, что мать Ривера убила своего мужа-полицейского, отчима Ривера. Застрелила его на кухне, а Ривер при этом присутствовал.

«Ривер был там?»

— Сколько лет было Риверу, когда это случилось? — нахожу в себе силы спросить. Гай задумчиво смотрит вверх.

— Кажется, восемь или девять.

«Иисусе. Он был еще совсем маленьким».

— А что случилось с его мамой? — Мне неловко спрашивать об этом, пока Ривер стоит и ждет меня. Но я также чувствую себя обязанной знать.

— Обвинена в убийстве первой степени и приговорена к пожизненному заключению. Она пыталась сказать, что это была самооборона, но, очевидно, это была полная чушь. Парень был безоружен, а она выстрелила в него из его же пистолета — огнестрельного оружия, выданного полицией. А на ней самой не было ни царапины.

— Она все еще в тюрьме? — У меня внутри все дрожит, и я не совсем понимаю, почему.

— Нет. — Он отрицательно качает головой. — В тюрьге ее посадили на перо.

— На что?

— Господи, Гай, тебе действительно нужно перестать смотреть эти чертовы тюремные шоу, — говорит ему Сэди. — Маму Ривера убила другая заключенная, — поясняет она.

— Ох. Ясно.

Ее убили. В тюрьме.

«Бедный Ривер».

Понимаю, его мама убила кого-то — его отчима, — но она все равно была его матерью, и он потерял ее при таких ужасных обстоятельствах. Ее и своего отчима. И я просто не могу поверить, что отчим Ривера был полицейским — что нас связывает подобный факт. Не то чтобы это было странно. Много кто работает полицейскими. Мой муж один из них. Отчим Ривера тоже. Но совпадение кажется слишком явным.

Не то чтобы я убила Нила. Но временами мне этого хотелось.

Боже, сколько раз я представляла, как делаю это. Но так и не сделала.

Интересно, что заставило его маму так поступить со своим мужем? Что заставило ее убить его?

Или, может, ею вообще ничто не двигало, кроме того, что она была просто плохим человеком. Таких в мире полно.

Представить не могу, что Ривер пережил в таком юном возрасте.

Неудивительно, что он так защищается.

Чувствую в сердце боль. За него, за страдания, через которые он, должно быть, прошел в детстве.

Я стою, не совсем уверенная, что делать с таким объемом информации. Я же не могу пойти к нему и притвориться, что ничего не знаю.

Да, именно это я и сделаю.

Если бы он хотел, чтобы я знала, он бы мне рассказал.

А он имеет право хранить свои секреты. Видит бог, у меня они тоже есть.

Будь я на его месте, то не хотела бы, чтобы он копался в моем прошлом.

Определенно не хотела бы.

Нет, я буду держать мысли при себе и просто продолжу вести себя, как раньше.

Словно ничего не знаю о его матери или отчине.

— Ладно... — Я делаю шаг назад. — Ну, я ненадолго.

— Не торопись, — говорит Сэди.

— Только будь осторожна, — говорит Гай. — Помни, в его жилах течет кровь убийцы. Так что, если он достанет пистолет, беги со всех ног.

— Не смешно, Гай. — Сэди разочарованно качает головой.

— Что? Я просто пошутил! — восклицает Гай.

— Это самая несмешная шутка, которую я когда-либо слышала, — тихо говорю, прежде чем повернуться и отправиться обратно к Риверу, который стоит на том же месте, где я его оставила.

Мне как-то не по себе, что я уговорила его прийти сегодня.

Я думала, будет весело.

Но, похоже, он предпочел бы быть где угодно, только не здесь.

— Готов? — спрашиваю, подходя к нему.

Мы прогуливаемся на небольшом расстоянии от людской суеты. Замечаю, что Ривер держится слева от меня, частично скрываясь от толпы. Он ссутулился. Словно пытается выглядеть меньше, что невозможно, потому что парень он огромный.

Я засовываю руки в карманы и отпинаваю в сторону небольшой камешек.

— Ребенок сейчас с оливку, — говорю я, показывая размер большим и указательным пальцами. Не то, чтобы он спрашивал или проявлял какой-то интерес к развитию ребенка, я просто хочу сказать что угодно и заставить его говорить. — И весит около трех граммов. Я отслеживаю это на сайте, где рост ребенка сравнивают с фруктами.

— Фруктами?

— Ага.

— И сейчас ты беременна оливкой.

— Маленькой оливкой.

— Оливки противные.

— Знаю, да? — я усмехаюсь, и он тоже.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

- Итак, какого размера будет ребенок-фрукт на следующей неделе?
- С инжир.
- Тоже гадость.
- Точно, — я снова смеюсь.
- Так когда же ребенок станет размером с достойный фрукт?
- Хм... ну, недель через пятнадцать он будет размером с яблоко.
- Против яблок я ничего не имею. Правда, в виде сока они вкуснее.
- И снова в точку.
- Мы что, в самом деле разговариваем сейчас о гребаных фруктах?
- Ага, — хихикаю я.
- Ты такая странная.
- Эй! Ты тоже говорил о фруктах.
- Потакаю тебе, Рыжая. Я просто потакаю тебе.
- Конечно. — Я закатываю глаза.

От этого разговора о фруктах чувствую, что хочу есть, а еще от запаха корн-догов, продающихся поблизости. Не то чтобы сейчас мне много требуется, чтобы испытывать голод.

Меня понемногу начинает сносить в сторону людей и продавца корн-догов.

- Ты голоден? — спрашиваю я. — Потому что сейчас я очень настроена на корн-дог. Утощаю, за то, что притащила тебя сюда.

Он бросает на меня взгляд.

- Ты не будешь покупать мне корн-дог, Рыжая. Я сам куплю.
- Уверен?

Еще один взгляд.

- Абсолютно. Жди здесь, вернусь через минуту.

Наблюдаю, как он, опустив плечи и голову, идет к продавцу, избегая зрительного контакта с кем-либо.

Отойдя немного назад, упираюсь задом в большой камень, чуть на него присаживаясь.

Не проходит и минуты, как ко мне подходит какой-то парень. У него короткие песочно-светлые волосы и коренастая фигура; я бы сказала, он ростом около шести футов и по-мальчишески красив.

Он останавливается передо мной с улыбкой, демонстрируя сверкающие белые зубы.

- Привет. Ты ведь работаешь в закуской, да?
- Да.

- Меня зовут Брэд. — Он протягивает мне руку.

Я принимаю ее и пожимаю. Кожа его ладони мягкая. Будто его руки никогда не видели тяжелой работы.

- Кэрри. — Я отдергиваю руку.
- Значит, ты в городе недавно?
- Да.

- У нас здесь много туристов, но мало новых жителей. Что привело тебя в Каньон Лейк? — Он наклоняется, чтобы опереться о камень рядом со мной.

Меня пронизывает дискомфорт. Я немного приподнимаюсь. Что-то в этом парне мне не нравится. Теперь я прислушиваюсь к своей интуиции. Она, как правило, оказывается права.

— Захотелось сменить обстановку. — Я пожимаю плечами.

Он смеется.

— Ты не слишком разговорчивая, да?

Я смотрю на него. У него зеленые глаза. Цвет приятный, но взгляд не добрый.

Я снова пожимаю плечами.

Он снова смеется.

— Тебе понравился парад? — спрашивает он.

— Да. Никогда раньше не видела рождественского парада лодок. Было весело.

— Ты здесь одна? — спрашивает он, и мне не нравится этот вопрос.

— Я пришла с друзьями, — отвечаю твердо.

В разговоре наступает затишье, и мне очень хочется, чтобы он ушел. Но он этого не делает.

— Слушай... — Он почесывает подбородок. — Я видел тебя пару раз в городе и хотел поговорить. Кэрри, как по мне, так ты просто сногшибательная, и я подумал, не хочешь ли ты как-нибудь встретиться со мной.

«Ох».

Его прямой подход на мгновение сбивает с толку. Собираюсь отказаться от его предложения, но у меня нет шанса.

— Нет, она ни хрена не хочет с тобой встречаться.

Моя голова поворачивается на голос Ривера, лицо, как грозовая туча, корн-догов нет и в помине. В глазах пылают огонь и ярость, и у меня складывается отчетливое впечатление, что Ривер не любит Брэда.

Брэд встает и смотрит на Ривера. Он издает смешок, и это не очень приятный звук.

— Ну-ну, посмотрите-ка, сюрприз века. Какого хрена ты здесь делаешь? Я думал, ты не покидаешь мавзолей, который называешь домом.

И, похоже, чувство неприязни взаимно.

— Пошли, отведу тебя к друзьям, — говорит мне Ривер, не обращая внимания на Брэда.

— Кэрри не хочет никуда идти. Да, Кэрри? До твоего появления мы мило беседовали.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но Ривер опережает меня.

— Нет, ты к ней клеился, как ко всем, в ком бьется пульс. Пошли, Рыжая.

— Рыжая? Погоди-ка. Это становится интересным. Ты действительно дружишь с этим лохом скорострелом? — говорит Брэд, подергивая губами.

— А ты все еще записываешь на видео людей без их ведома, когда они занимаются сексом? — выпаливает в ответ Ривер.

«Что?»

Брэд смеется.

— Ты никогда не понимал шуток.

— Единственная шутка здесь — это ты.

— Ну, теперь это просто невежливо. И я считаю, будет справедливо, чтобы милая Кэрри узнала, с кем проводит время.

— Заткнись на х-й, Брэд, — рявкает Ривер.

И от этого Брэд улыбается еще шире. Глаза сияют злобным блеском.

Если не ошибаюсь, я уже предполагаю, что скажет Брэд.

Я двигаюсь и встаю рядом с Ривером.

— Я уже знаю, с кем провожу время, — говорю Брэду.

— Не уверен, сладкая. Знаешь, помимо его неспособности достаточно долго удовлетворять женщину, в нем течет дурная кровь. Его мать хладнокровно убила полицейского? Застрелила хорошего человека на кухне, пока он стоял и смотрел, как она это делает.

Ривер замирает рядом со мной.

— Не думаю, что это мое или твое дело. — Одному богу известно, как мне удастся сохранять спокойный голос.

— Вот тут ты ошибаешься, сладкая, потому что человек, которого убила его мать, был моим дядей. Честный, хороший, законопослушный гражданин, который заслуживал лучшего, чем быть застреленным какой-то дешевой потаскухой, которая обманом заставила его жениться на себе и усыновить ее еб-нутаго ребенка.

Чувствую, как Ривер практически вибрирует от ярости.

Брэд ухмыляется, довольный только что сброшенной бомбой.

— Ты закончил? — тихо говорю Брэду.

— Я еще даже не начинал, сладкая.

Ривер так резко поворачивается, что его рука врезается в мою.

— Ривер! — окликаю я его, глядя, как он удаляется от нас, направляясь к зарослям деревьев, которые ведут в лес за нашими домами.

С нескрываемым отвращением оборачиваюсь на Брэда.

Он пристально смотрит на меня.

— Ты дура, если проводишь с ним время, — говорит он с отвращением. — Скоро он сорвется, как и его мать, и тот, кто окажется на его пути, кончит так же, как мой дядя.

— Ты сам не знаешь, о чем говоришь.

— Вот тут ты ошибаешься.

Но я уже разворачиваюсь и отправляюсь вслед за Ривером.

И это он ошибается. Ривер — не зло.

Я знаю зло, и его в нем нет. Он просто человек, который слишком много повидал на своем веку и который по-прежнему носит всю боль и страдания в себе.

Ривер мог бы легко ударить Брэда, но он этого не сделал.

Он ушел.

— Ривер! — кричу я, бросаюсь за ним.

Этот человек двигается стремительно. Наконец, я догоняю его за первым рядом деревьев.

— Ривер, можешь подождать? — пыхчу и задыхаюсь я.

Он останавливается и поворачивается ко мне. Его лицо превратилось в маску гнева и стыда.

Мне ненавистно, что он так себя чувствует. Ему нечего стыдиться.

— Ривер... то, что сказал Брэд, не важно.

Его губы презрительно кривятся.

— Конечно, это охрененно важно! Что, черт возьми, с тобой не так? Подожди... ты уже знала о моей маме? — Обвиняющие, защищающиеся глаза смотрят на меня.

«Дерьмо».

Я сглатываю, чувствуя, что сделала что-то не так.

— Да, — признаюсь я. — Но я узнала об этом только сегодня. Перед нашей прогулкой. Гай мне рассказал.

— Конечно же, рассказал. — Он издает глухой смешок.

— Ривер, твоё прошлое — это твоё прошлое. Это не моё дело.

— Ты даже не знаешь, о чём говоришь, — произносит он, словно даже не слушает меня. Он смотрит в землю. — Никто из вас не знает.

— Ривер...

— Я, мать твою, знал, что не должен был приходить сегодня. — Его широко раскрытые и яростные глаза устремляются на меня. — Я знал, что произойдет нечто подобное. Ты не должна была настаивать на том, чтобы я пришел сегодня, а я не должен был тебе этого позволять.

— Прости, — говорю, чувствуя себя беспомощной.

— Если бы ты не заговорила с Брэдом, мне не пришлось бы расклеивать его дерьмо. Вот почему я держусь подальше от людей, Рыжая. Чтобы избежать подобного дерьма!

— Я... я... — Я развожу руками. — Брэд подошел ко мне. Что ты хочешь, чтобы я сделала? Проигнорировала его?

Его взгляд непоколебим.

— Да.

«— Почему ты разговаривала с ним, Энни?»

— О-он заговорил со мной. Я не знала, что делать. Я не хотела быть грубой.

Он схватил меня за подбородок, впиваясь яростным взглядом. Меня начало трясти.

— Ты же знаешь, что тебе нельзя разговаривать с другими мужчинами.

— Я-я знаю. П-прости.

— О чём ты с ним говорила, Энни? Рассказывала, какой я плохой муж? Как ты хочешь от меня уйти?

— Н-нет! Я ничего о тебе не говорила, Нил, клянусь.

— Лгунья. — Мне в лицо полетела слюна. Другой рукой он схватил меня за волосы, сильно дернул, отчего глаза заслезилась. — Ты договаривалась с ним о встрече, да? Хочешь с ним потрахаться, да?

— Н-нет. П-пожалуйста, Нил.

— Ты лживая, грязная шл-ха! Ну, если ты хочешь быть гребаной шл-хой, то я буду обращаться с тобой как с шл-хой!»

Страхивая с себя воспоминания, делаю шаг назад. Руки дрожат. Я обхватываю себя ими до боли в позвоночнике.

— Я бы так не сделала.

— Тогда ты, бл-дь, идиотка. Брэд — не тот, с кем тебе захочется проводить время.

— Забавно. Потому что то же самое он только что сказал о тебе, — говорю я и тут же жалею, когда вижу, как на его лице мелькает обида. Так быстро, что если бы я на него не смотрела, то не увидела.

— Он прав. Я не тот, с кем ты захочешь быть рядом. — Его голос полон отвращения к самому себе, и это печалит меня больше, чем я могу объяснить.

— И что ты хочешь мне этим сказать? — Тоска начинает прокрадываться в сердце, потому что я уже знаю, к чему он клонит.

Жесткие, бесстрастные, вызывающие глаза смотрят на меня.

— Говорю то, что ты уже знаешь. Мы не друзья. И никогда ими не будем. Так что перестань, бл-дь, пытаться выдать то, чего никогда не произойдет. Ты мне и в хороший день почти не нравишься. Я просто, бл-дь, терплю тебя из-за того, что ты слоняешься повсюду, как потерянная, одинокая овца. Ты просто не понимаешь, что тебя не хотят видеть.

Я понимаю, он говорит так, чтобы ранить и причинить боль. Он набрасывается на меня, потому что хочет оттолкнуть. Но я не хочу, чтобы со мной так разговаривали. Я заслуживаю лучшего.

Я вздергиваю подбородок, хотя внутри чувствую опустошение.

— Я поняла, — говорю ровным голосом.

— Наконец-то, бл-дь.

— Ладно. — Я делаю шаг назад. — Пожалуй, я пойду. Всего тебе хорошего или нет...

Прикусив дрожащую губу и не обращая внимания на жгучие слезы, поворачиваюсь и выхожу из леса на свет, к людям, оставляя Ривера одного стоять в темноте.



Ривер

Риверу шестнадцать лет

— Какого хрена я здесь делаю?
Это глупо. Я не должен быть здесь.
Я такого не делаю. Не хожу на вечеринки.
«Потому что раньше тебя никогда не приглашали».
Стоя у входной двери, слышу, как за ней громко играет музыка.
Я на вечеринке.
Ну, почти.
Кто бы мог подумать?
Но когда Хлоя Нельсон, потрясающая чирлидерша, приглашает тебя с обещанием чего-то большего — то есть секса, — ты приходишь.
Хлоя встречалась с Брэдом Турлоу, суперзвездой футбола. И племянником...
Нет. Сегодня я не буду об этом думать.
Я, наконец-то, потрахаюсь. Лищуь невинности.
С Хлоей, мать ее, Нельсон.
И бонус в том, что в процессе я отомщу Брэду.
Я охренеть как ненавижу этого парня.
Он мудака высшего порядка.
Вечно страдает херней, чтобы достать меня в школе. Устраивает гребаные розыгрыши, распускает обо мне слухи.
В основном я просто его игнорирую. Но это все равно бесит.
А четыре дня назад его девушка — или бывшая девушка — с ним рассталась.
Я проверил школьные слухи, чтобы убедиться, что это правда, не то, чтобы у меня были настоящие друзья, у которых можно было об этом спросить, но я слушал, что говорили вокруг, и, по-видимому, он ее бросил. И вот она пишет мне. Ее родители уехали, и она приглашает меня на вечеринку, которую устраивает в своем огромном особняке.
Весьма вероятно, она использует меня, чтобы отомстить Брэду.
Пох*й ли мне? Да.
Я собираюсь поставить отметку на своей карточке целомудрия с самой горячей девушкой в школе.
Не то чтобы я говорил ей, что все еще девственник.

Хлоя Нельсон великолепна. Светловолосая, голубоглазая, с охрененно фантастическими буферами.

Я видел ее в спортзале и на тренировках по чирлидингу, скачущую в обтягивающем топе так, что ее сиськи подпрыгивали.

Дерьмо. У меня стояк, лишь при одной мысли об этом.

Я поправляю член в штанах.

«Ладно, вот оно. Тащи свою задницу внутрь, Ривер».

Но я не двигаюсь.

Потому что я трус.

Я чертовски нервничаю, ясно?

Я никогда раньше не бывал на вечеринках. Ребята в школе меня ненавидят. Честно говоря, не знаю, почему Хлоя хочет быть со мной.

Но я очень хочу потерять девственность, а она первая девушка, которая проявила живой интерес к тому, чтобы это произошло.

Конечно, с другими девушками я попадал на первую и вторую базу.

У нас тут много туристов. Девушки, которые ничего не знают о моем прошлом. Девушки, которые хотят поразвлечься с местным жителем, чтобы скоротать время.

Но это Хлоя, и она знает, кто я, и, по всей видимости, все равно меня хочет.

«Давай, Ривер. Мужик, бл*дь, возьми себя в руки и заваливайся туда. Стоя здесь на пороге, ты выглядишь как чокнутый, каким тебя называют».

Берусь за дверную ручку, поворачиваю ее и толкаю дверь. Музыка звучит еще громче. Вечеринка в самом разгаре. Дом полон народу.

Никто даже не замечает моего появления.

Не успеваю сделать и трех шагов, как передо мной возникает Хлоя. Глаза у нее блестят, щеки пылают.

— Ты пришел! — она улыбается мне.

— Ага, — говорю я. Сегодня я многословен.

— Хочешь поболтать или, — она встает на цыпочки и говорит мне на ухо, — поднимемся наверх, чтобы побыть наедине?

Я перевожу взгляд на нее.

— Наверх.

Она хватает меня за руку и ведет через толпу по винтовой лестнице на второй этаж. Я следую за ней по коридору в ее комнату. Она розовая, с большой кроватью под балдахином, на стенах висят фотографии — ее с друзьями и несколько с Брэдом.

Она садится на край кровати. Затем похлопывает по месту рядом с собой.

«Это ее кровать».

Ее кровать».

Внутренности скручивает. Тошнотворный вихрь кружится в животе.

«Не сейчас. Черт возьми».

Ривер, возьми себя в руки».

Сжав кулаки, подхожу и сажусь рядом с ней.

— У тебя милый дом, — говорю, просто чтобы сказать хоть что-то.

— Да, думаю, ничего.

Смотрю на стену перед собой, будто на ней написан ответ на вопрос о смысле жизни. От нервов нога начинает трястись.

— Ривер?

— Да?

— Посмотри на меня.

Я поворачиваюсь к ней лицом. «Боже, она такая красивая».

— Я тебе нравлюсь?

— Конечно.

Она высовывает язычок и облизывает нижнюю губу. Я не могу оторвать от него глаз.

— Ты мне тоже нравишься.

— Да?

Она смеется. Смех звучит нелепо. Я поднимаю на нее глаза.

— Конечно, нравишься, глупыш. В противном случае тебя бы сейчас здесь не было.

Точно, но... я просто удивлен, что такая девушка, как она, хочет такого парня, как я. Ребята в школе считают меня чокнутым из-за того, что сделала мама...

«Из-за того, что сделал ты».

— Всего пару дней назад ты мне и пары слов не могла сказать, — говорю, положив руки себе на бедра.

— Ну, ты же понимаешь, я была с Брэдом, а ты знаешь, каким он может быть... но я всегда считала тебя горячим. — Она начинает водить кончиком пальца по моей руке и ноге, двигаясь вверх, все выше и выше, пока не проводит ногтем по молнии брюк.

Я с трудом сглатываю.

Хлоя приближается губами к моему уху.

— Ты хочешь... трахнуть меня, Ривер? — шепчет она, и я чуть не проглатываю язык.

Несмотря на великолепную мысль, что именно этого она от меня и хотела, приведя прямо сюда, — от того, каким голосом она это говорит, и, услышав, как небрежно спрашивает, хочу ли я ее трахнуть, — у меня сносит крышу.

— Э-э... а-ага, — выкашливаю я, и она хихикает.

А потом целует.

«Твою ж мать». Ее губы такие мягкие и пухлые.

В ее дыхании чувствуется вкус алкоголя. Я отстраняюсь.

— Сколько ты выпила?

Я не хочу использовать ее в своих интересах.

— Одно пиво. — Она поднимает палец. — Клянусь.

Ее глаза широко распахнуты. Зрачки расширены.

— Ты принимала... что-то еще?

— Нет. Честное слово. — Пальцем она рисует крестик на своей груди, притягивая мой взгляд к ее сиськам.

Она снимает свитер и лифчик.

— Прикоснись ко мне, Ривер.

Так я и делаю.

И, боже, на ощупь она такая классная. Теплая и мягкая. Ничего подобного я раньше не чувствовал.

Я так чертовски возбужден; мне кажется, что могу кончить в штаны. Чтобы этого избежать, мне приходится думать о всякой ерунде.

Потом Хлоя снова меня целует, и моя одежда исчезает со скоростью света.

— Ты принес презерватив? — спрашивает она у моих губ.

— Ага. — Я хватаю с пола штаны и достаю из кармана презерватив.

Когда оборачиваюсь, она с открытым ртом смотрит на мой член.

— Все в порядке? — спрашиваю я ее.

— Да... просто ты большой, — шепчет она. — Не ожидала, что ты такой большой.

«Э-м... ладно...»

Я смотрю на свой член.

— Это проблема?

Она отрицательно мотает головой.

— Надевай презерватив.

— Да, мэм.

Руки непрестанно дрожат все время, пока я натягиваю резинку, что делает это почти невозможным. Но, в конце концов, справляюсь.

Хлоя снова ложится на кровать. Каждый дюйм ее тела великолепен. Золотистые волосы веером рассыпались вокруг головы.

— Ты прекрасна, — говорю я. Чувствую, что могу кончить, просто глядя на нее, лежащую на кровати.

— Трахни меня, Ривер, — говорит она нетерпеливо.

Господи, какая Хлоя властная. Не так я представлял себе девушку в постели, но что я могу знать? И, полагаю, это довольно горячо, когда она указывает мне, что делать.

«Боже, вот оно. Наконец-то я займусь сексом с девушкой.

Наконец-то я стану нормальным. Как и все остальные».

Я залезаю на нее, нависая над ней. Располагаю бедра между ее раздвинутых ног.

У меня такой жесткий стояк, что аж больно.

Слышу грохот. Похоже, это у нее в комнате.

Резко вскидываю голову.

— Что это было?

— Ничего. Наверное, кто-то просто ищет ванную. — Ее нежные руки обвивают мое лицо, возвращая к ней мой взгляд. — Я заперла дверь. Не волнуйся. Никто не войдет. — Она тянется ко мне губами, предлагая себя.

И я принимаю их, целую ее.

Она обвивает ногами мою талию.

Я так завелся. Боюсь, долго мне не протянуть.

«Пожалуйста, подожди. Пожалуйста, подожди».

— Сделай это, Ривер. Входи! — приказывает она.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Бл*дь, ладно, вхожу. Боже, ты такая охрененно горячая. Не могу поверить, что трахаю тебя.

Толкаюсь в ее сладкий гребаный рай... и...

«Ох, бл*дь, нет...»

Но уже слишком поздно. Я не могу остановиться.

Опускаю голову ей на плечо, мое тело сотрясается от освобождения.

— Ривер.

— Да?

— Ты только что... кончил?

— Прости, — бормочу, прижимаясь к ее коже.

Мне так чертовски стыдно. Нет, я подавлен.

— Я все исправлю, Хлоя, клянусь.

Чувствую, как ее тело подо мной дрожит. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что она смеется.

С колотящимся сердцем, приподнимаюсь на руках, отстраняясь от нее.

— Ты снял? — спрашивает она.

— Что?

Повернув голову, вижу, как Брэд, мать его, Турлоу выходит из ее шкафа с мобильником в руке.

— Ага. Снял. Все пять секунд. — Смеясь, он смотрит на меня.

— Какого хрена? — Я спрыгиваю с кровати и хватаю с пола джинсы. Быстро натягиваю их вместе с футболкой и засовываю ноги в кроссовки.

Слышу, как из его телефона доносится сигнал.

— А теперь это есть и у всех остальных, — он снова громко и язвительно смеется.

— Какого хрена ты натворил?

Я верчу головой от него к Хлое.

— Ты уже разослал? — голос Хлои высокий и скрипучий. — Ты говорил, что проследишь за тем, чтобы никто не узнал, что это я!

— Успокойся, детка. Там не понятно, что это ты. Твоего лица не видно, и он ни разу не назвал тебя по имени. Кто знает, он мог трахать свою бабку. Наверное, этот чокнутый так и делает.

— Какого хрена ты натворил, Брэд? — рычу, сжимая руки в кулаки.

Брэд ухмыляется и поднимает телефон, экран обращен в мою сторону.

Вижу на экране свою голую задницу и затылок.

— Бл*дь, ладно, вхожу. Боже, ты такая охрененно горячая. Не могу поверить, что трахаю тебя, — слышу я свой голос на видео.

Через несколько секунд вижу, как кончаю.

Отчаяние ползет вверх по спине. Я зажмуриваюсь, стараясь не думать об этом. Отгородиться от всего. От воспоминаний, рвущихся на поверхность, тех, с которыми я так упорно борюсь, удерживая взаперти.

— Ривер, — слышу я голос Хлои из телефона.

Когда она впервые заговорила, я не заметил насмешливого тона. Наверное, потому что был слишком подавлен тем, что кончил. Но сейчас я это слышу.

— Да?

— Ты только что... кончил?

— Прости.

Видео заканчивается, и Брэд стигается пополам от смеха.

— Чувак, во второй раз было еще лучше! Гребаная секунда, и ты обкончался!

— Ты, бл*дь, заснял, как я занимаюсь сексом с твоей бывшей подружкой? — рычу я. Мое зрение затуманивается от гнева.

— Брэд, ты сказал, что мы снова будем вместе, если я сделаю это для тебя.

Я поворачиваю голову к Хлое, ошеломленный словами, только что сорвавшимися с ее губ.

— Конечно, детка. Конечно.

— Значит, мы снова вместе?

— Я же сказал, не так ли? — огрызается он пренебрежительно.

— Да что с тобой такое, черт возьми? — рывкаю я на Брэда. — Ты шантажом заставил ее сделать это? — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Хлою. — Зачем ты это сделала? Ты достойна лучшего, чем этот придурок.

— Я люблю его, — хнычет она, надув губы.

— Ты слышал девушку, — самодовольно говорит Брэд, отвечая за нее. Он засовывает руку в карман и достает маленький пакетик с белым порошком.

Кокаин.

— Вот, детка, иди, нюхни. После такого ты заслужила.

Он бросает ей пакетик, и она с жадностью его ловит. Поспешив к туалетному столику, она высыпает порошок и начинает делить дорожки.

Она наркоманка.

Я должен был догадаться.

Я должен был, черт возьми, понять, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Хорошие вещи со мной не случаются.

— Ты облажался. Вы оба, — выплевываю я ему.

— Может, и так. Но я никогда не окажусь в таком дерьме, как ты. Каково было смотреть, как твоя мать убивает моего дядю?

— Иди на х-й. — Я устремляюсь к двери.

— Посмотри на это с другой стороны... я сделал тебе одолжение. Ты трахнул самую горячую девчонку в школе. Знаю, это продлилось всего пару секунд, — он смеется, — но это все равно считается. И теперь ты будешь известен не только как сын убийцы полицейского. Ты также прославишься как лох-скорострел.

Я поворачиваюсь и бросаюсь на него. Он делает шаг назад, и это заставляет меня смеяться.

Чертова баба.

Я выхватываю у него телефон, швыряю его на пол и давлю ногой.

— Какого хрена? — кричит он. — Ты заплатишь за это, засранец! Это был совершенно новый телефон! И, если думаешь, что избавился от видео, подумай дважды. Потому что я уже разослал его всем, кто ходит в нашу школу.

— Что?

— Ты меня слышал.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Выражение его лица такое высокомерное и надменное. Мне очень хочется его ударить.

Я хочу продолжать бить его и никогда не останавливаться.

Впиваюсь ногтями в ладони, чтобы сдержаться. Сдержаться и не ударить.

Чувствую, как рвется кожа, кровь сочиться в кулак.

«Уходи, Ривер.

Беги прочь».

Разжав пальцы, заставляю себя отвернуться от него и подойти к двери. Отперев ее, рывком открываю, оставляя кровь на ручке, но мне, черт возьми, все равно.

Затем выхожу, быстро спускаюсь по лестнице и проталкиваюсь сквозь толпу людей, большинство из которых уже смотрят видео. Я закрываю за собой дверь, чтобы не слышать их смеха. Смеха надо мной.

Устремляюсь к своей машине. Забравшись внутрь, завожу двигатель и уезжаю.

«Какой же я гребаный дебил! Не могу поверить, что попался на эту удочку».

Они все там, смеются надо мной. Бред чертовски хорошо проведет время, рассказывая всем об этом.

«Больной сукин сын. Совсем как его дядя».

Боль и страдания скребутся в глубине меня. Те, что давно похоронены.

— Бл*дь! — ору я, хлопая рукой по рулю. — Ненавижу, сука, людей! Хочу, чтобы все они оставили меня в покое!

Никогда больше я не буду настолько глуп, чтобы довериться девушке.

Никогда, бл*дь, снова.



Кэрри

У меня есть машина!

Пятнадцатилетняя «Шевроле-Импала», на одометре которой слишком много миль, чтобы их можно было сосчитать, но она моя, и я приобрела ее по выгодной цене. Ее продавали за полторы тысячи баксов, но Айвен, владелец местного дилерского центра, был завсегдаем закуской с тех пор, как Сэди ее открыла, и отдал ее мне за тысячу двести. Денег у меня не очень много, но я откладываю все чаевые, а последние несколько месяцев брала сверхурочные в закусочной, чтобы заплатить за нее, так что больше никаких пеших прогулок. Ура!

Я только что забрала машину после утренней смены в закусочной, и мне не терпелось прокатиться на ней. Поэтому решила съездить на ферму «Чертополох», куда сейчас и направляюсь, чтобы купить немного свежих продуктов, которые там продаются. Здоровая пища для ребенка, который хорошо растет.

Вчера у меня был последний осмотр и двадцатинедельное УЗИ.

Я решила не выяснять пол на УЗИ. Хочу сюрприз при родах. И так, после того разговора с Ривером о фруктах я стала называть малышку Олив...

И, нет, я не буду об этом думать. Ривер сейчас для меня — запретная тема.

Я не видела его с того вечера. Даже мельком. Не то чтобы активно его выискивала, однозначно, нет.

Я отказываюсь даже смотреть в сторону его дома.

И теперь я в полном порядке.

Сначала я грустила, но потом поняла, что не могу потерять то, чего у меня никогда не было, верно? И, по-видимому, его дружбы у меня никогда и не было.

Ладно, возможно, я все еще немного злюсь. Но все в порядке.

Он тут совершенно ни при чем.

Так что, да, Олив теперь размером с маленький банан и прекрасно развивается. Живот у меня заметно округлился, и мне пришлось вложиться в покупку одежды для беременных, чтобы не отставать от постоянно растущей талии. К счастью, униформа закусочной представляет собой черные брюки, и для этого я купила брюки для беременных с эластичным поясом — очень сексуально. А рабочую рубашку предоставила Сэди. Она заказала мне еще одну, на пару размеров больше последней, что она мне дала, и которую я сейчас ношу, но рубашка уже плотно облегает живот.

Не могу поверить, что у меня двадцать недель, и уже первое марта. Время летит незаметно. Рождество, кажется, прошло целую вечность назад.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Рождество я провела с Сэди и Бадди. Сэди приготовила индейку, а я помогала с остальным. Было весело и радостно. Мое первое Рождество за долгое время, когда я чувствовала себя в безопасности.

Новый год мы провели с Бадди. Сэди и Гай отправились по барам. Они пытались уговорить пойти и меня, но бары — не мое. Они сказали, что это мой последний Новый год перед рождением ребенка, последний Новый год свободы. Но они не понимают, что сейчас у меня больше свободы, чем когда-либо. И, честно говоря, я бы предпочла остаться дома с Бадди.

Я включаю радио. Салон машины наполняется голосом Леона Бриджеса, исполняющего «River».

Нет. Просто, нет.

Я выключаю радио и оставшуюся часть пути провожу в тишине.

Через пятнадцать минут прибываю на ферму «Чертополох».

Паркую машину на стоянке, хватаю с пассажирского сиденья сумочку и направляюсь в магазин.

И останавливаюсь как вкопанная.

За кассой стоит Ривер.

При виде его сердце странно колотится.

Пристально на него смотрю.

Он смотрит на меня. На лице удивление.

Полагаю, мое лицо отражает ту же эмоцию.

Мне нужно отвернуться.

Отвернувшись, хватаю корзинку и перемещаюсь по магазину без какого-либо реального направления, кроме как уйти от него как можно дальше.

«Какого фига он здесь делает? И почему работает за кассой?»

Мне очень хочется уехать. Но, если я просто уйду, это будет выглядеть странно, он поймет, что, увидев его, я заволновалась.

Кроме того, я проделала весь этот путь за свежими продуктами, и, черт возьми, я их получу!

Курсируя по проходам, наугад хватаю с полок вещи и бросаю в корзину.

Когда останавливаюсь и смотрю вниз, то вижу, что у меня есть банка маринованных зеленых помидоров, банка редиски в остром маринаде, зеленый перец, пучок спаржи, банка яблочного пюре, упаковка с помидорами черри, тыквенный хлеб и банка масла из батата.

«Ха. А ну-ка, успокойся, Рэйчел Рэй» (прим.: Рэйчел Рэй — популярная американская телеведущая и автор кулинарных книг).

Что же, я не могу поставить выбранное обратно, не выглядя полной дурой, так что мне придется это купить. А тыквенный хлеб и масло из батата кажутся очень аппетитными.

Успокоившись, начинаю смотреть на то, что беру, сосредотачиваясь на продуктах, а не на направлении, где, как я знаю, Ривер все также стоит за прилавком.

Ненавижу себя за то, что все время думаю о нем.

«Ох».

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Я останавливаюсь возле яблок сорта Гала и смотрю на них, выбирая те, что выглядят лучше всего, и бросаю в корзину.

Чувствую справа движение. За ним следует запах сигарного дыма.

Ривер.

— Рыжая.

Звук его голоса подобен долгожданному дождю в жаркий день. И это я тоже ненавижу. Ненавижу, как боль в груди от этого усиливается.

«Зачем он обращается ко мне?»

Он ясно дал понять, что разговор со мной — последнее, чего он хочет.

Поэтому делаю единственное, что могу.

Ухожу от него.

Слышу, как он бормочет: «Черт».

Иду в дальний конец магазина, так как больше некуда, и обнаруживаю витрину со стеклянными украшениями.

На мгновение забыв о Ривере и боли, которую испытываю, смотрю на мерцающие стеклянные предметы на полках.

Вазы всех цветов, форм и размеров. Есть одна, похожая на подвесную корзину с ручкой. Какая красивая.

Ярко-красное стеклянное яблоко. Оно заставляет меня думать о Белоснежке и семи гномах.

А Ворчун, гигантский гном, стоит неподалеку.

Мой взгляд путешествует к нескольким шарам, свисающим с потолка.

Они сделаны из стекла. Внутри есть лампочки.

Ох, это плафоны.

Очень красиво.

Особенно мне нравится синий. Такой переливчатый.

— Удивительно, не правда ли? — раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу Мэйси.

— Да.

— О, я тебя помню. Ты ведь соседка Ривера, верно? Кэррол.

— Кэрри.

— Кэрри. Конечно. — Она подходит ближе к шарам и смотрит на них. — Он очень талантлив, да?

Мне требуется секунда, чтобы уловить ее мысль.

— А, художник? Да. Очень.

Она переводит взгляд на меня.

— То есть, Ривер.

— Что?

— Ривер. Он художник. Он их делает. Все это. — Она обводит рукой украшения.

«Эти стеклянные украшения делает Ривер?»

Этот нахальный, черствый чурбан создает эти прекрасные, нежные вещи.

«Почему он мне ничего не сказал?»

— Разве ты не знала? — говорит она, довольная тем, что знает о Ривере то, чего не знаю я.

Я сглатываю и качаю головой.

— Нет. — Я проклинаю свой голос за то, что он звучит так слабо.

— Как странно. — Она перебрасывает длинные волосы через плечо. — Интересно, почему он ничего не сказал? Но ведь он не любитель поболтать. Я не про себя, конечно. Мы много разговариваем. На самом деле, постоянно. Часами болтаем ни о чем.

«Ладно, Мэйси, не перегибай палку. Я не представляю для тебя угрозы, когда дело касается Ривера».

Парень не хочет быть мне другом, не говоря уже о чем-то большем.

Впрочем, и я тоже.

— Э-э... рада за тебя. — Сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, что мне очень хочется сделать. Уже собираюсь от нее отойти, когда в голову приходит мысль. — Это Ривер сделал те рождественские украшения, которые продавались здесь в прошлом декабре?

— Конечно. Мы продаем только его работы.

«Поезд. Он его сделал».

Он знал, что поезд мне понравился, и подарил мне, не сказав, что сделал его сам. Даже не хотел, чтобы я знала, что это его подарок.

«Почему?»

Похоже, у него нет проблем с тем, чтобы об этом знала Мэйси. Так почему такое отношение ко мне?

Вероятно, потому, что думал, я воспользуюсь этим, чтобы его разговорить. А ему этого не хотелось. Потому что я едва ли нравлюсь ему в хороший день, ведь так?

«Ох. Почему я вообще об этом беспокоюсь?»

Нет. Меня это нисколько не волнует».

— Ну... приятно было снова тебя увидеть. — «Нет» — но мне нужно закругляться с покупками.

— Конечно. — Я поворачиваюсь, и она отходит в сторону.

Ее взгляд падает на мой живот.

— Ох. Не знала, что ты беременна. — В ее голосе звучит неподдельное удивление. Будто моя беременность имеет какое-то отношение к ее жизни.

— Да. — Я кладу руку на выпуклость живота. — Пять месяцев.

— Ну... поздравляю.

Никогда в жизни я не слышала более неискренних поздравлений.

— Спасибо.

— Ривер не упоминал, что ты замужем.

«Эта женщина настоящая?»

Не обязательно быть замужем, чтобы иметь ребенка, Мэйси. На дворе не 50-е.

Господи, они с Нилом идеально подходят друг другу».

И я тут же ненавижу себя за подобную мысль. Потому что она не заслуживает такого мужчины, как Нил. Никто не заслуживает.

— Я не замужем. — Мой безымянный палец дергается от лжи. — И парня у меня тоже нет.

— Ох. — Ее взгляд снова опускается на мой живот, а затем возвращается к моему лицу. Мне не нравится выражение ее глаз. — Понимаю.

«Нет, Мэйси, ты ничего не понимаешь».

Она бросает взгляд в сторону Ривера. Он снова стоит за прилавком с ручкой в руке и что-то пишет на листе бумаги.

— У меня нет детей, поэтому я не знаю, но слышала, что матерям-одиночкам приходится туго, — говорит она, понизив голос, чтобы только я могла слышать. — И было бы вполне логично, если бы ты искала папу для своего ребенка... Но, короче, Ривер не для тебя. Он... недоступен, если ты понимаешь, о чем я. — Взгляд, который она бросает на меня, дает мне понять, что именно она имеет в виду.

Игнорирую болезненный спазм в груди при понимании.

«Он не хочет быть мне другом. Но без проблем заводит секс по дружбе с Мэйси. Или что там между ними.

Прекрасно. Мне все равно не нужна его дружба. И никогда не была нужна».

У меня есть Олив и Бадди, Сэди и Гай, хотя иногда он может быть ужасным сплетником. Но они у меня есть, и больше мне никто не нужен.

— Что же, рада за вас, ребята. И не волнуйся, последнее, что я ищу, — это отца для своего ребенка. А даже если бы и искала, Ривер не попал бы в этот список.

— О, хорошо. Очень рада, что мы понимаем друг друга. — Она одаривает меня дружелюбной улыбкой, но в ней нет ничего милого. — Оставлю тебя заниматься покупками, если тебе не нужно помочь с чем-то еще?

«С чем-то еще? Во-первых, ни о какой помощи я тебя не просила».

— Нет. Я в порядке, — широко улыбаюсь. Не хочу, чтобы она поняла, что каким-то образом повлияла на меня. И одно у меня получается хорошо — скрывать свои истинные чувства.

— Потрясающе. Тогда, чао-какао. — Она машет рукой и, тряхнув волосами, уходит.

«Чао-какао?»

Фу.

Вали на хутор бабочек ловить».

С меня хватит.

Хочу вернуться домой и съесть содержимое своей корзины, даже если я точно знаю, что большая часть этой еды вызовет у меня изжогу на несколько дней.

«Ох. Ну почему Ривер здесь?»

Он полностью изгадил мой день.

Я была так довольна новой машиной, а теперь он и его чао-какао-Мэйси все испортили.

С сердитым видом подхожу к кассе и, не глядя на Ривера, швыряю корзину на прилавок.

— Рыжая.

Бросаю взгляд в его сторону, но не смотрю прямо на него. Как на солнце.

— Не называй меня так, — огрызаюсь я. — Мое имя Кэрри.

— Ладно. Кэрри. — Его голос звучит тише, чем обычно. Менее уверенно.

«Хорошо».

— И это все?

— Ага.

— Тогда я складываю.

— Складывай.

Отворачиваю голову в сторону. Глядя в окно, скрещиваю руки на груди и кладу их на выпуклость живота, пока он меня обслуживает.

Такое ощущение, что он тянет с этим целую вечность.

Я начинаю нетерпеливо постукивать ногой.

Вижу, как он складывает мои покупки в бумажный пакет. Он почти закончил, а потом я тут же уйду.

— Тридцать семь сорок, Ры... Кэрри.

Достав из сумки бумажник, вынимаю сорок долларов, и протягиваю ему купюры. За все это время я так и не взглянула на него.

Сейчас я смотрю на его грудь.

Он берет деньги из моей протянутой руки.

Прикосновение его пальцев к моим удивляет меня. Как и вспышка жара, поднимающаяся вверх по руке.

«Гормоны беременности. Это всего лишь гормоны беременности».

Это никак с ним не связано, потому что он большой, глупый, злой придурок.

Слышу звон, когда он достает из кассы сдачу.

— Вот твоя сдача.

Пока он пересчитывает деньги, я протягиваю ладонь.

Я даже не утруждаю себя положить деньги обратно в бумажник. Бросаю их прямо в сумочку.

Схватив с прилавка пакет с продуктами, направляюсь к двери.

— Кэрри. — Его настойчивый тон заставляет меня остановиться.

Я, наконец, смотрю прямо на него — впервые, с тех пор, как вошла сюда.

Он изучает мое лицо. Он выглядит... потерянным.

В груди снова зарождается боль.

Скрываю свои чувства и надеваю на лицо маску бесстрастия.

— Что? — спрашиваю с должным нетерпением. Горжусь собой за то, что я такая сильная.

— Просто... — Он качает головой. — Твой чек. — Он протягивает его. — Тебе он нужен?

— Нет. Выброси его. — «Так же, как ты выбросил нашу дружбу — или не дружбу».

Затем, выхожу из магазина, высоко вздернув подбородок, и не позволяю ему опуститься, пока не возвращаюсь в безопасность своей машины.



Кэрри

Хлопанье входной двери Ривера привлекает мое внимание.

Вид Мэйси, выходящей из его дома, не улучшает настроения. Настроения, в котором я пребываю со вчерашнего дня, после встречи с Ривером в магазине.

Полагаю, Мэйси сейчас наносит визиты к нему домой.

Вполне логично, если они вместе.

Игнорирую укол в груди. Просто... знаю, Ривер полный болван. Но в глубине души он добрый. А вот насчет Мэйси я не уверена. Мне кажется, она... эгоистичная и коварная.

Впрочем, это не мое дело.

Наблюдаю, как ее гибкое тело скользит в маленький красный «Форд», припаркованный на подъездной дорожке позади его грузовика. Я-то теперь уже никуда не скольжу с моим непрерывно увеличивающимся животом.

Слышу, как заводится мотор, и быстро возвращаюсь к багажнику своей машины, чтобы не обращать на нее внимания, когда она проедет мимо.

Понимаю, что веду себя по-детски. Просто сегодня я не в настроении для Мэйси.

Я устала и раздражена.

Большую часть ночи я не спала, мучаясь изжогой из-за вчерашней еды, как я и предсказывала. Но это не помешало мне ее съесть, не так ли? Сегодня утром закусочная была забита до отказа. Я едва успевала. А потом, когда моя смена в закусочной закончилась, я отправилась в хозяйственный магазин за краской, которую заказывала, потому что мне позвонили, сообщив, что она появилась. Я наконец-то выбрала цвет — «ванильный иней». Это нейтральный цвет. Я решила оставить стены однотонными и светлыми. Куплю настенные наклейки с милыми животными и украсу ими и какими-нибудь аксессуарами. Кроме того, в хозяйственном магазине я купила малярные валики, кисти и брезент, чтобы покрыть им пол. Решила начать покраску сегодня.

Звук проезжающей мимо машины Мэйси дает старт для движения.

Я достаю из багажника одну из банок с краской и чувствую в спине острую боль.

— Ой! — Я прижимаю свободную руку к спине, борясь с болью.

— Кэрри, ты в порядке?

Я в испуге оборачиваюсь и вижу Ривера, быстро приближающегося ко мне.

Он берет из моей руки банку с краской, позволяя мне прижать обе руки к пояснице, чтобы растянуться. Он ставит банку с краской обратно в багажник.

— Давай зайдём внутрь. Тебе нужно присесть.

— Я в порядке, — огрызаюсь я. — Просто спина немного болит. Такое следует ожидать при беременности.

— Конечно. А таскать самой банки с краской явно в это поможет.

— Будто тебе есть до этого дело? — рывкаю, наконец, взглянув на него.

Он бледнеет, но тут же приходит в себя.

— Нет. — Голос у него низкий. — Но я... эм... — Он переминается с ноги на ногу. Если бы я не знала его лучше, то подумала бы, что он нервничает. — Просто ты... ты должна думать о ребенке.

— Хочешь сказать, я не думаю о своем ребенке? Что я каким-то образом подвергаю риску его здоровье?

Он хмурит брови.

— Это совсем не то, о чем я говорю.

Я упираю руки в бока. Потом вспоминаю, что они там больше не помещаются, и скрещиваю их на своей располневшей груди.

— Тогда о чем?

— Только... — Он делает размеренный вдох, затем так же сдержанно выдыхает. — Только о том, что тебе не следует таскать самой банки с краской.

— Ну, мне больше некому это делать, — пожимаю я плечами. — Так что, мои возможности ограничены... мной.

— Я могу тебе помочь.

— Что? — Я останавливаюсь и смущенно смотрю на него. — С чего бы? Мы не друзья.

— Мы... хм... соседи. Соседи помогают друг другу.

— Верно. — Я киваю. — Но ты ясно дал понять, что не хочешь иметь со мной ничего общего, точка. Так почему же хочешь стать добрым соседом и помочь мне?

— Потому что ты беременна? — Это больше похоже на вопрос, чем на ответ.

— Я беременна уже пять месяцев, и все это время прекрасно справлялась сама.

— Не все время.

— Нет? — От досады распахиваю глаза.

Он качает головой.

— Рождественская елка. Тебе нужна была помощь.

— Мне не была нужна помощь. Ты предложил, и я согласилась, думая, что мы друзья. Но на следующий день я узнала, что это не так. Ты, блин, просто терпел меня, помнишь?

Он морщится.

— Я принес тебе помидор. — Он засовывает руку в карман куртки и достает большой помидор, протягивая его мне на раскрытой ладони.

— Помидор? — медленно произношу слово, чтобы убедиться, что поняла правильно.

Вижу, как кончики его ушей краснеют.

— Домашний помидор. Ведь ребенок-фрукт сейчас такой величины, верно? Размером с домашний помидор.

«Ох».

В груди вспыхивает боль.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю тихо.

Он неловко пожимает плечами.

— Увидел на сайте о ребенке-фрукте.

— Зачем ты его смотрел? — Я поднимаю на него взгляд.

Еще одно пожатие, на этот раз одним плечом.

— Не знала, что ты в курсе моего срока.

— Не совсем. — Его слова звучат тише. — Я вспомнил разговор об оливке и сложил два и два.

«Я тоже помню разговор об оливке. В тот вечер ты отверг нашу дружбу».

Помидор так и лежит на его протянутой ладони. Полагаю, это его способ извиниться — оливковая ветвь, так сказать, без каламбура. Но этого недостаточно.

Он ранил мои чувства.

— Что же, ты обсчитался. Срок несколько больше. Ребенок сейчас размером с маленький банан.

Выражение его лица сникает.

— О, — бормочет он еще тише, чем раньше.

Чувство вины застревает в горле, хотя мне не за что себя винить.

— Вероятно, глупо было приносить тебе помидор, — бормочет он.

Не глупо. На самом деле мило. Но это ничего не меняет.

— Зачем ты принес мне помидор?

Безучастный взгляд устремляется ко мне.

— Потому что ребенок... — Он замолкает, вздыхает и качает головой. — Я не знаю.

— Думаю, знаешь. — Удивляюсь своей самоуверенности.

Я не должна на него давить, но, знаю, Ривер из тех людей, которым это нужно.

— Я... хм... — Он переминается с ноги на ногу. Проводит рукой по волосам.

Вздыхает. Замирает и смотрит на меня. — Прости, — слова рвутся из него. — В тот вечер я повел себя как гребаный мудак. Я злился на Брэда. И сорвал злость на тебе, чего не должен был делать. Эти последние несколько месяцев были... — Он глядит в небо, словно выискивая там слова. — Унылыми.

— Унылыми?

Он смотрит на меня настороженным взглядом.

— Да. Унылыми. Мне не хватало... э-э... спора с тобой. Когда тебя нет рядом, жизнь становится... унылой.

«Ох».

По-моему, это самое милое, что мне когда-либо говорили.

— Спасибо... за извинения, — говорю я, потому что знаю, как тяжело ему было это сделать.

Вижу, как в его глазах мелькает облегчение.

Он засовывает руки в карманы куртки.

— Так, мы можем вернуться к тому, что было раньше?

И теперь мне стыдно за то, что я сейчас скажу.

— Не знаю. Не думаю. — Я качаю головой.

Он вглядывается мне в глаза.

— Почему нет?

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Потому что я не уверена, что ты снова меня не обидишь.

— Ох. Ясно.

«Да. Ох».

С решительным выражением он вздергивает подбородок.

— Но ведь доверие заслуживают, да?

— Да, — отвечаю осторожно.

— Тогда позволь мне его заслужить. Твое доверие.

«Что мне на такое ответить?»

— Назови хоть одну причину, почему я должна это сделать.

— Потому что ты мой лучший друг, Рыжая, — тихо говорит он, сверля взглядом землю под ногами. — Мой единственный друг.

Я, блин, сейчас заплачу.

Слезы щиплют глаза. Прикусываю щеку изнутри, чтобы сдержать их.

Когда чувствую, что могу говорить, не разрыдавшись, произношу:

— Хорошо.

Полные надежды глаза устремляются ко мне.

— Хорошо?

— Да. Но если ты еще раз так меня обидишь, тебе конец.

— Понял. — Он резко кивает.

— Но я не единственный твой друг, Ривер. У тебя есть Элли и Мэйси.

Он бросает на меня странный взгляд.

— Элли была бабушкиной подругой, и она мой деловой партнер. А Мэйси мне не друг.

— Нет?

— Нет.

— Но я только что видела, как она уходила от тебя.

В его глазах виднеется еле уловимая, неизвестная эмоция.

— После того как вчера вечером я запираю магазин, случайно прихватил с собой ключи. Она заехала за ними по дороге на работу.

— Ох. Значит, она не твоя девушка?

Его брови сходятся у переносицы.

— Нет, Рыжая, — медленно произносит он, не сводя с меня глаз. — Она не моя девушка. Она мне никто.

«Хорошо сыграно, Мэйси. Очень хорошо».

Она меня убедила.

Понимаю, что до сих пор смотрю ему в глаза, поэтому отвожу взгляд.

— А как получилось, что ты работал в магазине?

— Элли нездоровилось. Я просто помогал.

— Надеюсь, с ней ничего серьезного.

— Она упала, вывихнула лодыжку. Я помогал ей, пока она не встала на ноги.

— Помогал?

— Она звонила вчера вечером и сказала, что сегодня возвращается на работу. И тут я понял, что ключи от магазина у меня. Она попросила Мэйси забрать их у меня.

Я киваю, и настает моя очередь переступить с ноги на ногу.

— Наверное, мне следует кое в чем признаться.

— В чем?

От меня не ускользают нотки настороженности в его голосе.

Снова смотрю ему в глаза.

— Я знаю, что это ты сделал рождественский поезд.

— О.

— Мэйси рассказала мне вчера в магазине. Я разглядывала твою вазу и те великолепные стеклянные шары, и она сказала, что художник — ты. Почему ты не сказал мне, что они твои?

— Я никому не говорю.

— Мэйси знает.

Он хмурится.

— Она работает в магазине и знает, что лучше никому не говорить.

— Зачем держать это в секрете? Ривер, ты невероятно талантлив.

— Потому что я хочу их продать, а местные не купят, если узнают, что их создал я.

Теперь моя очередь охать. Потому что точно знаю, чего он не договаривает. Они не купят украшения из-за того, что его мама совершила много лет назад.

— Тогда, они — идиоты. Твое творчество прекрасно.

Он небрежно пожимает плечами. Я вижу, что он смущен моим комплиментом.

— Ты продаешь украшения где-нибудь еще, кроме фермы «Чертополох»?

— В нескольких городских магазинах... в Сан-Антонио, — уточняет он.

Он поворачивается в сторону моей машины. Я понимаю, что разговор окончен.

Ну, по крайней мере, на эту тему.

— Ты купила машину, — говорит он хриплым голосом.

— Да, — я улыбаюсь.

Он переводит взгляд на багажник и стоящие в нем банки с краской.

— Занялась покраской?

— Ага. Детской.

Наконец, он смотрит на меня.

— Помощь нужна?

Я улыбаюсь про себя.

— Помощь мне бы не помешала.

Он достает из багажника валики, лотки и банки с краской.

— Сможешь донести остальное? — спрашивает он.

Я смотрю на упаковку с кистями и брезент.

— Думаю, я справлюсь, — отвечаю сухо.

Он идет за мной к входной двери. Отперев ее, впускаю нас внутрь. Я кладу свои вещи на пол и присаживаюсь на корточки, чтобы приласкать Бадди.

— Где детская? — спрашивает он, показывая на банки с краской.

— Дальше по коридору, дверь направо, — говорю я, поднимаясь. — Хочешь кофе?

— Интересно, направляясь на кухню, прежде чем он исчезает в коридоре.

— Конечно.

Включаю чайник и выпускаю Бадди, наблюдая, как он возится в саду и делает свои дела.

Когда чайник закипает, я зову собаку в дом. Завариваю кофе для Ривера и чай без кофеина для себя и несу их в детскую.

Вижу, что Ривер принес кисти и брезент, которые я оставила в гостиной. И уже вскрыл упаковку с брезентом и стелет его.

Я пересекаю комнату и протягиваю ему кофе.

— Спасибо. — Он берет кружку и делает глоток. — Ты уже загрунтовала стены?

— Да, — киваю, делая глоток чая.

— Ты хорошо поработала.

— Спасибо. — Я улыбаюсь ему глазами. Сделав еще глоток чая, ставлю чашку на подоконник.

— У тебя есть стремянки? — спрашивает он. — Если нет, то у меня есть...

— Ой! — тянусь рукой к животу, устремляя на него взгляд.

«Неужели это...»

— Что случилось? — Ривер ставит кружку с кофе на подоконник рядом с моей и подходит ко мне.

— Все в порядке. Думаю... ребенок... пинается.

— А раньше он пинался?

Я качаю головой. Чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Даже не понимаю, почему так разволновалась.

— Нет, это в первый раз, — шепчу я.

Он улыбается, придвигаясь еще ближе, и я чувствую, как грудь распирает некая непонятная эмоция.

Я смотрю ему в глаза.

— Я имею в виду, это могли быть газы или... нет! — ч смеюсь, чувствуя еще один удар. Сильный, здоровый удар.

— Ребенок пинается сейчас? — спрашивает он.

— Олив, — говорю я. — Я назвала кроху Олив.

— О, — шепчет он.

Распирающее чувство усиливается.

— Можно мне... Ничего, если я...

Я тянусь к нему, беру его за руку и прижимаю к своему животу.

Слышу, как у него перехватывает дыхание, и вижу, как его кадык подпрыгивает.

Чувство в груди распространяется, выплескиваясь из меня на него, словно сетью, обвивая нас обоих.

Глаза Ривера сосредоточены на том месте, где лежит его рука.

И когда Олив снова пинается, он смеется. Его глаза распахиваются и светятся благоговением.

— Привет, Олив, — говорит он моему животу. — Я Ривер. Твой сосед.

Он говорит так официально, что мне хочется рассмеяться. У меня вырывается тихий смешок.

Его взгляд встречается с моим.

— Что? — он улыбается.

Я снова хихикаю, качая головой.

— Ничего. Ты заставляешь меня смеяться.

Судя по выражению его лица, ему это нравится.

Олив опять пинается, вновь перетягивая внимание на себя.

— Боже, Рыжая, это чертовски удивительно. — Он качает головой. — У тебя внутри ребенок.

— Уже пять месяцев, — отвечаю невозмутимо.

Он снова смотрит мне в глаза.

— Ты поняла, о чем я. Конечно, я знал, что ты беременна, но это было не так...

Он изо всех сил пытается подобрать правильное слово, поэтому я предлагаю сама:

— Реально.

— Да. — Ривер опускает глаза на мой живот, а затем возвращает их к моему лицу, не отрывая от меня взгляда. — Это было нереально. До сих пор.

Он все смотрит мне в глаза, а я смотрю в его темные глубины.

Я чувствую это — в этот самый момент что-то между нами сдвигается. Будто раздается щелчок и все встает на место. Я знаю, он тоже это чувствует.

Не совсем уверена, что это такое и что оно означает, но просто знаю, как это важно.

Очень важно.



Кэрри

Напевая «I Found» Amber Run, которая играет с телефона, прикрепляю мобиль на детскую кроватку.

Он восхитительный. Я заказала его в интернет-магазине. С него свисают облака и звезды. А посередине — полумесяц, и на нем спит слон.

Когда я вернулась домой, коробка с доставкой ждала меня на пороге, так что, естественно, я просто обязана была сразу же прикрепить мобиль к кроватке.

Детская почти готова. Стены выкрашены в выбранный мной цвет. На стене, над кроваткой, висит черно-золотистая наклейка с надписью: «Мечтай о большем, крошка», со звездами и полумесяцем вокруг. Кроватка Олив из коричневого дерева с боковыми решетчатыми стенками. Матрас застелен кремовым постельным бельем с крохотными золотистыми звездочками. Мягкие бортики соответствуют цвету кроватки. Такой же комод и пеленальный столик прекрасно дополняют интерьер комнаты. Детская одежда развешена в шкафу и сложена в ящиках. У окна стоит кресло-качалка, чтобы я могла кормить Олив ночью.

Ривер убрал старый ковер, отшлифовал и покрыл лаком половицы. Выглядит потрясающе. Я постелила белый пушистый ковер, на котором Бадди любит спать. За последние несколько недель Ривер очень помог мне с подготовкой комнаты. Не думаю, что смогла бы справиться без него. Но я этого, конечно, не признаю.

Теперь я независимая женщина.

Ривер стал невероятно важен для меня.

Он мой друг. Вероятно, мой лучший друг.

Но мне также кажется, что между нами что-то изменилось. Появилось некое слабое, мерцающее притяжение. Я его чувствую. Полагаю, он тоже. Или, может, это всего лишь мое воображение, и эти чувства лишь с моей стороны.

В любом случае, я ничего не собираюсь предпринимать по этому поводу.

Я бы никогда не рискнула нашей дружбой.

Но я бы сказала, что дружба у нас уникальная.

Словно мы знаем друг о друге одновременно все и ничего.

Основные факты нам знакомы. Симпатии и антипатии.

Но мы не знаем всего главного.

Он ничего не знает о Ниле. Или моей жизни до Кэрри. Когда я еще была Энни Кумбс.

Я совершенно ничего не знаю о его прошлом.

История о его маме мне известна. И что он жил с бабушкой в доме, в котором живет и по сей день.

Но также знаю, что о многом из его прошлого я не имею ни малейшего понятия.

Его глаза — глаза выжившего.

Он видел и испытал то, чего никогда не должен был испытать.

И я имею в виду не только убийство отчима.

А причину его убийства.

Причину, по которой мама Ривера застрелила своего мужа в тот день. И что-то подсказывает мне, что этой причиной был Ривер.

Или я могу быть далека в своей догадке.

Но не собираюсь его спрашивать. И он не станет расспрашивать меня о моем прошлом.

Негласная договоренность между нами. Потому что никто из нас не хочет обсуждать свое прошлое, вспоминая прошлое другого.

Мы хотим оставить его там, где оно есть. Позади.

— Рыжая?

Звук голоса Ривера заставляет меня повернуть голову.

— В детской, — откликаюсь я.

Прислушиваюсь к топоту ботинок по полу, когда он направляется ко мне.

Затянув последнее пластмассовое крепление на кровати, отступаю назад, чтобы полюбоваться мобилем.

— Мобиль прислали, — говорит он, входя в комнату. — Выглядит неплохо.

— Правда ведь? — Я с улыбкой поворачиваюсь к нему.

В руках у него коробка, а на крышке лежит маленький коричневый бумажный пакет.

— Что в коробке? — спрашиваю я.

В содержимом бумажного пакета я почти уверена. Ривер стал приносить мне фрукты каждую неделю в день, когда ребенок достигал соответствующего размера. На этой неделе — большое манго.

— Подарок. — Он пересекает комнату и ставит коробку на пеленальный столик.

Последовав за ним, встаю рядом. Гляжу на коробку. Сердце сбивается с ритма, как всегда, когда я физически нахожусь близко от него.

Он протягивает мне бумажный пакет. Сунув руку внутрь, вытаскиваю манго.

Улыбаюсь ему.

— Хочешь? — спрашиваю, зная, каким будет ответ.

Он морщит нос.

— Нет. До сих пор не могу поверить, что ты ешь фруктовых детей, которых я тебе приношу. Рыжая, это охрененно мерзко.

Я громко смеюсь, поднимая кусочек фрукта.

— Это манго. Не настоящий ребенок. И я не позволю прекрасному фрукту пропасть даром.

— На прошлой неделе ты выкинула тыкву-спагетти.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Да, но она была мерзкой. — Честно говоря, я ем фрукты только для того, чтобы свести его с ума. Мне кажется восхитительным, как его это пугает. — Ты милый. Ты знаешь это? — говорю я, пихая его бедро своим.

— Ни хрена я не милый, — ворчит он. — Кролики — милые. Щенки и котята — очень милые. Я — определенно нет.

«Нет. Ты прекрасен. Внутри и снаружи».

— Верно. Ты больше похож на медведя. Но милого, пушистого медведя, который оторвет кому-нибудь голову, если он подойдет к тебе слишком близко.

— Уже лучше. Ненамного, — бормочет он, хмуря брови. — Так ты собираешься, наконец, открыть этот чертов подарок?

— А я должна? Ты ведь не сказал, что он для меня. Только, что это подарок, — я мило улыбаюсь ему.

— Умничаешь. — Он улыбается мне глазами. — Конечно, он для тебя. А теперь, может, просто уже откроешь его? О, и к твоему сведению, Рыжая, он не съедобный.

— Обхохочешься. — Открываю крышку коробки и заглядываю внутрь.

«Ох, боже мой».

— Это сделал ты? — спрашиваю, хоть и знаю, что он. В этом произведении искусства чувствуется его рука.

— Это светильник, — говорит он, будто мне требуется пояснение. — Для ребенка. Но если тебе не нравится, все в порядке. Я не обижусь.

— Не нравится? — Оторвав взгляд от светильника, смотрю на него. — Мне нравится, Ривер. Очень. Спасибо.

Кончики ушей у него краснеют. Так бывает, когда он нервничает или смущается.

— Хочешь, чтобы я его сейчас повесил?

— Да, — отвечаю с готовностью.

Жду, пока Ривер достанет отвертку. Наблюдаю, как он снимает старый подвесной светильник, а затем осторожно достает из коробки свой и присоединяет его к проводам, прежде чем прикрутить к потолку.

— Может, мне его включить? — спрашивает он.

Киваю, глядя на него.

Он щелкает выключателем, и светильник оживает. Не то чтобы он уже не был живым от смещения цветов. В нем, должно быть, сорок разных стеклянных шаров, всевозможных размеров, висящих на тонких, металлических проводках, и там, где на них падает свет, они переливаются множеством цветов. Мириадами оттенков красного, зеленого, желтого, оранжевого и синего.

Это самое удивительное, что я когда-либо видела.

Он делает шаг ко мне.

— Пойдет? — спрашивает он с неуверенностью, которая, как я узнала, ему присуща.

При всей своей дерзости и бравате Ривер также невероятно не уверен в себе и застенчив.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Он прекрасен. Олив будет в восторге. Мне нравится. — Я прижимаю руку к груди.

Он улыбается, и это ослепляет. Сердцу становится тесно в груди, такое чувство, что оно увеличилось втрое.

Мы с Ривером редко прикасаемся друг к другу. Не знаю, сознательно ли это с каждой из наших сторон, но мы попросту так не поступаем.

Ни один из нас не фанат проявления чувств через касание. Но я хочу, чтобы он знал, как много это для меня значит. Что он нашел время сделать это для Олив.

Поэтому приподнимаюсь на цыпочки и, поцеловав его в щеку, обнимаю за плечи.

— Большое спасибо, Ривер, — шепчу я ему на ухо. — Это лучший подарок, который я когда-либо получала.

Он не обнимает меня в ответ. Чувствую, как по его телу пробегает дрожь. Не зная, что это значит, я отпускаю его и делаю шаг назад.

— Извини, я просто...

— Нет, — тихо говорит он.

Потянувшись ко мне, он ловит меня за руку.

Наши взгляды встречаются. На этот раз глаза у него беззащитные. Я вижу их насквозь, и они говорят мне все, в чем я не была уверена.

Ощущаю дрожь его руки, когда он поднимает мою и кладет себе на грудь. На сердце.

Я распрямляю ладонь. Чувствую, как под твердой грудью колотится сердце.

— Ты заставляешь его биться сильнее, — хрипло говорит Ривер.

Мой желудок трепещет, и я не могу сказать, это из-за ребенка или него. Но, определенно, из-за него мое сердце пускается вскачь, устремляясь за его ритмом.

Он отпускает мою руку. Нежно проводит костяшками пальцев по моей щеке. Большим пальцем прокладывает дорожку по моим губам. У меня перехватывает дыхание.

Я слатываю.

Нежность его прикосновения... Напряженность момента почти ошеломляет.

Почти.

— Рыжая, — шепчет он, наклоняясь ко мне.

Поцелуй в лоб. Едва заметный. Его щетина касается моей кожи. Она мягче, чем я думала.

Я закрываю глаза.

Губы нежно прижимаются к моему виску.

К щеке.

Челюсти.

Его нос задевает мой.

Чувствую на губах его теплое дыхание.

— Кэрри.

Я открываю глаза. Он смотрит прямо в них. Темные глубины широко распахнуты навстречу мне, как никогда раньше.

Затем он их закрывает.

И прижимается губами к моим губам.

Нежнейшим из прикосновений.

Касается моих губ.

Раз. Другой.

Я вздыхаю, приоткрывая губы.

Его язык скользит по ним.

Я впиваюсь пальцами в его рубашку.

— Господи, Кэрри, — стонет он.

Я чувствую этот стон повсюду.

Ривер обхватывает мое лицо своими большими искусными ладонями и вжимается в мои губы.

Пальцами ног я впиваюсь в ковер.

Он целует меня одновременно крепко и нежно.

Целует так, словно это все, чего ему когда-либо хотелось.

Прикасается ко мне с благоговением.

Словно это важно.

Словно я важна.

Затем Олив решает попинаться. И я имею в виду, как следует. Ривер это чувствует.

Он усмехается мне в губы.

— Дерзкая, как и ее мамочка.

— Дерзкая? — спрашиваю я.

— Определенно.

Рукой он скользит по моим волосам, отчего я опускаю голову ему на грудь. И обнимаю его за талию.

— Кэрри... — говорит он тихим голосом, наполненным чем-то, от чего мое хорошее настроение мгновенно сдувается.

— Не надо... — тихо отвечаю я. — Не порть момент.

Что он и делает.

Больше не произнося ни слова.



Кэрри

Ривер везет нас в город, чтобы у меня была возможность пройтись по магазинам и купить коляску. Я могла бы пойти одна, но он сказал, что хочет отправиться со мной. Полагаю, он беспокоится о том, что я вожу машину на таком сроке.

Я на седьмом месяце. Олив размером с капусту. Из той, что мне принес Ривер, я приготовила салат. Он, естественно, отказался его есть.

Он такой странный.

Прошло семь недель с момента, как Ривер меня поцеловал. И ничего.

Он не говорил об этом и не делал никаких попыток повторить то же самое.

Как и я.

Но каждую ночь я все равно засыпаю с ощущением его губ.

Не знаю, почему он не поцеловал меня снова. Я все еще чувствую притяжение между нами, и после поцелуя оно только усилилось.

Трудно держать свои чувства в узде, когда я рядом с ним так часто, как сейчас, и когда гормоны во мне бушуют так, как сейчас.

Но он предпочитает игнорировать то, что происходит между нами. Или нет, в зависимости от обстоятельств. А значит, я поступаю также.

Видимо, это из-за беременности. Причина, по которой он не поцеловал меня снова.

И я могу это понять.

Я ношу ребенка от другого мужчины. Мужчины, о котором Ривер понятия не имеет.

Естественно, он не хочет вступать со мной в романтические отношения.

Потому что свяжет себя не только со мной.

Но и с ребенком тоже.

Нет, лучше оставаться просто друзьями.

Мне нужно сосредоточиться на том, что я очень скоро стану мамой. Отсюда и покупка коляски.

— Рыжая, ты в порядке? — Глубокий голос Ривера разносится по салону грузовика. — Ты что-то притихла. А ты никогда не молчишь.

Я улыбаюсь ему.

— Просто немного устала. В закуской сегодня было много народу.

— В закуской всегда полно народу. Ты не должна работать до родов.

— У меня только шесть недель оплачиваемого отпуска по беременности и родам, так что это все, что я могу себе позволить. — И это очень хорошо, потому что в

большинстве мест вообще не платят декретный отпуск, но, к счастью, у меня потрясающий босс. — И я хочу провести эти шесть недель с ребенком, прежде чем мне придется вернуться на работу. Но я предпочитаю пока об этом не думать. Ривер фыркает, но больше на эту тему ничего не говорит.

Он паркуется на стоянке рядом с детским магазином, и мы выбираемся из грузовика.

После изучения ассортимента колясок в Интернете я довольно хорошо представляю, что мне хочется, поэтому мы не должны пробыть здесь слишком долго. Я в курсе, как мужчины не любят ходить по магазинам, и, полагаю, Ривер — не исключение.

Как только купим коляску, я поинтересуюсь у Ривера, не хочет ли он поужинать где-нибудь. Я очень голодна, и не отказалась бы сейчас от пиццы.

Ривер придерживает для меня дверь магазина, и я захожу внутрь.

«Святые коляски! Их тут целая тьма».

— Пожалуйста, скажи мне, что ты точно знаешь, какую коляску хочешь, — говорит Ривер мне на ухо.

Я сдерживаю дрожь.

Встречаюсь с ним взглядом.

— Есть одна идея.

— Слава богу.

Он выдыхает, и я тихо смеюсь.

— Мне нужна прогулочная коляска, — говорю я, когда мы подходим к коляскам.

— Ее можно купить в комплекте с автокреслом. Оно крепится к коляске. И очень легкое.

— Прогулочная коляска с автокреслом. Понял. Сюда. — Ривер указывает на табличку с надписью «Прогулочные коляски».

Мы идем туда. Он шагает в моем медленном, ковляющем темпе, положив руку мне на поясницу и направляя меня.

Все чувства и нервные окончания в теле сосредоточены на единственном месте, к которому прикасается его рука.

— Итак, ты хочешь какую-то конкретную фирму? — спрашивает он, отодвигаясь, чтобы взглянуть на красную коляску, и его рука покидает мою спину.

Я несколько не разочарована.

Ладно, самую малость.

— Была одна, я видела в Интернете. «Nuna». Она серая... нашла. — Я в восторге хлопаю в ладоши. Она выглядит такой же замечательной, как и в Интернете. — Очень милая. — Дорогая. Но того стоит. — А ты как считаешь?

Ответа нет.

— Ривер? — Перевожу взгляд с коляски на него, а он смотрит в противоположную сторону. — Ривер, — произношу тверже, но он, кажется, все еще меня не слышит, хотя стоит совсем рядом.

Смотрю в ту сторону, куда направлен его взгляд. Все, что я вижу, — это люди, разглядывающие коляски.

— Ривер! — выкрикиваю я, чтобы привлечь его внимание, и это срабатывает.

Его глаза скользят ко мне.

— Чего? — рывкает он, заставляя меня отступить на шаг.

Мои глаза расширяются от удивления.

— Я с тобой разговаривала.

— И?

Он ведет себя как задница. Давненько я этого не видела.

— И ты меня игнорировал. На что ты смотрел?

— Ни на что.

— Не похоже на ничто, — бросаю я вызов.

Все его тело окаменело. Как натянутая струна. А кулаки стиснуты по бокам.

Что-то или кто-то напугал его.

И мне это не нравится. Я волнуюсь.

Оглядываюсь через плечо в том направлении, пытаюсь понять, что его так взбудоражило.

— Ты кого-то увидел? Может, из своего... прошлого? — спрашиваю тихо.

Учитывая, что я ничего не знаю о его прошлом, это довольно сложный вопрос. Но я не жду ответа. Всего лишь хочу, чтобы он знал, — мне не все равно. Что я рядом.

— Хватит совать нос в мои дела, — говорит он тихо и резко. — О которых ты, бл*дь, ровным счетом ничего не знаешь. И купи эту гребаную коляску, ради которой сюда и приехала.

«Придурок».

Слезы жгут глаза.

Ненавижу гормоны беременности. От них мне гораздо проще начать плакать, чем обычно.

Прикусив щеку изнутри, чтобы сдержать слезы, возвращаюсь к коляске, уже не в настроении делать какие-то покупки.

Главное, чтобы Олив была в безопасности.

Замечаю проходящего мимо работника магазина и машу ему рукой, чтобы привлечь его внимание.

— Чем могу помочь? — спрашивает он, с доброй улыбкой подходя ко мне.

По крайней мере, хоть кто-то сейчас добр.

В отличие от большой лошадиной задницы позади меня.

— Да. Я бы хотела приобрести эту коляску. — Я похлопываю по ней рукой.

— Конечно. Распоряжусь доставить вам ее к кассе.

— Спасибо. — Я ухожу в направлении к кассам, даже не потрудившись посмотреть, идет ли за мной Ривер.

Расплачиваюсь за коляску. Ривер несет ее к грузовику и укладывает в багажник.

Мы садимся в машину, и он выезжает на дорогу.

Кажется, он погружен в собственный мир. Весь на взводе.

Дорога домой скрыта молчанием, заполненным только звуками радио. Уткнувшись в телефон, играю в какую-то игру. Чувствую себя одновременно раздраженной, расстроенной и смущенной его поведением.

Риверу не чужды перепады настроения. Но эта перемена возникла из ниоткуда.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Он подъезжает к моему дому. Вылезает из грузовика и, прежде чем я успеваю отстегнуть ремень безопасности, вытаскивает коляску из багажника.

Я направляюсь к входной двери и отпираю ее.

Меня, как всегда, встречает Бадди.

— Привет, Бад. — Я посылаю ему воздушный поцелуй.

С размером моего живота, наклониться, чтобы его погладить, в данный момент — не вариант. Честно говоря, не думаю, что снова встану, если попытаюсь наклониться.

— Куда это? — раздается за моей спиной сердитый голос Ривера:

Я вздрагиваю от его тона после того, как весь последний час он молчал.

— В комнату Олив, пожалуйста.

Я ковыляю к дивану, опускаюсь на него и сбрасываю туфли. Бадди запрыгивает на диван и прижимается ко мне. Принимаюсь гладить его шерстку.

Слышу в коридоре топот ботинок Ривера. Несмотря на то, что сейчас он ведет себя как задница, мы ужинаем вместе почти каждый вечер, а я умираю с голоду.

Поэтому, я спрашиваю:

— Сегодня хочешь заказать или...

Звук захлопнувшейся входной двери заставляет меня замолчать.

Я поворачиваю голову к закрытой двери.

«Он что, просто ушел?»

Встав с дивана, что в нынешние дни требует некоторых усилий, ковыляю к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как грузовик Ривера сворачивает на улицу и уезжает.



Ривер

Я сижу в грузовике через дорогу, немного дальше от дома, за которым наблюдаю.
Наблюдаю и жду возвращения его обитателя.
Достав из центральной панели коробку с сигарами, достаю одну, отрезаю гильотиной кончик и закуриваю.
Глубоко вдохнув, втягиваю в себя дым.
Бабушка курила сигары. Каждый вечер после ужина она сидела на заднем крыльце, курила сигару и пила виски.
Я люблю запах сигар. Мне он напоминает бабушку. Дом. Единственное место, где я был в безопасности.
Вот почему я до сих пор живу в этом чертовом доме. Почему после смерти бабушки не могу заставить себя переехать.
Потому что это единственное место, где я когда-либо чувствовал себя по-настоящему защищенным после того, как этот больной ублюдок-отчим убил во мне все чувство безопасности.
Он забрал у меня все.
Кроме бабушки. И дома.
Но этого ему никогда не отнять.
Сексуальные хищники заботятся только об одном — о себе и своих больных, е*анутых желаниях.
Их не волнует разрушение, которое они оставляют после себя.
Они чертовы монстры.
И никогда не обманывайтесь, думая, что знаете, как выглядит один из этих больных ублюдков.
Они не похожи на старых, грязных, скользких, потрепанных мужиков, какими, какими, мы полагаем, они должны выглядеть.
Это мужчины и женщины любого возраста, любой внешности и любой профессии. Продавец в местном магазинчике или человек, который чинит вашу машину. Врач, которого вы посещали годами. Человек, которому вы доверяете воспитание своего ребенка. Ваш дантист. Парень, который упаковывает вам продукты. Или женщина средних лет, с которой вы посещаете занятия по зумбе.
Им может оказаться ваш лучший друг, тетя, дядя, мать, отец или гребанный отчим.
Они существуют и могут быть кем угодно.
Они выглядят точно так же, как мы.
Монстры в повседневной одежде.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Я всегда думаю о них, как о персонажах из книги Роальда Даля «Ведьмы».

Обычные люди, пока не спадают маски.

Больной ублюдок, которого я жду, когда-то был педагогом. Воспитателем в детском саду.

Вы, конечно, скажете, прежде чем нанимать, детский сад проводит проверку анкетных данных в отделе информационных служб уголовного правосудия, чтобы убедиться в отсутствии судимости у кандидата на должность.

Конечно, проводят. Но все это означает лишь то, что либо они еще никого не обидели, либо их еще не поймали.

И этот ублюдок был из последних.

Родители доверили своих детей монстру в штатском.

Он воспользовался их доверием в своих интересах, чтобы получить желаемое. В свою очередь, разрушив жизни двух маленьких мальчиков и их семей.

Он создал больше таких, как я.

Мальчиков, которые вырастут в мужчин с таким количеством боли и обиды, что будут не в силах понять, как с ней справиться.

Надеюсь, эти ребята смогут двигаться дальше. Жить полной жизнью. Любить и быть любимыми.

Увы, такое не для меня.

Я едва функционирующий человек.

Меня поддерживает одно — то, чем я сейчас занимаюсь. Это дает мне цель. А искусство выдувания стекла, которому научила меня бабушка, помогает сохранять спокойствие.

И Рыжая. Она — бальзам для моих зияющих ран.

О чем я даже и не подозревал.

Одно лишь ее присутствие приносит покой и умиротворение.

Даже когда мы не согласны друг с другом.

Жизнь без нее сейчас была бы... тяжелой.

Она, вероятно, удивляется, почему я ее оставил.

Завтра утром я нанесу ей визит. Придумаю какое-нибудь дурацкое оправдание.

Ей не нужно об этом знать. Не нужно больше ничего обо мне знать. Она и так осведомлена о моей маме больше, чем мне бы хотелось.

Но, как ни странно, ее отношение ко мне не поменялось.

Зато я постарался его изменить. Какое-то время все портил. И мне чертовски повезло, что она дала мне еще один шанс.

Просто... мне нравится, как она на меня смотрит. Как обращается со мной. Будто я нормальный.

Я не хочу, чтобы что-то когда-то это изменило.

Но когда я увидел его сегодня в магазине... магазине полном детей и их родителей... мне захотелось на него наброситься и вырвать его мертвое сердце из груди.

Единственная причина, по которой я этого не сделал, заключалась в том, что я был с Рыжей.

Он меня не видел.

Но очень скоро это изменится.

Когда два месяца назад он вышел из тюрьмы, я дал ему о себе знать.

Он отсидел всего два гребаных года, прежде чем его снова выпустили на свободу.

И вот тут-то в дело вступил я.

Разыскав его, сказал, что буду за ним следить. Предупредил, чтобы он не распускал лапы.

Очевидно, он не обратил на это внимания.

«Тупой х*й».

Итак, я вернулся сюда напомнить ему, что произойдет, если я когда-нибудь увижу его рядом с детьми.

Я чувствую, как по венам струится гнев. Глубоко затягиваюсь сигарой, сжимая свободную руку в кулак, впиваясь ногтями в кожу, пока не чувствую, как она рвется. Тонкая струйка крови немного меня успокаивает.

В салоне раздается звонок одноразового телефона, который я держу в грузовике.

Я знаю, кто это. Маркус. Единственный, у кого есть этот номер.

Я член группы под названием «Мстители несправедливости».

Маркус — ее глава. Основатель. А еще фанат Марвел, отсюда и название группы.

Я обнаружил их совершенно случайно, просматривая социальные сети, когда мне было девятнадцать.

Некоторые могут назвать нас инициативной группой.

Я же называю нас — противоядие от болезни.

Просмотр видео, которые они выложили, показывая, как заманивают в ловушку и ловят сексуальных хищников, прежде чем им предоставляется хотя бы малейший шанс причинить кому-либо вред, дал мне чувство, которого я никогда не испытывал ранее... что, если бы мне удалось это сделать, то я смог бы что-то изменить. Смог бы предотвратить плохие вещи.

Помню, как дрожащей рукой набирал сообщение в группу на страничке социальной сети.

Через час мне ответил человек по имени Маркус Норт.

Он спросил, чем бы я хотел помочь. Я ответил, что расставлять ловушки меня не интересует. И съемки видео, когда ты сталкиваешься с этими больными ублюдками, а затем выкладываешь это в социальные сети, тоже. Но я хотел помогать в другом. Останавливать проблему до того, как случится непоправимое.

Маркус спросил, можем ли мы поговорить оффлайн.

Мне стало любопытно, и я согласился.

Набрал номер, который он мне дал.

Именно тогда Маркус сказал, что у них есть работа, которую я могу выполнять.

Но эта работа неофициальная. Потом он все объяснил.

Не колеблясь, я согласился.

И моя жизнь, наконец, обрела смысл.

У меня была цель.

Так я стал палачом.

Я сдерживаю тех, кто не хочет останавливаться.

Тех, кто не хочет слушать.

И убеждаюсь, чтобы они слушали.

Делаю все, что в моих силах.

Я крупный парень. Могу выглядеть страшным ублюдком, когда это необходимо. Но если бы вы спросили Рыжую, она бы сказала, что я милый. Я не милый. Только для нее.

Я знаю, каково это — быть перепуганным ребенком, подвергающимся ужасам в руках одного из этих больных ублюдков.

Я подхожу для этой работы в самый раз.

В социальном аспекте группа занимается ловлей на живца — изображает в Интернете детей, чтобы поймать хищников, устраивает встречу, а затем появляется с камерами и снимает их, после чего публикует видео в Интернете. А затем распространяет подробности о местных хищниках в своих районах. Они понятия не имеют о палачах.

Не все согласятся с тем, что я делаю. На настоящий момент у нас есть тридцать палачей по всей стране. Никто друг друга не знает. Так лучше. Но к нам присоединяются и становятся палачами многие. Из-за таких больных ублюдков, как мой отчим, и мужчин и женщин, за которыми мы следим, подобных мне в мире больше, чем хочется думать.

Маркус знает, кто я.

Но мы никогда не используем наши настоящие имена.

Я Палач №9. Или П9, как зовет меня Маркус.

С тех пор как я к ним присоединился, Маркус нанял еще двадцать одного палача.

Еще двадцать один сломленный человек, наподобие меня, из-за таких больных ублюдков, как тот, которого я поджидаю.

Хватаю с пассажирского сиденья сотовый и отвечаю.

— Он уже показался? — разносится по линии хриплый голос Маркуса.

Я позвонил ему сразу после того, как благополучно доставил Рыжую домой, чтобы сообщить, чем занимаюсь. Я всегда связываюсь с Маркусом, когда выхожу на одного из этих больных ублюдков.

Маркусу Норту за тридцать. Не женат. Детей нет. И он такой же запутавшийся, как и я. Он основал группу, когда ему было чуть за двадцать. Полагаю, защитный механизм. Не то чтобы он когда-нибудь рассказывал мне о своем прошлом. Да я и не спрашивал.

Но человека, несущего то же бремя, что и вы, узнать достаточно легко.

То же я вижу в Рыжей. И это до усрачки меня пугает.

— Нет, — отвечаю, гася сигару о коробку. Засовываю ее обратно, чтобы докурить позднее.

— Ты точно уверен, что это был он?

— Сто процентов.

Я не забываю лиц этих больных ублюдков. Каждое из них выжжено в моей памяти. Как и моего отчима, его лицо я буду помнить всегда.

Маркус вздыхает.

— Он доставит проблем, ты же знаешь.

— Знаю.

К дому, засунув руки в карманы, приближается темная фигура.

— Он здесь. Надо идти.

— Делай, что необходимо. Перезвони, когда все будет готово.

Я бросаю мобильник на пассажирское сиденье. Схватив бейсболку, надвигаю ее низко на глаза. Затем останавливаюсь, мой взгляд падает на гильотину для сигар. Я беру ее и опускаю в карман.

Выйдя из машины, растворяюсь в тени и быстро пересекаю улицу. Широкие шаги легко покрывают пространство между мной и ним.

Сердце в груди бешено колотится. Адреналин бежит по венам. Я готов. Так чертовски готов к этому.

Обхожу дом. Проскальзываю через заднюю калитку в сад.

Бесшумно ступаю по тропинке, ведущей к задней двери.

Кухня погружена в темноту.

Пытаюсь проникнуть через дверь. Заперто.

Мне требуется меньше тридцати секунд, чтобы ее открыть.

Беззвучно проскальзываю в дом, закрывая за собой дверь.

Слышу в гостиной рядом телевизор.

Раздается звук спускаемой в унитаз воды. Он в ванной на первом этаже.

Неслышно иду в том направлении. Для крупного парня я могу двигаться тихо, когда захочу.

Годы практики казаться невидимым рядом с отчимом, когда я был ребенком.

Не то чтобы это имело какое-то значение.

В общих чертах я знаком с планировкой дома этого мудила. Маркус прислал мне план дома по электронной почте, пока я сидел снаружи и ждал.

Дверь в ванную открыта.

Он стоит перед раковиной и моет руки. Голова опущена.

Я вижу себя в зеркале над его головой.

Стараюсь на себя не смотреть.

Жду, когда он поднимет глаза и увидит меня.

Он вскидывает голову и бледнеет.

— Помнишь меня? — я злобно улыбаюсь ему в отражении зеркала.

Он двигается быстро, хватаясь за дверь, чтобы ее захлопнуть.

Я быстрее.

С силой распахиваю дверь.

Он отлетает на туалетный столик.

— Я ничего не сделал! — кричит он.

Я склоняю голову набок.

— Ты в этом уверен?

— Ничего! Клянусь!

Я сообщаю название магазина, где его видел.

Его лицо наполняет страх.

Мое — справедливость.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Я же говорил, что буду наблюдать. — Поворачиваюсь и закрываю за собой дверь ванной, запирая ее. — А ты не слушал. Итак, пришло время для нас с тобой провести вторую часть нашей маленькой беседы.

— Нет, нет! — кричит слабый, жалкий, больной маленький ублюдок, скользя вдоль туалетного столика. — Да, я был там! Но я ничего не сделал. Клянусь! Я только смотрел. Я никого не трогал, клянусь!

«Только смотрел».

«— Это твоя вина, Ривер. Ты заставляешь меня это делать. Ты такой красивый. Я ничего не могу с собой поделаться. А теперь помолчи. Больно будет только минутку. Я крепко зажмурился.

Меня здесь нет. Я в другом месте. В безопасном месте.

Только не смотри, Ривер. Не открывай глаза. Скоро все закончится».

К горлу подступает желчь. Я сглатываю.

Хватаю больного ублюдка за толстую мясистую кисть и тащу к себе.

Теперь он плачет.

А я ничего не чувствую.

Склонившись над ним, приближаюсь к его лицу. Теперь он плачет еще сильнее.

Весь побелел от страха.

«Чертов слабак».

Он может причинять боль, но не может ее терпеть.

Я улыбаюсь. Улыбка выходит кривой. Хотел бы я сказать, что играю. Но это не так.

Потому что знаю, мне это понравится.

— Не волнуйся, — говорю я ему, доставая из кармана гильотину для сигар. Крепче сжав его кисть, отделяю толстый мизинец. — Больно будет только минутку.

«В отличие от пожизненной боли, которую ты причинил тем двум мальчикам», — думаю я, смыкая гильотину на кончике пальца.



Кэрри

Никак не могу уснуть. Я просто ошарашена поведением Ривера. И, честно говоря, я за него беспокоюсь. Я даже попыталась дозвониться ему на мобильный, чтобы узнать, как он, но, конечно же, трубку никто не взял, а я не потрудилась оставить сообщение.

К тому же Олив, похоже, тоже не в настроении спать. Она беспокойна. Сегодня ночью она двигается не переставая.

И теперь я даже называю Олив «она». Во всем виноват Ривер.

Я сижу на диване, а Бадди крепко спит рядом и храпит. Невидящим взглядом смотрю в телевизор, мысли витают где-то далеко, и все они о Ривере.

Даже вид Дэвида Бореаназа в повторе «Баффи — истребительница вампиров», который идет на экране, не может отвлечь меня от мыслей о Ривере.

Это расстраивает. И раздражает.

Я даже не думаю о том, что через шесть часов должна быть на утренней смене в закусочной.

«Ох».

Слышу низкий рев проезжающего мимо моего дома автомобиля.

«Ривер».

Выкарабкиваюсь из дивана и во второй раз за этот вечер смотрю в окно.

Вижу, как его грузовик въезжает на подъездную дорожку, как он вылезает из машины и направляется к своему дому.

Ну, по крайней мере, он жив.

Хотя, возможно, когда я с ним закончу, это изменится.

Обычно я никогда не спрашиваю Ривера о том, что связано с его жизнью, потому что не хочу, чтобы он совал нос в мою жизнь, но по какой-то причине этим вечером меня тошнит от секретов.

Я хочу знать, что произошло сегодня в магазине.

Хочу знать, почему он бросил меня здесь и уехал, будто его задница полыхала в огне.

Хочу знать, где его носило все это время.

И я хочу знать все это потому, что он мне небезразличен.

До того как успеваю передумать идти туда, натягиваю кардиган поверх пижамы и засовываю ноги в кроссовки.

— Скоро вернусь, — говорю я Бадди, когда он поднимает голову с дивана, чтобы посмотреть, куда я собралась.

Выйдя через парадную дверь, преодолеваю небольшое расстояние до дома Ривера.

Я даже не утруждаю себя стуком. Открываю дверь и захожу. Я так завелась.

В гостиной его нет. Вижу, что на кухне горит свет, и иду туда.

Он стоит у раковины, спиной ко мне.

— Рыжая, ты забыла, как стучать?

Он услышал, как я вошла. Ну, я и не особо скрывалась.

— Ох, не морочь мне голову, — огрызаюсь, не в настроении сейчас с ним спорить.

— Ты сам никогда не стучишься в мой дом. Простоходишь, если дверь не заперта. И если не хочешь, чтобы я входила в твой, тогда запирай эту фиговую дверь.

Он оглядывается на меня через плечо.

Выражение его лица потрясает меня. Глаза выглядят... мрачно-примитивными. Почти сексуальными. Лицо покраснело. Кожа блестит, будто он только что сделал какое-то физическое усилие. А волосы взъерошены, словно он неоднократно проводил по ним руками.

Или, возможно, кто-то другой.

Результат, который складывается у меня в голове из всех аспектов его внешности, мне не нравится.

«Он был с женщиной?»

Грудь болезненно сжимается.

Я слатываю.

— Где ты был? — В тишине кухни мой спокойный голос звучит чересчур громко.

Он разворачивается обратно к раковине и закрывает кран. Тянется за полотенцем и вытирает руки.

Затем поворачивается ко мне.

Я сразу же замечаю кровь, и все мысли о нем и другой женщине исчезают.

— О боже! — восклицаю я, подходя к нему. — Ты ранен? Что случилось?

Он хмурится. Затем бросает взгляд на свою белую футболку. На следы крови на ней.

Вновь поднимает на меня глаза, и мне не нравится то, что я в них вижу.

Все те вещи, которые я только что сложила в уме, были ошибочны. До безумия ошибочны.

Добавьте сюда кровь, и вы получите совершенно другой сценарий.

Жестокий сценарий.

Внутренний инстинкт и опыт заставляют меня отступить на шаг.

Он хмурится еще сильнее.

— Ничего не случилось. Я в порядке. — Он заводит руки назад и стягивает футболку через голову. Смяв ее в комок, бросает в мусорное ведро.

Направляется ко мне. Я инстинктивно отступаю в сторону, давая ему пройти.

— Не делай этого, — тихо говорит он, останавливаясь передо мной.

— Не делать, чего? — шепчу я.

— Не веди себя так, будто боишься меня.

— Может, я боюсь.

Темные глаза впиваются в мои.

— Ты же знаешь, я ни за что не причиню тебе вреда.

— Знаю?

Он сжимает губы так, что вокруг рта образуются заломы.

— Полагал, что знаешь. Очевидно, я ошибался.

— А что я должна думать? В магазине ты вел себя странно. Отвез меня домой, а потом, не сказав ни слова, испарился вместе с грузовиком. Вернулся после полуночи, смываешь с рук то, что, как я могу предположить, является кровью, судя по тому, что она была на твоей рубашке.

— Ты должна думать, что за все то время, что мы знакомы, я ни разу не обидел тебя.

— Только мои чувства, верно, Ривер? Не физически, но для тебя это нормально.

Он вздыхает.

— Ты же знаешь, я сожалел об этом.

— Да, знаю. И знаю, что твои действия проистекают из того, что произошло с тобой в прошлом. Но я не знаю всей истории. Поэтому и не знаю, на что еще ты способен.

Раньше я никогда бы так о нем не подумала. Но после сегодняшнего все изменилось.

— Это низко, Рыжая.

Я вздергиваю подбородок.

— Нет. Это правда. Ты хочешь, чтобы я поверила, что ты никогда не причинишь мне физической боли? Тогда скажи, куда ты ездил сегодня вечером. Откуда взялась кровь? Или чья она?

Его глаза темнеют до черноты, брови хмурятся.

— Почему ты переехала сюда, Кэрри? Кто отец твоего ребенка?

Я захлопываю рот. Прижав руки к груди, пытаюсь отогнать холод, который чувствую внутри.

— Так я и думал. — Он издает невеселый смешок. — Я ни хрена о тебе не знаю, Кэрри. И ни хрена у тебя не спрашиваю. Так что, мать твою, не приходи сюда, в мой дом, требуя рассказать, где я был и что делал, когда не хочешь ничего рассказывать о себе. Мы не говорим о серьезном. Вот как это устроено между мной и тобой. — Он водит пальцем между нами.

Я отступаю еще на шаг, готовая развернуться и уйти отсюда.

Потом передумываю.

И делаю шаг вперед.

— Ты прав. Я прошу тебя рассказать о себе то, что ты, вероятно, никогда и никому не рассказывал. И все это время ты ничего обо мне не знал. Ничегошеньки. И это глупо. Потому что мы должны узнать друг друга. Я хочу узнать тебя, потому что ты мне небезразличен, Ривер. Итак, вот она я — вся, как на ладони. — Я развожу руками.

— Я была замужем семь лет. И я по-прежнему замужем. Мой муж — детектив полиции... — Вижу, как в глазах Ривера вспыхивают эмоции, которые, как я знаю, связаны с его отчимом. — Да, верно, я замужем за полицейским. С которым

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

никогда не смогу развестись, потому что не могу рисковать тем, что он узнает, где я, иначе убьет меня. Без сомнения. Потому что за маской хорошего полицейского, которую он носит для остального мира, скрывается больной, жестокий садист, который почти каждый день все семь лет, что я с ним была, избивал и насиловал меня до потери сознания. — Я проглатываю воспоминания, от которых покалывает кожу.

— А когда я узнала, что беременна, то сбежала. Украла его грязные полицейские деньги. Взяла новую личность. Изменила цвет волос. Забралась в автобус, который привез меня сюда, и стала Кэрри Форд. Вот почему я не хочу находиться рядом с насилием, Ривер. Потому что я жила в нем. И рисковала жизнью, чтобы от него сбежать. Потому что я подарю своему ребенку лучшую жизнь, чем та, что была у меня, чего бы мне это ни стоило. Я больше не буду рядом с насилием ни в каком виде, ни в какой форме. Я не позволю, чтобы оно запятнало жизнь моего ребенка. Вот почему я спрашиваю, где ты был сегодня вечером, и откуда взялась кровь. И спрошу в последний раз... — Делаю глубокий вдох. — Где ты был сегодня вечером, Ривер?

Я жду.

Сердце подкатывает к горлу. В груди стучит. В ушах шумит кровь.

Но ответа от него так и нет.

Поэтому я делаю единственное, что могу.

Ухожу, не оглядываясь.



Кэрри

Я не сижу и не жалею себя. Я больше не такая.

Когда я оставила свою несчастную жизнь позади, то приняла сознательное решение никогда больше не быть несчастной. Я провела уже достаточно лет в печали.

Поэтому решила быть оптимисткой. Быть счастливой.

Я никогда больше не буду по-настоящему грустить. Даже когда по ночам плохие воспоминания проникают в сны и превращают их в кошмары, я не чувствую печали. Я просто прячу их в коробку и крепко запираю.

Потому что эти воспоминания — больше не моя жизнь.

Я больше не Энни.

Я Кэрри.

А Кэрри счастлива. Она сильная и храбрая. Она — все, чем я когда-либо хотела быть.

Но сейчас я ничего этого не чувствую.

И я определенно не счастлива.

Я все рассказала Риверу. Доверила ему самые сокровенные, самые темные тайны, а он ничего не сказал.

Ничего.

Так что, да, сердцу больно.

И с тех пор, как больше часа назад я вышла из его дома, только и делала, что лежала на диване — на боку, конечно, потому что, если я лягу на спину, то, вероятно, никогда больше не встану — и, слушая грустную музыку, ела шоколадные крендельки. Даже Бадди не смог вытерпеть мою вечеринку жалости к себе и убежал в спальню.

Когда «Ночь, когда мы встретились» Lord Hugo только что закончилась, а ей на смену пришла «Молитва» Кеши, раздается стук в дверь.

Он тихий, но достаточно громкий, чтобы я услышала.

Я знаю, что это Ривер. Потому что никто больше не будет стучать в мою дверь после часа ночи.

Но я не открою. И определенно не позволю ему войти.

Положив в рот еще один шоколадный кренделек, медленно жую.

— Рыжая, это я, — доносится из-за двери его низкий голос.

— Знаю. Поэтому и не открываю, — отвечаю я.

— Кэрри... я просто... мне нужно с тобой поговорить. Со мной ты в безопасности. Обещаю. Я никогда не причиню тебе вреда. Но если ты не чувствуешь себя в безопасности со мной, что я полностью понимаю, тогда напиши Сэди и скажи ей, что я у тебя.

Заставляю себя сесть прямо. Это требует некоторых усилий. Потом встаю и подхожу к двери.

— И зачем мне это делать? — спрашиваю я.

— Тогда, если я что-нибудь сделаю, копы поймут, что это я тебя обидел.

— Я бы предпочла не рисковать. Спасибо.

— Пожалуйста, Кэрри. — Слышу, как он головой ударяется о дверь. — Я просто... бл*дь, мне просто нужно тебя увидеть. То, что ты мне рассказала...

— Забудь об этом.

— Не могу. Я не могу выбросить эти образы из головы. — Он говорит так, словно испытывает физическую боль. — Мне просто нужно знать, что ты в порядке.

Я обхватываю себя руками.

— Я в порядке.

Делаю еще один шаг к двери, пока не оказываюсь рядом с ней. Слышу с другой стороны его дыхание.

— А я нет, — тихо отвечает он.

Не знаю, хочет ли он, чтобы я его услышала, или нет. Но именно эти слова заставляют меня потянуться к ручке и отпереть ее.

Приоткрыв дверь, смотрю на него через щель.

Он выглядит ужасно.

От него пахнет сигарным дымом. Это еще больше ослабляет мою решимость.

— Привет, — тихо говорит он.

В его дыхании я улавливаю запах алкоголя.

И мне это совсем не нравится.

— Ты выпил.

— Что? Черт. Да, но я не пьян. Я выпил один стакан виски. Я всегда пью его и выкуриваю сигару перед сном. Ты же знаешь.

Это правда. Я это знаю.

— Ладно, — говорю я. — Тогда почему ты сейчас не в постели?

— Рыжая... — Темные брови сходятся на переносице. — Сегодня я ни за что не усну. И, судя по всему, ты тоже.

Я отрицательно мотаю головой.

— Но тебе надо отдохнуть. Ради Олив.

— Она сейчас не спит, так что... — Я пожимаю плечами.

— Шевелится? — спрашивает он, глядя на мой живот.

— Ага, — отвечаю тихо.

Он снова поднимает на меня глаза. В них мольба.

— Можно мне войти? Есть то, что я должен тебе рассказать... то, о чем я не хочу говорить здесь. Но если хочешь, я это сделаю. Если так ты будешь чувствовать себя более комфортно.

Задумываюсь на несколько секунд. Затем делаю шаг назад. Открыв дверь, выпускаю его.

— Спасибо, — тихо говорит он, когда дверь за ним закрывается.

Я подхожу к дивану и опускаюсь на него. Он приближается и садится рядом со мной, наполовину развернувшись ко мне, я делаю то же самое.

На мгновение воцаряется тишина, и он просто смотрит на мое лицо, блуждая по нему глазами, будто что-то ищет.

— Почему ты так на меня смотришь? — смущенно спрашиваю я.

— Ты прекрасна, Кэрри. Я никогда не говорил тебе этого раньше, но должен был сказать, потому что это правда. Я подумал так в тот момент, когда тебя увидел. И всякий раз после, даже когда вел себя с тобой как засранец.

Я приоткрываю губы от удивления.

— Почему ты говоришь мне это сейчас?

— Потому что ты хочешь, чтобы мы были честны друг с другом. И это правда. Я думаю, ты прекрасна. Самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Ты хорошая, чистая и честная. И я хотел начать с этого, потому что все остальное, что я должен тебе рассказать, — не хорошее, не чистое и не честное. Это темные, черные и е*анутые вещи.

— Ладно. — Я сглатываю, готовясь к тому, что вот-вот сорвется с его губ.

— Ладно, — эхом отзывается он, ерзая на месте. — Не знаю точно, с чего начать.

— Начало — обычно подходящее место.

Он выдыхает и качает головой.

— Нет. Я начну с конца и вернусь к началу.

Его пальцы возбужденно сжимаются и разжимаются.

— Ривер... ты не должен этого делать, если это слишком.

Его глаза встречаются с моими. Они полны решимости.

— Ты стояла на моей кухне и говорила вещи, которые я могу только представить, были невероятно болезненными для тебя. Ты храбрая, Рыжая. И ты даешь мне сил быть тоже храбрым. — Он потирает затылок. — Никому, кроме мамы и бабушки, я не был важен, как тебе. Я хочу быть достойным этого.

— Ты достоин, — отвечаю я. Потянувшись, беру его за руку и сжимаю.

Он смотрит на наши руки.

— Нет. Но я хочу таким быть. — Он поднимает на меня глаза. Эмоции в них почти выплескиваются через край. — Я... ты же знаешь, ты тоже мне важна.

Я проглатываю чувства, грозящие превратиться в слезы. «Чертовы гормоны беременности».

Боясь говорить, просто киваю.

Он подносит мою руку к губам и целует ее сладчайшим поцелуем. Затем опускает ее обратно на колени и отпускает.

Сделав глубокий вдох, начинает:

— Сегодня в магазине я увидел человека, которого, как я знаю, осудили за преступление сексуального характера.

От его слов я напрягаюсь.

— Он отсидел в тюрьме два года за растление двух маленьких мальчиков в садике, где работал воспитателем.

«Растление двух маленьких мальчиков».

— Я знаю это, потому что знать — моя работа. Я состою в организации, которая заманивает в ловушку и разоблачает педофилов. Мы также следим за недавно освобожденными сексуальными преступниками. Вот где я... сосредоточиваю свои усилия.

— И под усилиями ты имеешь в виду...

Он смотрит на меня.

— Я делаю все необходимое, чтобы они не причинили вреда другому ребенку.

Я делаю резкий вдох.

— И до какой крайности доходит эта необходимость?

— Ты спрашиваешь, убил ли я его?

Я прикусываю губу, не уверенная, хочу ли знать ответ на этот вопрос. Но невольно киваю.

— Ответ — нет. Но после того как отвез тебя домой, я поехал к нему. Дождлся. И... сделал ему больно. Я его предупреждал. Говорил, что будет, если его увидят поблизости с детьми. Он не слушал. Так что я пошел до конца. Но, если бы дело дошло до этого... между болью ребенка и убийством одного из этих больных ублюдков, я бы не колебался, Кэрри.

Я думаю о ребенке внутри себя, и знаю, что нет ничего, чего бы я не сделала, чтобы его защитить. Но пошла бы я, как он, на такое ради чужих детей?

И, честно говоря, я не знаю ответа на этот вопрос.

— Итак, ты линчеватель в группе, защищающей детей от педофилов. — Мне нужно произнести это вслух, чтобы информация уложилась в голове.

— Я не считаю себя линчевателем. Я скорее... противоядие от болезни.

— Но ты не можешь остановить все плохое, что происходит, — мягко говорю я.

— Нет, не могу. Но я могу остановить больше, чем, если бы сидел и ничего не делал. И если я могу спасти хотя бы одного ребенка от ужасов такого насилия, то оно того стоит.

— Не боишься, что из-за этого у тебя будут неприятности с... законом?

Он смеется. Это глухой звук. Я могу понять почему.

— Нет. Что самое худшее, что они могут со мной сделать?

— Посадить в тюрьму, — шепчу я.

— Поверь мне, Рыжая, это не самое худшее, что со мной случилось.

Я прикусываю губу.

— Удивляешься, зачем я это делаю, — говорит он тихо. — Почему хочу помочь предотвратить страдания чужих детей.

— Да, — отвечаю тихо.

Молчание длится долго. С каждой секундой ожидания сердце стучит все сильнее.

Его голос мучительно, болезненно тих, когда он говорит:

— Потому что я был одним из этих детей, Кэрри. Мне причинял боль тот, кто должен был заботиться обо мне.

«Боже, нет».

Горло сжимается от слез. Я с силой сглатываю.

Я знала, что с ним случилось что-то плохое. Мысль о том, что причина именно в этом, мелькала у меня в голове... но услышать его слова...

Это тяжело. Это ранит меня сильнее, чем я думала.

Глаза наполняют слезы. Я боюсь на него смотреть, потому что, если я это сделаю, то знаю, их уже будет не остановить.

— Э-это был... твой отчим? — говорю я дрожащим голосом.

— Да. — Его тон ледяной.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Так вот почему твоя мама его убила? Она узнала, что он причиняет тебе боль, и застрелила его? — Знаю, я сделала бы то же самое, если бы это был мой ребенок.

Он прерывисто вздыхает, и я, наконец, поднимаю на него глаза. Слезы, которые я сдерживала, хлынули и потекли по моему лицу.

Он медленно качает головой.

— Нет, Кэрри. Вот почему его убил я.



Кэрри

— *Что?* — Я откидываюсь на спинку дивана.

«Он убил отца».

Не знаю, что отражается на моем лице, но что бы это ни было, Ривер бледнеет.

— Черт. Кэрри, я не причиню тебе вреда. — Он поднимает руки, словно, сдаваясь.

— *Что?* — запинаясь я, и меня тут же осеняет. — О боже, нет. Я знаю, что ты не причинишь мне вреда.

Если бы он собирался навредить мне, то уже сделал бы это. И человек, который охотится за сексуальными преступниками, чтобы защитить детей, — не тот, кого я должна бояться.

Придвигаюсь к нему поближе, чтобы заверить, что моя реакция не была вызвана страхом.

— Я тебя не боюсь. Просто... — *«Ошеломлена. Потеряла дар речи».* — Не знаю. Наверное, я в шоке. Очень много информации для одного раза, которую нужно усвоить. — Я неистово моргаю, пытаюсь очистить разум и собраться с мыслями. — Но ты был еще ребенком, когда он... когда ты...

Он выдыхает и кивает, не отводя глаз от стены.

— Мне было восемь, когда я его убил. Это... насилие продолжалось долгое время до этого. И все становилось... лишь хуже. Я не мог рассказать маме о происходящем, потому что он сказал, что убьет ее, если я это сделаю, и тогда я останусь с ним. Только я и он.

Мои глаза наполняются слезами, которые стекают по щекам. Я смахиваю их запястьем.

— Он был офицером полиции. Люди в этом городе уважали его. Я знал, что если скажу что-нибудь... мне никто не поверит. Я был... в ловушке. Все случилось в воскресенье. Всегда в чертово воскресенье. Мама находилась в книжном клубе. Я был с ним дома один. Он позвал меня на кухню. Я знал, что произойдет. То, что происходило всегда, когда ее не оказывалось рядом.

Ривер трет лицо ладонями, проводит пальцами по волосам.

— Он оставил пистолет на кухонном столе. Он никогда так не поступал. И я честно не знаю, что заставило меня взять пистолет в тот день. Но я это сделал. И направил оружие на него. Он рассмеялся мне в лицо. Потом разозлился. Бросился на меня, и я выстрелил. И продолжал нажимать на курок, пока барабан не опустел. Не знаю, сколько прошло времени... Казалось, совсем ничего, а потом домой вернулась мама и увидела, что я натворил. Она заставила меня рассказать,

что произошло. Так я и сделал. Рассказал уродливую правду. Она расплакалась. Затем сняла трубку и позвонила в полицию. Пока мы ждали их приезда, она велела мне соглашаться со всем, что она скажет. Что его убила она. Они подрались. Он на нее напал, и она, защищаясь, схватила пистолет и выстрелила в него. Я не хотел врать. Не хотел, чтобы ее посадили в тюрьму.

Ривер смотрит на меня покрасневшими от эмоций глазами, без слов говоря, что ему нужно, чтобы я в это поверила. Пусть даже всего лишь поверила.

— Она умерла там, и это из-за меня.

Он опускает голову. Я подвигаюсь к нему ближе и беру за руку.

— Нет. Она была твоей мамой и защищала тебя единственным доступным ей способом, потому что любила тебя, Ривер. Ничто из того, что произошло в тот день или до этого, не было твоей виной.

Я сжимаю его руку, и он поднимает на меня глаза. Они мокрые от слез, и мое сердце болезненно сжимается.

— Ты был ребенком, Ривер. Маленьким мальчиком.

— Я не должен был молчать. Должен был сказать правду. Но я не проронил ни слова. Сделал, как она велела, и промолчал. Не сказал правды, и она попала в ту адскую дыру и так оттуда и не вышла.

— И к чему бы привела твоя правда?

— Она была бы здесь... а не я.

— Не говори так, — резко обрываю я его.

Я огорчена тем, что Ривер не видит, насколько он удивительный. Не думаю, что даже я до сих пор в полной мере видела это.

— Я не хороший, Кэрри. — Он смотрит на свои руки, лежащие на бедрах. — Внутри меня тьма.

— Нет. Внутри тебя выживший, который делает то, что нужно. Ты хороший человек, Ривер. Здесь, где нужно. — Я прижимаю ладонь к его груди, к сердцу. — Можешь говорить, что угодно, но я знаю, что вижу. И я вижу хорошего человека.

— Мне это нравится, Рыжая. Причинять им боль. — Он поднимает на меня темные глаза. — Ты должна знать это обо мне. Знать, кто я на самом деле.

Я сглатываю.

Переместив руку с его груди на предплечье, сжимаю его. Я не хочу прекращать прикасаться к нему, в случае, если он думает, что я верю его словам. Что считаю его плохим.

Очень важно, чтобы он понял, что это не так. И что я его не боюсь.

— И я не стану лгать и говорить, что то, что ты делаешь... какими способами... разбираешься с этими психами, меня нисколько не пугает, потому что это не так. Но я не жила твоей жизнью. Кто сказал, что на твоём месте я бы не чувствовала того же? Поверь мне, были ночи, когда я лежала в постели и мечтала убить Нила, моего бывшего, — объясняю я, понимая, что впервые называю Риверу его имя. — Это помогало мне пережить по-настоящему плохие дни.

— Но в этом-то и разница между тобой и мной. Я бы его убил. — Ривер пристально смотрит мне в глаза. — Я хочу убить его за то, что он обижал тебя. Сегодня вечером мне доставило удовлетворение причинять боль этому больному

ублюдку. Мне нравится знать, что я приговорил его к наказанию... пусть хоть на йоту узнает о той боли, что причинил невинному ребенку. Это не делает меня хорошим человеком.

Ривер говорит это так спокойно и холодно, словно хочет, чтобы я его боялась.

Он хочет оттолкнуть меня. Хочет, чтобы я велела ему уйти.

Потому что с этим он может справиться. Он может справиться с плохим.

Это хорошего он страшится.

— Ты меня не отпугнешь, Ривер.

Я беру его лицо в ладони, приподнимая, чтобы оно оказалось на одном уровне с моим. Щеки у него влажные. Большими пальцами я вытираю их насухо.

— Я знаю зло. И ты — не оно. Иногда ты можешь быть полным кретином, — я слабо улыбаюсь. — Но ты ведешь себя так, чтобы держать людей подальше. Я понимаю. У тебя в юном возрасте украли доверие и невинность. Ты должен был... бороться, чтобы выжить. Ты мог бы сдаться, но не сдался. И до сих пор не сдаешься. Ведешь честную борьбу, пытаешься спасти других детей от страданий, которые пережил сам. И пусть ты делаешь это такими способами, которые большинство осудят. Насилие — не то, с чем я согласна; я его ненавижу. Но если кто-нибудь когда-нибудь обидит Олив... — Я на мгновение закрываю глаза и выдыхаю. — Она еще даже не родилась, но я точно знаю, что, не задумываясь, убью за нее голыми руками. Все способны на насилие, Ривер. Даже я, которая его терпела. Иногда животные... нет, не животные, потому что Бадди — животное, и он потрясающий. Нет, чистое зло, как мой бывший муж и твой отчим, и те больные придурки, с которыми ты... разбираешься... они понимают только свой язык. И, если ты можешь спасти хотя бы одного ребенка, тогда... я понимаю. Правда, понимаю.

Он смотрит на меня с такой уязвимостью; это лишает меня всего, что я, как мне казалось, знала и во что верила.

Никогда бы не подумала, что кто-то, у кого насилие — часть повседневной жизни, может быть для меня настолько важен.

Но Ривер показывает мне, что существует не только черное и белое.

Есть серый цвет во всех его разнообразных оттенках.

Есть такие, как Нил и отчим Ривера, им доставляет удовольствие причинять боль людям, которые того не заслуживают. Они садисты, больные ахуехавшие ублюдки.

И есть такие, как Ривер, пережившие боль и страдания от этих садистов, больных ахуехавших ублюдков... а закон, система правосудия подвела их, поэтому им приходится сражаться огнем против огня.

В Библии сказано: око за око.

Возможно, Бог знает, что не со всеми можно справиться одинаково.

Есть те, кого можно наказать с помощью системы правосудия.

А еще есть те, кто живет вне закона. Те, кто настолько порочен, что срок в тюремной камере не изменит их ни на йоту.

А значит, вы говорите с ними на единственно известном им языке.

Наверное, поэтому в некоторых штатах до сих пор существуют телесные наказания.

— Ты не относишься сейчас ко мне... по-другому? — спрашивает Ривер почти шепотом. — Зная все.

— Ты относишься ко мне по-другому после того, что я тебе рассказала о своем бывшем?

— Конечно, нет. — Он качает головой.

— Тогда ты знаешь ответ. Единственное, что я вижу, — это больше тебя. Всего тебя. И мне нравится каждая деталь.

Он испускает вздох облегчения, и у меня сердце кровью обливается.

Повернувшись ко мне, Ривер обхватывает меня за затылок и прижимается лбом к моему лбу. Я закрываю глаза и впитываю ощущения.

— Спасибо, — шепчет он.

— За что?

— За то, что ты здесь. За то, что ты — это ты.

Из уголка глаза у меня бежит слеза.

Он притягивает меня ближе к себе и откидывается на спинку дивана, увлекая меня за собой. Мой живот упирается в его твердый пресс. Положив голову ему на грудь, слушаю ровное биение его сердца.

Ривер начинает перебирать пальцами мои волосы. Я вдруг чувствую себя изнуренной.

— Какого цвета у тебя волосы от природы? — спрашивает он.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

— Я блондинка.

Он приподнимает несколько прядей моих волос, растирая их между пальцами.

— Не могу представить тебя блондинкой. — Он смотрит мне в глаза. — Мне нравится рыжий цвет.

— Да, мне тоже, — говорю я, снова опуская голову.

Прижимаюсь ближе. Он обнимает меня за талию и гладит мой живот.

— Как тебя звали до того, как ты сменила имя?

— Энни.

— Кэрри подходит тебе больше.

— Думаю, да.

С минуту он молчит.

— Кэрри... хочу, чтобы ты знала, я...

Он замолкает, и я задерживаю дыхание, ожидая, что он скажет.

— Со мной ты всегда будешь в безопасности. Ты и Олив. Я никому не позволю причинить вам боль.

Я кладу руку ему на сердце.

— Я знаю. Я доверяю тебе, Ривер Уайлд.

Он тихо выдыхает и нежно целует меня в макушку.

— Я тоже тебе доверяю, Рыжая.



Кэрри

— Уф, бляха-муха, как же больно. — Я останавливаюсь на обратном пути из туалета — потому что, знаете ли, в настоящее время именно там я и провожу большую часть своей жизни — и хватаюсь за диван, слегка наклоняясь вперед, в ожидании, пока боль утихнет.

Весь день я чувствую себя не в своей тарелке. Постоянно испытываю сжимающие боли в животе. Они похожи на менструальные спазмы. Все началось сегодня утром на работе. Но они были не такими сильными, как сейчас.

Полагаю, это ложные схватки.

Я читала о них на сайте для беременных, на который подписана. В наше время это очень распространенное явление. Тело готовится к родам.

По срокам у меня есть еще две недели.

Я лишь надеюсь, что у меня не будет еще двух недель таких болезненных спазмов. Поверить не могу, что беременность уже подходит к концу.

И все это время Ривер был рядом.

После наших признаний мы, определенно, сблизились. В ту ночь между нами все изменилось. Пришло понимание, которого раньше не было.

Но, как ни странно, все остальное осталось по-прежнему.

Ривер делает, что ему нужно. Я его об этом не спрашиваю.

Не потому, что мне все равно. А потому, что понимаю.

Он привык быть один. Ему нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что со мной можно делиться. И он сделает это, когда будет готов.

И не похоже, что я его девушка.

Я не совсем понимаю, кто мы.

Знаю только, что все свободное время мы проводим вместе.

Порой, когда мы сидим и смотрим телевизор, Ривер держит меня за руку, когда мои ноги опухают и болят от беготни в закускойной, он их массирует. Когда становлюсь эмоциональной, увидев рекламу приюта для домашних животных, утешает. И приносит все, что мне хочется съесть. Мои желания беспорядочны.

Ривер заботится обо мне. А я забочусь о нем.

Но между нами нет... физической близости.

По сути, мы до сих пор не целовались.

Однако мне кажется, притяжение все еще существует.

Ну, с моей стороны, определенно.

С его, возможно, уже нет. Если оно вообще было.

И кто его будет в этом винить? Сейчас я размером с дом, не вылезая из юбок на резинке, а из-за техасского климата большую часть времени потею как свинья. И новая фишка — подтекающее из груди молоко, что несколько смутило меня, когда это случилось на глазах у Ривера, пока мы совершали покупки в супермаркете на прошлой неделе.

Обворожительные дамы так не делают.

Не то чтобы я когда-нибудь была обворожительной.

Ну да пофиг.

Слышу, как открывается входная дверь. А я по-прежнему стою, держась за диван, согнувшись настолько, насколько вообще могу, что не очень далеко, и не отрываю глаз от пола.

— Рыжая?

— Ага.

— Ты там в порядке?

Я поднимаю голову.

— Угу, просто спазм в животе.

— Уверена?

— Да. Всего лишь Брэкстон Хикс.

— О, ложные схватки.

Я удивленно смотрю на него.

— Откуда ты знаешь, что такое Брэкстон Хикс?

Кончики его ушей краснеют. Теперь он смотрит куда угодно, только не на меня.

— Возможно, прочитал об этом в книге о беременности.

Мои брови взлетают вверх. Улыбаюсь про себя.

— Когда это ты читал книгу о беременности?

— Недавно. В общем, я тебе кое-что принес...

При звуке выплеснувшейся воды его слова обрываются.

— Кэрри, — говорит он, уставившись на мои ноги, — ты только что... описалась?

Слежу за его взглядом до лужицы у моих ног.

— Нет, — качаю головой.

— У тебя только что отошли воды?

Я поднимаю на него глаза.

— Думаю, да, — тупо киваю я.

— Значит, сейчас не время говорить, что я принес тебе лук-порей? — Он вытаскивает его из коричневого бумажного пакета, который держал за спиной.

Я смотрю на него. Затем хохочу.

— Сейчас неделя лука-порея! А у меня протечка! (Прим.: в англ. яз. «leek» — лук-порей, и «leak» — протечка, произносятся одинаково)

Ривер смотрит на меня так, словно я сошла с ума.

— Ты что, не понял? — Я хмурюсь. — Олив на этой неделе — лук-порей, а я только что... протекла. — Указываю на околоплодную жидкость на полу.

— О, я прекрасно все понял. Жду, когда поймешь ты.

— Что? — Я в замешательстве наклоняю голову.

— Ты рожаеть, Рыжая. И вместо того, чтобы стоять здесь и отпускать дурацкие шутки, нам, наверное, следовало бы взять тебя в больницу.

«Ох.

Иисусе».

— Адские колокола! — кричу я. — У меня схватки, Ривер! Я рожаяю! — Меня переполняет паника, я хватаю его за руки и трясу. — Но еще слишком рано! У меня впереди еще две недели!

— Судя по луже на полу, нет. Похоже, Олив готова выйти.

— Вот дерьмо. У меня будет ребенок. — Паника начинает медленно приближаться к осознанию реальности. — У меня будет ребенок. Настоящий живой ребенок. — Я знаю, сейчас мои глаза размером с блюдца.

— Seriously? А я и понятия не имел.

— Не смешно.

— Эй, минуту назад ты сама шутила.

— А еще я рожаяю.

— Надеюсь, не раньше, чем я отвезу тебя в больницу. Где твоя больничная сумка?

— В багажнике моей машины.

— Ладно. Я заберу ее оттуда, и мы поедим.

— Зачем?

— Затем, что я не поеду в больницу на твоём дерьмомобиле.

— Эй! Только за это ты отвезешь меня в больницу на моей машине.

— Ради всего святого, Рыжая.

— Пойдем. Пока, Бадди. — Машу рукой растянувшегося на диване псу. — Дерьмо. Бадди! Кто позаботится о нем, пока я буду в больнице?

— Пока с ним все будет в порядке. Как только ты устроишься, я вернусь. Чтобы родить, требуются годы, верно? Так что я отвезу тебя в больницу, вернусь сюда, разберусь с ним, а потом приеду обратно в больницу. Рыжая, все в порядке. Бадди, вероятно, даже не заметит, что тебя нет, — он так много спит.

— Ты назвал его Бадди. — Он впервые назвал его Бадди. Чувствую, как на глаза навораиваются слезы. Я веду себя глупо.

Ривер вздыхает. Я почти вижу, как он мысленно закатывает глаза.

— Ну, это же его гребаное имя, не так ли?

— Ага.

— Рыжая, ты плачешь?

— Нет, пойдём. — Я аккуратно провожу пальцами под глазами, вытирая глупые слезы.

Ривер надевает мне туфли и открывает передо мной входную дверь. Обняв меня за спину, выводит из дома и запирает дверь.

Он помогает мне сесть на пассажирское сиденье моей машины, а сам устраивается на водительском, отодвигая кресло, чтобы освободить место для своих длинных ног. Вставив ключ в замок зажигания, заводит мотор.

— Больница Кристус Санта-Роза, верно? — уточняет он.

Мужчина очень внимателен.

— Да, — отвечаю, дыша сквозь то, что считаю схватками.

То, что было у меня весь день.

А я-то думала, это просто Брэкстон Хикс.

Вот ведь идиотка.

— Ой! — кричу я. Хватаюсь за живот и наклоняюсь вперед.

— Ты в порядке?

Чувствую, как он растирает мне спину.

— Нет. Мне больно. — Слезы застилают глаза, я дышу, пока схватка не отпускает, Ривер, не переставая, трет мне спину.

Как только боль утихает, я отклоняюсь назад, откидываю голову на спинку сиденья и тяжело дышу.

— Нормально? — беспокоится он.

Я поворачиваюсь к нему.

— Мне страшно, — признаюсь тихо.

Выражение его лица смягчается.

— Не бойся. Я с тобой. И буду рядом на каждом шагу.

— Ладно. Но, может, ты забереешь у меня часть боли? Мне она не очень нравится,

— слабо улыбаюсь я.

Поднеся мою руку к губам, он ее целует.

— Рыжая, если бы я мог забрать всю твою боль, то сделал бы это в мгновение ока.

«Господи, этот мужчина...»

Он не часто говорит такие милые слова, но когда это делает, они меня убивают.

Ривер кладет мою руку себе на бедро.

— Когда будет больно, сожми мою ногу так сильно, как тебе нужно. Ну, ладно, не так сильно, а то выдавишь меня, как гребаный банан из кожуры. — Сверкнув белозубой улыбкой, он заводит машину и отъезжает от моего дома.

Пункт назначения: больница.



Кэрри

Через пятнадцать минут получасовой поездки в больницу машина начинает издавать шипящий, пыхтящий звук и медленно останавливается на обочине.

— Э-э, что происходит? — хриплю я от боли в середине схватки.

Я пыталась их отслеживать, но они надвигаются все чаще и быстрее. И становятся все более и более болезненными.

Когда я доберусь до больницы, мне понадобятся все имеющиеся там лекарства.

— Не знаю. — Ривер снова поворачивает ключ зажигания, и ничего не происходит. — Жди здесь.

Щелкнув выключателем, он вылезает из машины. Поднимает капот, и я вижу, как оттуда вырывается клуб дыма.

Опустив окно, я высовываю голову.

— Что случилось?

— Я не механик, но я бы сказал, что твой дерьмомобиль сломался, — ворчит Ривер из-под капота.

— Эй! Не смей ненавидеть «Импалу».

Его голова появляется из-под капота.

— Серьезно? Ты рожаешь, машина — наш единственный способ доставить тебя в больницу — сломалась, а ты расстроена тем, что я называю твою машину дерьмом?

«Ох, ёжики-зеленые. Он прав».

— Я, мать твою, знал, что надо было ехать в моем грузовике. Но нет, пришлось взять твою машину.

— Я не знала, что она сломается! — кричу я.

Ривер с грохотом опускает капот.

— Просто охеренно здорово.

Я открываю дверцу и неловко выбираюсь из машины.

— Не понимаю, что тебя так раздражает. Это я ро-жа... а-ай!

Я бросаюсь вперед, хватаясь за дверцу машины. Ривер мгновенно оказывается рядом.

— Становится все хуже, — говорит Ривер.

— Да что ты? — огрызаюсь я.

— Будь милой, Рыжая.

— Отвали. Во мне ребенок сейчас играет в «твистер» с моей маткой, так что, думаю, это оправдывает то, что я такая строптивая.

— Ты имеешь в виду, стервозная.

Бросаю на него злобный взгляд. Придурок только улыбается.

Глубоко вдыхаю через нос, выдыхая ртом, чтобы преодолеть спазмы. Ривер гладит меня по пояснице. Это помогает.

— Давай вернемся в машину, — говорит он.

— Зачем? Она точно никуда не сдвинется. — И мы тоже. В груди начинает кружиться паника. — Что мы будем делать? — Мой голос упал до шепота.

Ривер оглядывается. Дорога пустынна. С тех пор, как мы сломались, мимо нас не проехало ни одной машины.

— Скоро кто-нибудь появится.

— И что мы сделаем, поймаем попутку?

— Ты опять ведешь себя, как стерва, Рыжая.

— Разве мы уже это не обсуждали? Во время родов женщине полагается быть сухой.

По его лицу расплзается ухмылка.

— Ты только что сказала «сука».

— Нет, не сказала.

— Сказала.

— Я... ай! Ёб*шки-воробушки! — Тяжело дыша от очередной схватки, я хватаюсь за живот.

— Господи, Кэрри. Вернись в машину.

Позволяю ему осторожно усадить меня на заднее сиденье. Он оставляет дверь открытой.

— Я вызову «скорую», — говорит он.

— Хорошо. И скажи им, чтобы поторопились, потому что я думаю, Олив не терпит выйти, а я очень не хочу рожать на обочине дороги!

Слышу, как Ривер разговаривает со «скорой», а потом возвращается и садится на корточки возле машины.

— Как дела?

Я бросаю на него испепеляющий взгляд.

— Моя машина сломана. Здесь жарко, как в аду, а кондиционера у меня нет. Ах да, и я рожаю! Как, по-твоему, у меня дела?

— Черт, люблю, когда ты злишься, Рыжая. Так сексуально.

— Отвали. — Я хмуро смотрю на него, не в настроении для поддразниваний.

Снова начинаются схватки.

— Божечки святой! Как больно! — Слезы щиплют глаза.

Хватаю Ривера за предплечье, потому что оно ближе всего ко мне, и крепко сжимаю. Он накрывает мою руку своей, удерживая, и гладит по ноге.

— Дыши глубже, Кэрри, — мягко подбадривает он. — Вдох через нос, выдох через рот.

— Мне... мне кажется, Олив идет, Ривер. Я не перестаю чувствовать, что мне нужно потужиться.

— Что? — выдыхает он.

Видеть сейчас его лицо было бы смешно, если бы мой ребенок не пытался выбраться из моего тела, как инопланетянин в фильме «Чужой».

— Нет, она не может появиться сейчас! «Скорой» еще нет!

— Ну, не то чтобы у меня было право голоса!

— А ты не можешь ее задержать?

Я тупо на него смотрю.

— Ты, блин, серьезно? Задержать ее?

— Да, например, когда тебе нужно посрать, а туалета поблизости нет.

— Олив не кусок дерьма! — кричу я. — И, нет, я не могу, черт возьми, задержать ее... БЛИН! — кричу во всю мощь легких от очередной схватки. — Господи Иисусе! Она идет!

— Твою мать! — Он дергает себя за волосы. — Черт, что мне делать?

— Не знаю! Я не врач!

— Экстренная новость: я тоже!

— Перестань на меня орать! — кричу я.

— Господи. Ребенок, действительно, сейчас родится?

Я смотрю на него, тяжело дыша, мокрые от пота волосы прилипли к лицу.

— Да, Ривер, ребенок, действительно, родится.

— Ладно. Я еще раз позвоню в 911. Узнаю, насколько далеко от нас «скорая».

Он как раз достает мобильник, когда я слышу вой сирены.

— «Скорая» приехала, — с облегчением констатирует Ривер очевидное, как человек, который получил помилование в последнюю минуту перед тем, как отправиться на электрический стул.

«Скорая» подъезжает к машине.

— Эй, что у нас тут?

— Ребенок. — Ривер тычет пальцем в мою сторону, и его голос звучит взволнованно. — У Рыжей начались схватки. отошли воды. А ей до родов оставалось еще две недели. Мы были на пути в больницу, когда ее дерьмомобиль сломался.

— Ладно. — Рядом со мной на корточки приседает дама и ставит возле себя медицинскую сумку. — Привет, милая. Меня зовут Хоуп. Я фельдшер, и я здесь, чтобы тебе помочь.

— Я Кэрри, — отвечаю, тяжело дыша.

— Что же, приятно познакомиться, Кэрри. Итак, у тебя начались схватки. Тридцать восемь недель, верно?

— Да.

— Какой промежуток между схватками?

— Трудно уследить. Но они очень частые. И я чувствую, что мне нужно потужиться.

— Ладно. И у тебя отошли воды?

Закусив губу, я киваю.

— Когда это случилось?

— Минут тридцать назад.

— Понятно. Не возражаешь, если я пощупаю твой живот?

— Пожалуйста.

Я сижу, пока она давит и нажимает на живот. Вздрагиваю от боли.

— Прости, — говорит она успокаивающим голосом. — Больно, да?

— Вы не поверите.

— У меня двое детей. Мальчики. Так что я знаю, каково тебе сейчас. Ладно, Кэрри, как думаешь, сможешь двигаться? Мне нужно отвести тебя в «скорую».

— Нет, — я качаю головой. — Не могу. Мне кажется, если я встану, ребенок просто выпадет.

— Ладно. Значит, придется осмотреть тебя здесь. Мне нужно увидеть, насколько ты раскрыта.

— Осмотреть здесь? — вклинивается Ривер. — А вы не можете отвезти ее в больницу?

Она отрицательно качает головой.

— Если я права — а обычно я права, — то времени ехать в больницу нет. Ребенок готов появиться прямо сейчас.

— Чего, бл*дь? — охает Ривер.

Я в том состоянии, что мне уже все равно. Я просто хочу, чтобы боль прекратилась, и сделаю все, чтобы это произошло.

— Ладно, Кэрри, мне нужно немного отодвинуть тебя назад, чтобы мы могли уложить тебя на сиденье.

— Хорошо.

— Папаша, мне нужно, чтобы вы обошли машину с другой стороны и встали позади Кэрри. Поддерживая ее подмышками, как можно более плавно помогите ей подвинуться.

«Папаша». Она считает Ривера отцом Олив.

В этот момент я встречаюсь взглядом с Ривером. Не могу понять, о чем он думает. Жду, что он ее поправит. Но он этого не делает.

И я тоже.

Ривер обходит машину с другой стороны и открывает позади меня дверцу. Он помогает мне принять горизонтальное положение. Но не уходит. Остается стоять на коленях возле машины. Его голова рядом с моей. Рукой он убирает волосы с моего лица.

— Кэрри, на тебе юбка, что облегчает мне работу. Но мне придется снять с тебя трусики, чтобы посмотреть, что там происходит. Это нормально?

— Да, — отвечаю я.

Я лежу на заднем сиденье машины на обочине. Юбка задрана выше согнутых колен. Трусики исчезли. И незнакомая женщина обследует мою вагину.

Достоинство, познакомься с мусорным ведром.

— Ладно. — Хоуп поднимает голову и смотрит на меня. — Похоже, мы принимаем роды здесь.

— Что? — восклицаем мы с Ривером одновременно.

Мне бы не стоило удивляться. У меня было сильное предчувствие, что так оно и будет.

Потребность вытолкнуть ребенка становится все сильнее.

— Ты полностью раскрыта, и ребенок готов выйти.

«Милостивый Господь на небесах.

Я рожая на заднем сиденье своей машины».

Не так я представляла себе этот момент.

— Мне только нужно взять кое-что из машины «скорой помощи». Вернусь через секунду.

Я выдыхаю. Из уголков глаз струятся слезы.

— Поверить не могу, что это происходит, — говорю я Риверу.

— Не идеально, — отвечает он, все еще убирая волосы с моего лица. — Но это означает, что мы встретимся с Олив раньше, чем ожидалось. И это хорошо, правда?

Я поднимаю на него глаза. Глядя на его лицо верх тормашками. С этой точки обзора он даже красивее.

— Да, хорошо.

— Ладно, я вернулась. — Хоуп снова появляется у моих ног. — Давай приступим к родам. — Она хлопает в покрытые латексом ладоши.

У нее гораздо больше энтузиазма по этому поводу, чем у меня. Но ведь это не она сейчас выталкивает ребенка.

— Папочка, можете сесть позади мамы и поддержать ее? Это поможет, когда придет время тужиться.

— Конечно.

Хоуп помогает мне сесть, пока Ривер забирается в машину позади меня. Он закрывает дверцу и прислоняется к ней спиной. Я опираюсь спиной о его твердую грудь.

Хоуп знала, о чем говорила, когда сказала, что это поможет. Потому что его присутствие рядом уже помогает.

— А мы знаем, кто тут у нас? — спрашивает меня Хоуп.

— Ребенок, — шепчет мне на ухо Ривер, и я, честно говоря, не знаю, серьезно он говорит или нет.

— Она имела в виду пол ребенка. — Я закатываю глаза. — И нет, я не выяснила пол, — говорю я Хоуп.

— Сюрприз. Я люблю сюрпризы. — Она сияет.

— Я тоже, но не такие веселые сюрпризы, когда твою матку сжимают, как грейпфрут в соковыжималке! — выдавливаю я, когда на меня обрушивается очередная волна боли.

— Еще одна схватка? — спрашивает Хоуп.

— Да-а-а, — выдыхаю я.

«Господи, кажется, я умираю. Такой боли я не испытывала никогда».

— Ты все еще чувствуешь, что тебе нужно потужиться? — спрашивает меня Хоуп. Я киваю.

— Ладно, Кэрри, просто прислушивайся к своему телу. Хорошенько потужься.

Я сжимаю челюсти и тужусь изо всех сил. Мои ноги скользят по сиденью.

— Не могу! — Я тяжело дышу. — У меня такое чувство, что я съезжаю с сиденья!

— Ты можешь, — говорит мне Хоуп. — Поставь ноги сюда. — Она располагает мои ноги так, чтобы они упирались о салон машины. — Если будешь тужиться вот так, то никуда не сдвинешься.

— Ты справишься, Кэрри, — шепчет мне на ухо Ривер.

Он поднимает руки, и я хватаюсь за них.

— Ладно, Кэрри, тужься еще раз! — говорит Хоуп.

Я тужусь изо всех сил.

— АРРГГХ! — кричу и останавливаюсь. — Ничего не выходит! — плачу я.

— Ты отлично справляешься, Кэрри. Просто продолжай.

— Но мне больно! — хнычу я.

— Знаю. Но ты справишься. Ты сильная, крутая женщина. Ты можешь это сделать. Держу пари, ты могла бы родить этого ребенка во сне.

— Во сне? — Я задыхаюсь от смеха.

— Конечно, — она улыбается мне. — Ты женщина. Мы можем все, что захотим. А теперь давай сделаем это, хорошо? Принеси этого ребенка в наш мир, и тогда мы все сможем уехать и выпить по чашечке хорошего кофе.

— Чай, и мы договорились.

— По рукам, — она улыбается мне. — А теперь давай, Кэрри. Мне нужно, чтобы ты еще раз хорошенько толкнула.

Стиснув зубы, крепко сжимаю руки Ривера и тужусь изо всех сил. Но кажется, все напрасно.

— Я не могу! Слишком больно. Я не могу этого вынести. — Я мотаю головой из стороны в сторону. Чувствую себя так, словно меня разрывают надвое.

— Можешь, — подбадривает Хоуп.

— Нет, я устала. С меня хватит! Я хочу домой!

— И мы поедem домой, Кэрри. Обещаю, мы поедem домой, как только все это закончится. Тебе просто нужно очень сильно потужиться.

— Я так и делала! Ничего не получается! — плачу я.

Мое лицо мокрое от слез. Я вся в поту. И испытываю самую ужасную боль за всю свою жизнь.

Ривер берет меня за подбородок, поворачивая к себе и глядя в мои глаза.

— Ты можешь это сделать, Рыжая. Ты пережила гораздо худшее, чем это, и выбралась.

— Нет... — плачу я. — Я не могу... слишком больно. Я не могу этого вынести.

— Можете дать ей что-нибудь, чтобы облегчить боль? — спрашивает Ривер Хоуп.

— Мне очень жаль. — Она отрицательно качает головой. — Слишком поздно, Кэрри. Роды в завершающей стадии. Я вижу макушку. Сейчас мне нужен от тебя один очень сильный толчок.

Я обеими ногами упираюсь в салон машины. Мое достоинство исчезло в тот момент, когда ребенок решил появиться пораньше.

Ривер снова смотрит мне в глаза.

— Ты можешь это сделать, потому что должна. Олив нужно, чтобы ты тужилась. Ей нужна твоя помощь, чтобы выбраться в мир. Итак, тебе нужно собрать волю в кулак и сделать все возможное, чтобы пройти через это.

«Ты можешь это сделать, Кэрри.

Можешь».

— А-А-А! — кричу я, делая один большой толчок.

— Вот так, — подбадривает Хоуп. — Просто продолжай тужиться.

— Вот так, Кэрри. Продолжай.

— ГРЕБАНЫЙ АД! — кричу я. В этот момент я напоминаю Ривера, и позволяю каждому ругательству, которое могу придумать, сорваться с моих губ. — СВЯТОЙ ГРЕБАНЫЙ Х*Й! ГРЕБАНАЯ УБЛЮДОЧНАЯ БОЛЬ!

— Йу-ху! — гудит Ривер. — Вот это моя девочка! Продолжай!

— ГОСПОДИ БОЖЕ!

— Плечики вышли! — Хоуп сверкает улыбкой. — Еще один сильный толчок, Кэрри, и все будет кончено.

— Еще один, — выдыхаю я, измученная, всем телом повиснув на Ривере.

— Слышала, что сказала леди. Еще один толчок, и мы, наконец-то, встретимся с Олив.

«Мы».

При этой мысли я напрягаю все оставшиеся силы. Стиснув зубы, тужусь изо всех сил, крича сквозь боль:

— БЛ*ДЬ!

А потом слышу самый сладкий звук в мире.

Плачь моего ребенка.

— У тебя девочка! — Сияющая Хоуп передает мне мою малышку и кладет ее мне на грудь.

«Моя малышка.

У меня дочь.

Дочь».

Смотрю на крошечную головку, покрытую копной светлых волос, и меня накрывает волна любви, подобной которой я никогда не испытывала. Слегка сдвигаю ее крошечное тельце, чтобы впервые увидеть ее лицо. Оглядываю ее сверху вниз.

Боже, какая она красивая. Идеальная.

На меня взирают любопытные темно-синие глазки.

Я ласково целую ее в нежную щечку.

— Я твоя мама, — шепчу я ей.

— Она прекрасна, Кэрри.

Оглядываюсь на Ривера, который смотрит на нее с благоговением, обожанием и удивлением.

Он переводит взгляд на меня.

— Она очень похожа на тебя.

Я снова смотрю на дочь.

— Ты так думаешь?

— Определенно. — Он нежно целует меня в лоб. — Ты прекрасно справилась, Кэрри.

Может, от всепоглощающей эмоции момента или, может, просто от нужды, но я подаюсь к нему и прижимаюсь легким поцелуем к его губам.

Начинаю отодвигаться, но его рука обхватывает мою щеку, возвращая меня к своему рту.

Он целует меня мягко, ласково. Нежно посасывая нижнюю губу.

Я отстраняюсь от поцелуя и смотрю ему в глаза. Он бережно заправляет мне волосы за ухо. Его глаза не отрываются от моих.

— Спасибо, — шепчу я.

— За что?

— За то, что ты здесь. За то, что ты — это ты, — повторяю я слова, которые он сказал мне в ту ночь, когда мы научились доверять друг другу.

— Пару минут, ребята, — Хоуп появляется снова, привлекая мое внимание, — а потом мы перенесем маму и ребенка в машину «скорой помощи» и отвезем вас в больницу.

Замечаю, что нижняя половина тела покрыта одеялом. Я даже не поняла, что Хоуп меня прикрыла. Была слишком увлечена любовью к своему ребенку и мужчиной, сидящим позади меня.

— Можно мне поехать с ними в «скорой»? — спрашивает Ривер. — Ты не против?

— обращается он ко мне.

— С удовольствием, — отвечаю я.

— Итак, у нас уже есть имя для этой маленькой красавицы? — спрашивает меня Хоуп.

Я долго смотрю на нее, потом перевожу взгляд на дочь, и на моих губах появляется улыбка.

— Не было. Но теперь есть.



Кэрри

Хоуп Олив Форд — самый совершенный человечек на свете.
И я говорю это не только потому, что я ее мама. Это правда.
Она потрясающая.
Она пребывает на этой земле уже два месяца, и это были лучшие месяцы в моей жизни.
Утомительные. Но самые лучшие.
Честно говоря, я не помню жизни до нее.
Может, потому что я измотана.
Но не хочу, чтобы что-то было иначе.
Мне всегда казалось, что если бы я могла вернуться назад во времени к тому моменту, когда встретила Нила, то убежала бы в противоположном направлении. Но теперь... с Хоуп, я знаю, что, если бы мне дали этот шанс, я бы повторила свое прошлое. Вытерпела всю боль, унижения и страдания, потому что в итоге получила бы ее. А она — это все.
Я ненавижу Нила за все, кроме нее. Она — единственное, за что я ему благодарна. Потому что она совершенна.
Иногда мне приходится напоминать себе, что все это не сон. Что я не проснусь в том доме, по-прежнему с Нилом.
Никогда не могла представить, что у меня будет такая жизнь, как сейчас, с Хоуп. И Ривером.
С момента рождения Хоуп Ривер вел себя удивительно. Он без памяти влюбился в нее. То, как он смотрит на мою дочь... словно она драгоценный дар, который он будет защищать любой ценой, вызывает в сердце щемящую боль, но в хорошем смысле. Удивительно наблюдать, как этот большой мужчина превращается в месииво из-за моей маленькой девочки.
Он почти все время у меня дома. Уходит домой только, чтобы принять душ и переодеться, и когда ему нужно работать над заказами своих стеклянных изделий. Он во всем принимает активное участие. Меняет подгузники. Помогает купать и укладывает спать. Укачивать ее, если может обойтись без меня.
Кормит, чтобы поддерживать во мне энергию. Оказалось, что у Хоуп отменный аппетит. У меня такое чувство, что она постоянно висит на груди.
Но если моей девочке нужно молоко, то она его получит.
Ривер даже присматривает за ней, когда я на работе. Да, я вернулась на работу. Мама должна приносить домой бекон для своей девочки.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Две недели назад Ривер предложил присматривать за ней, когда мне придет время возвращаться на работу, где я сейчас и нахожусь, стоя у стойки и ожидая заказ своего клиента на завтрак.

Я даже и словом не обмолвилась ему о своих опасениях по поводу того, что мне придется оставить ее в детском саду с кучей незнакомых людей.

Мне даже не пришлось ничего ему говорить, словно он знал о моих проблемах.

Он понимает меня лучше, чем кто-либо.

Иногда мне кажется, что он — вторая половинка моей души. Часть, которую я утратила, но не осознавала этого до того дня, когда посмотрела ему в глаза и увидела его. Настоящего его.

Мы почти как семья.

Но это не так.

Мы с Ривером... мы вместе во всех смыслах этого слова, за исключением того, что на самом деле мы не вместе.

Я никогда не упоминала о нашем поцелуе после рождения Хоуп, и он тоже. Совсем как и о поцелуе до этого.

Похоже, мы с Ривером целуемся время от времени и никогда это не обсуждаем.

Не то чтобы я жаловалась. Мне нравится, что в моей жизни есть Ривер. Не знаю, что бы я без него делала.

Но... мои чувства к нему со временем только усилились.

И я не могу перестать думать о том, что придет время, когда он встретит кого-нибудь. Я знаю, что временами он колючий придурок, но под колючками скрывается красота и доброта.

Найдется женщина, которая схватится за него.

И тогда я его потеряю.

Но сейчас я об этом не думаю. От таких мыслей мне становится грустно, а я не хочу грустить, потому что в моей жизни теперь слишком много хорошего.

Гай ставит передо мной тарелку. Я подхватываю ее и подхожу к столику клиента.

Когда я ставлю перед ним тарелку, дверь открывается. Подняв голову, вижу, как двое моих любимых людей, входят в закусную.

Забавно, только я подумала о них обоих, как они появились.

Хотя в последнее время я думаю лишь о них.

— Приятного аппетита, — говорю я клиенту.

Затем отхожу от столика, моя улыбка превращается в луч света, направленный на мою маленькую девочку в объятиях Ривера.

— Привет. — Я наклоняюсь и целую ее в щечку. — Что вы тут делаете, ребята? Не то чтобы я не оценила этот визит.

— Решили прогуляться. Хоуп начала капризничать, и я решил, что прогулка в город развлечет ее.

— Дай-ка ее мне. Годы прошли с тех пор, как я в последний раз обнимала свою девочку.

— Около... трех часов, — язвительно замечает он.

— Как я уже сказала, годы.

Ривер протягивает мне Хоуп, и я прижимаю ее к себе, награждая поцелуем в носик, вдыхая ее сладкий детский аромат.

Звенит дверной колокольчик. Это Сэди вернулась из продуктового магазина. У нас заканчивалось молоко.

— Хоуп здесь! — Она бросает пакет с продуктами на прилавок и подходит к нам, практически отпихивая Ривера с дороги. — Дай ее мне, мамочка. Тетя Сэди хочет обнимашек.

Смеясь, я передаю ее Сэди, которая забирает ее у меня.

— Как поживает моя милая девочка? — воркует над ней Сэди. — Ты уже так выросла с тех пор, как мы в последний раз виделись.

Это было два дня назад. С момента появления Хоуп, Сэди стала постоянным гостем в моем доме. Она просто помешана на детях. И до безумия обожает Хоуп.

Мне нравится, что в жизни Хоуп уже есть люди, которые любят ее и заботятся о ней. У нее есть семья.

— Я слышал, что Хоуп здесь? — кричит из кухни Гай. — Несите ее сюда.

— Ни за что! Ты там готовишь бекон. Она вся им пропахнет.

— Ладно. Я сам к ней выйду. — Кухонная дверь распахивается и появляется Гай.

— Но если бекон сторит, это твоя вина.

Я со смехом наблюдаю, как Сэди и Гай спорят о том, кому держать Хоуп. Я чувствую, как Ривер тянет меня за рукав.

— Есть минутка? — Он кивает в сторону.

— Конечно. Все в порядке? — спрашиваю, следуя за ним в тихое место по другую сторону стойки.

— Да, все в порядке. Просто... — Он выдыхает. — Я зашел не случайно.

— Знаю. Ты сказал, что вышел погулять, потому что Хоуп капризничала.

— Нет. То есть, да, она капризничала. Но я пришел в закусную не поэтому.

— Ладно. Тогда почему?

— Ну, вообще-то я пришел повидаться с Сэди.

— Сэди? — Я растерянно смотрю на нее, потом снова на Ривера.

— Да... я хотел попросить ее об одолжении.

— Что за одолжение? — А еще мне интересно, почему он говорит мне это именно сейчас.

И тут мне в голову приходит мысль, похожая на глухой удар гантели.

«О нет. Он ведь не... с Сэди, нет?»

Нет, конечно, нет.

Я никогда не видела между ними и намека на что-то подобное. Честно говоря, он с ней почти не разговаривает.

И Сэди знает, что мы не вместе, но она знает о моих чувствах к нему. Девушке нужно с кем-то поговорить о таких вещах.

И Сэди никогда не нарушит девичий кодекс.

Я так думаю».

— Ну... я собирался спросить Сэди... — *«Не думаю, что хочу это слышать. Будет ли с моей стороны ребячеством заткнуть уши пальцами?»* — не присмотрит ли она за Хоуп сегодня вечером, пока мы с тобой отправимся на ужин.

«Что?»

— Что?

— Ужин, Рыжая. Ты и я.

— Хочешь пригласить меня на ужин? — медленно говорю я.

— Да.

— Зачем?

Он бросает на меня взгляд, который говорит, что я уже должна знать ответ.

— Затем, Рыжая, что ты моя девушка.

Мое сердце буквально замирает. «Я его девушка».

— Да? — выдавливаю я, словно мне рот набили ватой.

— Да. А парни водят своих девушек на свидания.

— Э-э, Ривер... я что-то упустила?

— Нет. Мы целовались дважды.

— Да... но... первый раз был, когда я еще была беременна Хоуп, а второй — сразу после ее рождения. И с тех пор ничего не было. Между нами не было даже намека. Я считала...

— Что?

— Что я тебе не интересна в этом смысле.

Он подходит ближе, и мое дыхание прерывается.

— Ты мне более чем интересна. Так было всегда. Но ты была беременна, и я не хотел переходить никаких границ. А потом родилась Хоуп, и тебе нужно было время, чтобы приспособиться быть матерью своему ребенку.

— Она все еще ребенок. Так почему именно сейчас? — тихо спрашиваю я.

— Потому что мне надоело ждать. — Его рука скользит по моей талии, притягивая меня ближе к себе. — Хоуп два месяца. Пора сделать это дело между нами официальным.

— Дело?

— Да, Рыжая. — Он наклоняется и шепчет мне на ухо: — Я приглашаю тебя сегодня вечером. Мы поедем. Повеселимся. А потом я отвезу тебя домой на своем грузовике, и мы будем целоваться на переднем сиденье, как пара подростков.

Я откидываюсь назад, чтобы заглянуть ему в глаза. Проблеск желания в них безошибочен. Все мое тело накаляется. Если бы кто-нибудь чиркнул спичкой рядом со мной, я бы тут же воспламенилась.

— Только целоваться? — Я прикусываю губу.

Его взгляд останавливается на моих губах, а уголки рта приподнимаются.

— Мы можем добраться до второй базы. До третьей, если будешь хорошей девочкой.

Я прижимаюсь щекой к его щеке, касаясь губами его уха.

— А если ты будешь хорошим мальчиком, то я, возможно, даже позволю тебе выбить хоумран.

Я отхожу от него и с ухмылкой направляюсь в сторону кухни, зная, что он не отводит взгляда от моей виляющей задницы.



Кэрри

Ривер везет нас в Нью-Браунфелс, в ресторан, где подают морепродукты. Я знаю, что ему не нравится находиться среди жителей Каньон Лейк. Он, наверное, считает, что люди будут пялиться и перешептываться, если мы пойдем вместе ужинать в ресторан.

Но не думаю, что он понимает, — люди привыкли видеть нас вместе. И они больше не пялятся и не шепчутся.

Сэди у меня дома, присматривает за Хоуп. Когда мы уходили, они с Хоуп и Бадди смотрели «Холодное сердце», хотя Хоуп и понятия не имела, что происходит на экране. Полагаю, Сэди просто хотелось найти предлог, чтобы посмотреть его самой.

Ривер везет меня в ресторан с морепродуктами. Мужчина явно внимателен ко мне, потому что я обожаю морепродукты, а большинство из них оказались под запретом во время беременности. Но при грудном вскармливании морепродукты очень хороши. Омега-3 кислоты, передающиеся через грудное молоко, полезны для младенцев.

Беспроектный вариант для нас с Хоуп.

Так странно — нарядиться и отправиться гулять без нее.

Обычно сейчас я в спортивном костюме или пижаме дома с Ривером и Хоуп.

Но сегодня здесь только Ривер и я.

На свидании.

Я уже очень давно не была на свидании. Чувствую себя не в своей тарелке. Но потом напоминаю себе, что это всего лишь Ривер. С ним нет никаких ожиданий. Только счастье. И волнение из-за того, что принесет сегодняшний вечер и все открытые для нас возможности.

Ривер паркует грузовик на улице и заглушает двигатель.

— Оставайся на месте, — говорит он мне.

Наблюдаю, как он вылезает из машины, огибает капот и открывает мою дверцу.

Приемчики старой школы.

Я улыбаюсь.

— Ну, спасибо, добрый сэр, — говорю я с фальшивым южным акцентом, когда он берет меня за руку и помогает выйти из грузовика.

Он не улыбается. И не говорит. И не отпускает мою руку.

Он заводит наши сцепленные руки мне за спину, притягивает меня ближе, пока наши тела не прижимаются друг к другу.

Моя грудь — к его груди.

Бонус грудного вскармливания: большие сиськи.

А еще я ощущаю под его брюками четкие очертания члена. Я уже говорила, что на нем парадные брюки и рубашка? Он весь подтянутый и выглядит божественно. Я моргаю, чувствуя, как у меня перехватывает дыхание.

— Я тебе говорил, что в этом платье ты выглядишь чертовски великолепно? — говорит он низким, хриплым голосом.

— А, в этом старье? — поддразниваю я.

На самом деле оно не старое. А совершенно новое. Сразу по завершении смены в закуской, я отправилась за покупками и выбрала для сегодняшнего вечера новое платье и туфли на каблуках. Не часто меня приглашают на свидание. Особенно самый горячий мужчина в городе.

Черное кружевное платье со свободной юбкой заканчивалось примерно на дюйм выше колен. Оно выглядело стильно, с намеком на сексуальность. Красные туфли с ремешками и подходящий им клатч. Волосы я распустила, и они мягкими волнами вились по спине. Я даже накрасилась. Макияж легкий, но он есть.

— И да, ты мне говорил. Всего пару сотен раз, — я тихо, дразняще смеюсь.

Ривер ясно дал понять, что ему нравится, как я выгляжу сегодня.

Он убирает мои волосы за плечо и прижимается поцелуем к шее, заставляя испытывать дрожь.

— Явно недостаточно, — шепчет он мне на ухо.

Поцелуй в щеку. В уголок рта. Затем... его губы, наконец, встречаются с моими.

Пальцы на ногах сводит судорогой, груди покалывает, а тело гудит.

— Разве это не должно произойти в конце свидания? — говорю я, задыхаясь, когда поцелуй прерывается.

Темные, сверкающие страстью глаза устремляются на меня.

— Нет. Это только начало.

Все еще держась за руки, Ривер ведет меня к ресторану. Его шаг неспешный, потому что я немного отвыкла ходить на каблуках.

— Здание ресторана — переоборудованное почтовое отделение столетней давности, — говорит мне Ривер.

Мы поднимаемся по ступенькам к входу, и он отпускает мою руку и кладет ее мне на поясницу.

Ривер придерживает для меня дверь, чтобы я могла войти.

Подходит метрдотель. Ривер говорит, на чье имя забронирован столик. Уайлд, конечно же. Он спрашивает, не хотим ли мы начать с выпивки. Ривер смотрит на меня.

— Я не против, — говорю я.

— Ведите нас к столику, — говорит ему Ривер.

Он ведет нас к столику у окна, выходящему во двор.

— Этот столик вам подойдет? — спрашивает метрдотель, отодвигая мне стул.

— Да, замечательно, — говорю я ему, садясь.

Я кладу клатч на стол. Ривер садится напротив меня.

— Официант скоро подойдет с меню и примет заказ на напитки, — говорит он нам перед уходом.

— Здесь очень хорошо, — говорю Риверу, дотрагиваясь до его лежащей на столе руки.

Он улыбается, поворачивает руку и переплетает наши пальцы.

— Рад, что тебе понравилось.

— Как думаешь, Хоуп в порядке?

В уголках его глаз собираются морщинки.

— С ней все в порядке. Но, если хочешь, можешь спросить у Сэди.

— Наверное, я ей напишу.

Достав из клатча мобильник, быстро набираю сообщение Сэди.

Она отвечает сразу.

С улыбкой читаю сообщение Риверу.

— Хоуп с бутылочкой. Бадди отключился. А Сэди ест кексы, которые я оставила для нее на кухне. О, и «Холодное сердце» почти закончился. Теперь они смотрят «Моану». — Я убираю мобильник обратно в клатч.

— Похоже, Сэди весело проводит время, — посмеивается Ривер.

— Знаешь, думаю, так и есть. Она обожает Хоуп.

— Конечно, обожает. Хоуп потрясающая. Как и ее мама.

— Точно, — я ухмыляюсь.

Подходит официант с меню и принимает заказ на напитки. Ривер заказывает «Буд Лайт», потому что за рулем. Я заказываю бокал вина, которого мне, скорее всего, хватит на весь вечер. Я никогда не была большой любительницей выпить. Нил мне этого не позволял...

Нет. Сегодня я об этом думать не буду.

У меня свидание с самым лучшим мужчиной, которого я когда-либо знала.

Не надо сегодня вмешивать сюда мое прошлое.

Когда официант отходит от столика с заказами на напитки, я открываю меню, но пока не смотрю в него.

— Могу я кое-что сказать?

— Мне понравится то, что ты скажешь?

Я пожимаю плечом.

— Не уверена. Но я все равно скажу.

Он жестом просит меня говорить.

— Мне очень нравится в этом ресторане, он потрясающий. Но ты же знаешь, что тебе не нужно было уезжать из города, чтобы сводить меня куда-нибудь. Мы могли бы пойти в ресторан в Каньон Лейк.

На его лбу появляется хмурая морщинка. Но он ничего не говорит.

— Я знаю, почему ты этого не сделал. Потому что избегаешь городских жителей. Но, честно говоря, я думаю, может, тебе... не стоит стараться избегать их. Я думаю... может, теперь, когда мы, ну, стали друзьями, все изменилось...

— Мы просто друзья? — Он поднимает на меня темную бровь.

Я чувствую, как горят щеки.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — говорю тихо.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— Не думаю, что знаю, Рыжая. Потому что я совершенно уверен, что хочу быть с тобой больше, чем просто друзьями. Думал, ты тоже этого хочешь.

— Ты же знаешь, что хочу. Иначе меня бы здесь не было. Но я также знаю, что ты меняешь тему.

Он медленно, понимающе улыбается.

Я пинаю его ногой под столом.

— Засранец, — ухмыляюсь я.

— Тоже верно, — посмеивается он.

— Как я уже сказала, мне кажется, раз люди видели нас вместе и видели тебя с Хоуп... я просто подумала, может, все изменилось — ну, понимаешь, изменилось то... каким они тебя видят.

— Такие люди не меняют своего мнения. И они не те, с кем я хочу быть рядом.

— Согласна. Они узколобые бараны, и я не говорю, что ты должен с ними дружить. Но я всего лишь хочу, чтобы ты перестал прятаться в своем родном городе.

Он медленно выдыхает.

— Просто подумай об этом.

Он пристально смотрит на меня.

— Ладно.

— Могу я спросить кое-что еще?

— Нет, — говорит он, но я знаю, что он дразнится. Вижу это по выражению его глаз.

— Почему ты не уехал из Каньон Лейк, если тебе так не нравится это место?

Он откидывается на спинку стула.

— Я не испытываю неприязни к городу. Только к людям — в настоящее время за исключением двоих. И куда бы я отправился, если бы уехал?

— Туда, где люди лучше, — предлагаю, пожимая плечами.

Уголки его губ приподнимаются.

— А есть такое место?

— Наверное, нет, — признаю я.

— Как бы странно это ни звучало, — говорит он, — иногда дьявол, которого ты знаешь, лучше, чем дьявол, которого ты не знаешь.

— Надеюсь, ты не поэтому сегодня со мной ужинаешь.

Он смеется. И мне нравится этот звук. Он заставляет меня улыбаться от уха до уха.

— Определенно, нет. — Ривер качает головой, его смех стихает. — Хотя многие из нашего городка могли бы подумать, что это высказывание скорее относится к тебе — что это ты встречаешься с дьяволом.

— Ну, я бы предпочла встречаться с этим дьяволом. По крайней мере, я знаю, что получаю.

— Вот как ты меня видишь? Не как дьявола, а как то, что ты знаешь, можешь от меня получить.

— Да, — я тепло улыбаюсь. — И мне очень нравится то, что я от тебя получаю.

— Хорошо.

— А как видишь меня ты? — неуверенно спрашиваю я.

— Прямо сейчас? — Он многозначительно поднимает бровь.

Я игриво прищуриваюсь.

— Ты знаешь, о чем я.

— Я всегда знал, что получаю от тебя. И мне всегда это нравилось.

— Даже когда вел себя со мной как осел?

— Даже тогда. — Он выдыхает и берет солонку. — Скажем, эта солонка — я. — Другой рукой он берет перечницу. — А перечница — это ты. Внешнему миру и даже нам поначалу кажется, что мы не должны быть вместе. Я дерзкий и жесткий. Ты нежная и красивая. Но вместе мы, Рыжая, — он прижимает емкости друг к другу, — мы прекрасно подходим друг другу.

Сердце замирает, пропуская удар, прежде чем снова начать биться быстрее.

Улыбка приподнимает уголки моих губ.

Он тоже улыбается.

И именно в этот момент я точно понимаю, что влюблена в Ривера Уайлда.

«Я влюблена в него».

— Ты скрытый романтик, — улыбаюсь я, пряча слова, которые, как мне кажется, выгравированы на моем лице.

Он ставит емкости на место и смотрит на меня, в глазах искрится веселье.

— Только скажи кому-нибудь, Рыжая, я все буду отрицать до последнего вдоха.

— Твой секрет со мной в безопасности, — ухмыляюсь я.

Официант возвращается с напитками и спрашивает, готовы ли мы сделать заказ, но ни один из нас даже не взглянул на меню. Так что, официант говорит, что вернется позже.

Я беру вино и делаю глоток. Затем изучаю меню.

Заказываю креветки, а Ривер — речную форель.

За ужином мы в основном разговариваем о Хоуп — потому что она, знаете ли, потрясающая. А Ривер рассказывает мне истории о тех временах, когда они с бабушкой жили вместе.

Не успеваю я опомниться, как десерт уже съеден, и Ривер оплачивает счет.

Мы выходим из ресторана. В воздухе чувствуется приятное тепло.

Держась за руки, мы идем к грузовику. Ривер открывает передо мной пассажирскую дверь.

Я наблюдаю, как он огибает грузовик.

Каждая частичка меня трепещет от чувств и эмоций, теперь зная, что я к нему испытываю.

Я хочу его.

Так, как никого и никогда в своей жизни.

Он забирается в грузовик и включает зажигание.

— Итак... — говорит он, встречаясь со мной взглядом через разделяющее нас пространство. Его темные глаза сверкают от желания. — У нас есть час до того, как мы скажем Сэди, что вернулись. Хочешь заняться чем-нибудь еще? Или можем поехать домой прямо сейчас? Все, что захочешь, Рыжая.

— Есть кое-что, чего бы мне очень хотелось, — тихо говорю я с нервозностью в голосе.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

— О, да? Чего же?

Я прикусываю губу, затягивая с ответом, а потом решаю просто сказать, как есть.
Делаю вдох и выдох.

— Поехать к тебе домой, Ривер. Вот чего бы мне сейчас очень хотелось.



Кэрри

Ривер открывает входную дверь и отступает в сторону, пропуская меня первой. Входит следом и закрывает за собой дверь. Взяв меня за руку, ведет в гостиную. Щелкает выключателем. Он отпускает мою руку, и я стою и смотрю, как он направляется к шкафу. Наклонившись, поднимает крышку. Раздается щелчок. Я слышу скрежет, а потом начинает играть музыка — «Сила любви» группы Frankie goes to Hollywood.

Ривер поворачивается ко мне. Его взгляд заставляет все внутри дрожать от предвкушения и желания.

Он подходит ко мне. Остановившись в дюйме от меня, пристально смотрит в глаза.

— Потанцуешь со мной?

— Я плохо танцую, — говорю я ему.

— Я тоже. Можем вместе плохо потанцевать.

Левой рукой он берет мою правую руку. Другой скользит по моей талии и спине, его пальцы нежно вжимаются в меня, подталкивая ближе.

Я устраиваюсь в его объятиях.

И мы начинаем двигаться.

Глядя друг на друга, покачиваясь в такт музыке.

Я слушаю слова песни. Они прекрасны.

— Мне нравится эта песня, — говорю я.

Он кивает.

— Мне тоже. — Ривер склоняет ко мне лицо, касаясь носом щеки, заставляя меня дрожать. — Но ты мне нравишься больше.

Я перевожу взгляд на него. А потом мы целуемся.

Душераздирающим, скручивающим пальцы ног, сводящим с ума поцелуем.

Такие поцелуи ведут только к одному — к сексу.

Ощущение его губ — фейерверк и симфония. Кожа гудит, словно от электрических разрядов. Я не могу им насытиться. Мне не достаточно чувствовать его.

Ривер отпускает мою руку. Я обнимаю его за шею. Его большие ладони скользят вниз по моей спине и обхватывают ягодицы.

Он поднимает меня, будто я ничего не вещу. Я обвиваю ногами его талию.

Мы все еще сливаемся в поцелуе так, словно мир вот-вот столкнется с астероидом.

Скольжу пальцами вверх по волосам на его затылке, сжимая.

Ривер стонет мне в рот.

Его стон отдается внизу живота.

— Отнеси меня в постель, — шепчу я ему в губы.

Ему не нужно повторять дважды.

Он несет меня через гостиную наверх, в свою темную спальню.

Свет остается выключенным.

Ривер ставит меня на ноги.

— Повернись, — говорит он сексуальным низким голосом.

Нарочито медленно я поворачиваюсь к нему спиной.

Его пальцы находят молнию на спине платья. Он тянет ее вниз. В тишине звук раздается мучительно громко.

Он стягивает платье с плеч вниз по бедрам, позволяя ему упасть на пол. Оставляя меня в кружевном черном белье и красных туфлях на каблуках.

Я поворачиваюсь к нему.

Его глаза скользят по моему телу, льющийся из окна лунный свет освещает нас.

— Ты чертовски красива, Кэрри, — хрипло шепчет он.

— А ты все еще одет.

Потянувшись к нему дрожащими пальцами, расстегиваю рубашку, не торопясь, как делал он с молнией. Когда последняя пуговица расстегнута, я провожу руками по его обнаженной груди и стягиваю рубашку с плеч.

Он высвобождает руки и бросает ее на пол.

Наклонившись вперед, прижимаюсь поцелуем к его обнаженной груди, над сердцем.

Ривер вздрагивает. Его рука скользит по моим волосам, сжимая их, он откидывает мою голову назад и накрывает мой рот своим.

Ведет меня назад, ни на секунду не прерывая поцелуя, пока мои ноги не упрутся в кровать.

Я сажусь на край. Расстегиваю застежку на его брюках и опускаю молнию.

Ривер сбрасывает ботинки и снимает брюки. Затем избавляется от боксеров.

Я делаю глубокий вдох.

Он все такой же большой и совершенный, каким я его помню.

От вида его члена у меня текут слюнки. Раньше у меня никогда не было такой реакции на мужской пенис. Но на его, определенно, есть.

Он опускает руку вниз и сжимает член в кулаке.

Это так безумно эротично.

Он такой большой и такой чертовски мужественный.

Я хочу знать, какой он на вкус. Как будет ощущаться у меня во рту.

Потянувшись, накрываю рукой член, подаюсь вперед и прижимаюсь поцелуем к кончику.

Ривер делает глубокий вдох. Мышцы его живота напрягаются.

Раздвинув губы, ввожу головку в рот.

На вкус он соленый и мускусный. Мне нравится.

Ривер склоняется надо мной, расстегивает лифчик и снимает его. Мне приходится оторвать от него рот и руку, чтобы позволить ему сделать это.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Я не успеваю к нему вернуться, потому что он опускается передо мной на колени. Снимает с меня туфли. Затем цепляет пальцами резинку трусиков. Опираясь на кровать, приподнимаю бедра.

Ривер медленно тянет их вниз по ногам, пока они не исчезают. И больше ничего не остается.

Только он и я, полностью обнаженные друг перед другом.

— Если у тебя есть какие-то жесткие пределы... любые триггеры... скажи мне. Я не хочу напортачить. Ты слишком важная для меня, и я слишком долго ждал, чтобы, в итоге, все испортить.

Я проглатываю эмоции. Дотрагиваюсь рукой до его щеки.

— Ты ничего не испортишь, потому что я тебе доверяю.

Он прижимается губами к моей ладони и целует ее.

— А у тебя, Ривер... есть ли что-то...

Он отрицательно качает головой.

— Нет, ничего такого, чего бы я не хотел делать с тобой. Я хочу все. Хочу тебя всю, Кэрри.

Я приближаюсь губами к его губам и снова целую.

Поцелуй распяляет нас в считанные секунды.

Ривер толкает меня обратно на кровать. Я двигаюсь, чтобы освободить ему место.

Он нависает надо мной, опираясь на одну руку. Другой скользит мне между ног.

— Черт, Кэрри, ты такая мокрая.

Он проводит пальцем между моих складок. Затем проникает пальцем внутрь.

Я стону от этого ощущения.

Он наклоняется к моей груди и проводит языком по соску, облизывая его.

Большим пальцем начинает тереть клитор. Втягивает сосок в рот. И я чувствую, как он царапает его зубами.

Переполненная всевозможными ощущениями, проходящими через меня, я стискиваю его волосы.

— Я долго не продержусь, — говорю я, зная, как долго его хотела. Чувствую, как тело готово взлететь, как ракета.

— Мне нужно попробовать тебя на вкус, — рычит он. Затем двигается вниз по моему телу и накрывает ртом мою киску.

Оргазм обрушивается на меня с силой товарного поезда.

Я выкрикиваю его имя. Тело извивается от силы оргазма.

Я все еще дрожу, когда он поднимает голову и перемещается по мне вверх.

Ривер захватывает мой рот. Я чувствую на нем свой вкус. Никогда раньше я не делала такого с мужчиной — не пробовала себя на его губах. Это безумно эротично. Кажется, я снова могу кончить. Или, возможно, это только с ним я так себя чувствую.

— Ты нужен мне, — говорю я.

Нечто абсолютно мужское вспыхивает в его глазах, заставляя меня дрожать от желания.

Тем же глубоким, как и взгляд его темных глаз, голосом он произносит:

— Всегда.

Потянувшись вниз, я беру его в руку. Его мышцы пульсируют от сильной дрожи в теле.

— Мне нужно трахнуть тебя, — хрипит он, гортанно и сексуально. — Без презерватива. Я хочу тебя обнаженной.

Я на таблетках, он это знает. И я ему доверяю. Как никому и никогда.

— Пожалуйста, — это все, что я могу сказать. Я хочу этого мужчину больше, чем глоток воздуха. Я изголодалась по нему.

Устроившись у моего входа, он погружается глубоко, заставляя меня вскрикнуть.

— Черт возьми, Кэрри, — цедит он сквозь зубы. — Ты не должна быть такой тугой, родив ребенка два месяца назад.

Из меня вылетает смех.

— Может, это не я тугая, просто твой член до нелепости большой.

— Повтори еще раз.

— Я не тугая, — поддразниваю, зная, что именно он хочет от меня услышать.

— Рыжая...

— Член, Ривер. Это ты хочешь, чтобы я сказала?

— Да, бл*дь, — стонет он. Вырываясь из меня, но тут же устремляясь обратно.

Я обнимаю его за шею, притягивая его губы к своим. Он целует меня глубоко, влажно и грязно.

Его рука сжимает мое бедро, удерживая на месте.

Пальцы сильно впиваются в кожу, но это, кажется, только еще больше меня заводит. Знать по силе его хватки и твердости члена, как сильно он меня хочет.

При каждом движении его бедренная кость трется о клитор. Член восхитительно ласкает заветное местечко глубоко внутри меня.

Это как сенсорная перегрузка.

— Скажи, что ты близко, Кэрри. Потому что я долго не протяну. С тобой так охрененно хорошо.

— Я уже близко, — выдыхаю я. — Просто продолжай делать... то... что... делаешь. Да, о, да... пожалуйста! — Я испытываю оргазм, более сильный, чем первый.

Мои внутренние мышцы сжимаются вокруг него.

— Бл*дь, Кэрри. Ты заставляешь меня кончить... так... жестко. — Его бедра дергаются, когда он изливается в меня.

Мы оставляем сладкие поцелуи на разгоряченной коже друг друга. Ни один из нас не готов позволить этому моменту закончиться.

Ривер берет мое лицо в ладони. Большими пальцами убирает мои волосы со лба. Пристально смотрит на меня в темноте.

Я ему улыбаюсь.

— Что? — шепчу я.

— Я люблю тебя, — говорит он. Слова, произнесены так просто... легко, но с таким большим смыслом.

Сердце в груди колотится. Затем, через меня проходит чистый восторг, покрывая каждый дюйм кожи.

Я накрываю его руку своей.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Его губы растягиваются в прекрасной улыбке, в уголках глаз появляются морщинки.

— Я хочу, чтобы мы были вместе. Ты, я и Хоуп. Хочу, чтобы мы были семьей.

— Я тоже этого хочу. Очень.

Боже, сердце, кажется, вот-вот разорвется. Я никогда не верила, что у меня может быть что-то такое хорошее, такое чистое. Но оно у меня есть. Я держу его здесь, сейчас, в своих руках.

Ривер проводит большим пальцем по моим губам, запечатлевая на них поцелуй, а затем утыкается лицом мне в шею и крепко обнимает. И я обнимаю его так же крепко.



Кэрри

Я заканчиваю принимать душ у Ривера и заворачиваюсь в полотенце. Решила сделать это по-быстренькому здесь, потому что секс без презерватива несколько грязноват.

Ривер остался лежать в постели.

Поверить не могу, что он признался мне в любви.

Все это так прекрасно. Он само совершенство.

И я до тошнотиков счастлива. От счастья просто скулы сводит. Как от фильмов «Холлмарк».

И знаете что? Я рада.

Потому что счастье не часто посещает таких людей, как я. Поэтому, приди оно ко мне, я схвачу его обеими руками.

И оно пришло. Вместе с Ривером. И Хоуп.

Как же мне повезло, что они у меня есть.

Я вытираюсь полотенцем и снова надеваю одежду, которую собрала с пола и принесла с собой.

Распускаю волосы, которые затянула лентой. И возвращаюсь в спальню.

Ривер все еще в постели. Лежит, закинув руки за голову, и улыбается.

— Уверена, что я не могу соблазнить тебя вернуться? — Он одаривает меня сексуальной улыбкой, откидывая одеяло, чтобы показать свое впечатляющее и до нелепости горячее тело.

И это действительно заманчиво, но...

— Мне нужно вернуться к Хоуп. Я уже десять минут как сказала Сэди, что вернусь, и я ненавижу опаздывать.

Ривер соскальзывает с кровати и натягивает боксеры.

— Возвращайся домой, к нашей девочке. Я быстренько приму душ и сразу приду.

Я подхожу к нему, кладу руку ему на грудь.

— Ты останешься на ночь?

— Разве я не остаюсь у тебя каждую ночь?

— Только не в моей постели.

— Хочешь, чтобы я спал в твоей постели?

Я склоняю голову набок и медленно улыбаюсь.

— А ты как думаешь?

— Думаю, сегодня мне опять повезет.

Смеюсь, быстро целую его в губы и поворачиваюсь к двери. Он шлепает меня по заднице, заставляя смеяться еще сильнее.

Мы спускаемся вниз. Ривер открывает входную дверь, выпуская меня. Я выхожу на крыльцо.

Он заправляет мне волосы за ухо.

— Я посмотрю, как ты дойдешь до дома.

— До моего дома двадцать шагов, — говорю я.

— Скорее пятьдесят. Считаешь, с людьми не случается ничего плохого...

— Даже на самых коротких расстояниях, — заканчиваю я за него. — Знаю.

Я снова его целую, потому что могу. Последний долгий поцелуй, чтобы продержаться до его прихода.

— Буду через пятнадцать минут, — говорит он, когда я начинаю уходить.

Повернувшись к нему, иду спиной вперед и улыбаюсь ему.

— Как насчет десяти?

Он улыбается.

— Значит, через десять.

Я посылаю ему воздушный поцелуй, а затем поворачиваюсь лицом вперед, чтобы не свалиться на задницу на этих каблуках.

Добравшись до своего сада, иду по дорожке.

Откуда ни возьмись, чувствую на затылке холодок. Осматриваюсь кругом, но вижу лишь темноту.

Оглядываюсь на Ривера, тот все еще стоит в дверях. Наблюдает и ждет.

Достав из клатча ключ от входной двери, вставляю его в замок и поворачиваю.

Машу Риверу рукой, чтобы дать ему знать, что я на месте.

В ответ он поднимает руку.

Толкнув дверь, оказываюсь в тепле и свете своего дома.

— Привет. Прости, что опоздала, — говорю Сэди, входя и закрывая за собой дверь.

Она сидит на диване и смотрит по телевизору какую-то медицинскую драму.

Бадди свернулся калачиком рядом с ней.

Увидев меня, он спрыгивает вниз и подбегает ко мне. Я поднимаю его и целую в макушку.

— Совсем не опоздала, — усмехается Сэди. — Могла бы остаться и подольше. Не так уж трудно сидеть с самым милым и воспитанным ребенком в мире и моим маленьким Бадди. А еще есть кексы.

— Как их можно забыть.

— Ты сама их испекла? — спрашивает она, поднимаясь.

Я киваю, внезапно смутившись.

— Очень вкусно, Кэрри. Когда-нибудь тебе придется приготовить их для закуской.

— С удовольствием. Как Хоуп? — меняю тему. Не потому, что не хочу готовить для закуской, мне все еще трудно принимать комплименты. Семь лет меня убеждали в том, насколько я бесполезна.

Но я учусь... медленно.

— Естественно, она была самым совершенством. Выпила бутылочку и тут же отключилась. Я уложила ее в детской и принесла с собой монитор. — Она показывает на радионяню на кофейном столике. — Я заглядывала к ней минут тридцать назад, и она крепко спала. Я не слышала от нее ни звука. — Сэди надевает туфли и берет с кофейного столика ключи от машины. — Итак... как прошло свидание? — Ее глаза сверкают.

Я прикусываю губу.

— Хорошо. — Я киваю, чувствуя, как по шее ползет румянец. — Очень хорошо.

Она широко улыбается.

— Больше ничего спрашивать не буду. — Она подмигивает. — Рада, что вы с Ривером вместе. Вы оба заслуживаете счастья.

— Как и ты, — напоминаю я.

Не у одной меня плохое прошлое. У Сэди тоже был свой Нил. Она заслуживает всего хорошего, что может дать ей мир.

Натягивая куртку, она пожимает плечами.

— Мое время придет.

Я опускаю Бадди на пол и провожаю Сэди до двери. Обняв ее и поцеловав в щеку, еще раз благодарю за то, что она присмотрела за Хоуп.

Мы с Бадди стоим в дверях и смотрим, как Сэди идет к машине. Она садится в нее и заводит мотор. Махнув мне рукой на прощание, отъезжает.

Я бросаю взгляд на дом Ривера и вижу, что он весь освещен. Знаю, сейчас он в душе, весь мыльный и мокрый.

Боже милостивый. От одной мысли об этом мне становится жарко.

— Пошли, Бадстер.

Я возвращаюсь внутрь, и Бадди следует за мной. Я закрываю за нами дверь. Собираюсь ее запереть, а потом останавливаюсь, потому что скоро придет Ривер. Можно оставить ее незапертой, чтобы он мог войти.

Сняв туфли, иду с ними по коридору, бросая у самой двери. Направляюсь напрямиком к комнате Хоуп, Бадди следует за мной по пятам.

Дверь в спальню Хоуп приоткрыта, и внутрь проникает свет.

Я тихо ступаю по полу. Подойдя к ее кровати, смотрю на спящую дочь. Наклоняюсь и легонько целую ее в нежную щеку.

— Мамочка любит тебя, — шепчу я, слегка поглаживая ее волосики. — Спи спокойно, малышка.

Покинув ее комнату, оставляю дверь открытой, Бадди устраивается на ковре в комнате Хоуп.

— Скоро в туалет, дружище. Но пока можешь поваляться.

Я иду в спальню, снимаю платье и нижнее белье и бросаю их в корзину для белья. Хватаю чистые трусики и натягиваю их, а затем простую белую пижамную рубашку и небесно-голубые шорты. Мне не нужно наряжаться для Ривера. Он видел меня и в худшем состоянии, когда я рожала. Если это не отпугнуло его от меня, то ничто не отпугнет.

Отправляюсь в ванную чистить зубы. Закончив, смотрю на себя в зеркало.

Глаза блестят. Щеки пылают.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Я выгляжу счастливой.

Вспоминая ту, кем не была даже год назад, мне трудно примириться с женщиной, которой я являюсь сейчас. Безумие, что не прошло и года.

— Ты сделала это, девочка, — шепчу я зеркалу.

Выключив в ванной свет, возвращаюсь в спальню. Смотрю на кровать, зная, что сегодня впервые буду делить ее с Ривером.

От этой мысли в животе порхают бабочки.

Знаете, я как-то слышала поговорку: *«Любовь подобна реке, которая течет нескончаемым потоком, но со временем усиливается».*

Так и моя любовь с Ривером.

И это только начало.

Напевая себе под нос, иду босиком по коридору в гостиную, чтобы дождаться Ривера.

А потом улыбаюсь, когда понимаю, что мелодия, которую я напеваю, — это песня, под которую мы с Ривером танцевали сегодня вечером. Прямо перед тем, как занялись любовью.

Все еще улыбаясь, вхожу в гостиную.

При виде человека, стоящего в гостиной, улыбка на лице застывает, а сердце в груди замирает.

Мой посетитель не улыбается. Но он никогда этого не делал.

Он чуть склоняет голову набок. Не сводя с меня взгляда холодных глаз. Его губы приоткрываются, и голос, который до сих пор наполняет мои кошмары, произносит:

— Привет, Энни.



Кэрри

— Н-Нил, — чувствую, как давлюсь, произнося его имя. Голосовые связки сдавило осознанием его присутствия.

Здесь, в моем доме.

«Как он тут оказался?»

— К-как т-ты н-нашел меня? — заикаюсь я. Ничего не могу с собой поделать. Тело трясет так сильно, что дрожь пронизывает до самых костей.

Все становится только хуже, когда в его прижатой к боку руке я вижу пистолет.

«Хоуп».

Это все, о чем я могу думать.

«Пожалуйста, не издавай ни звука, детка».

Не нужно, чтобы он знал о ее существовании.

Он поднимает пистолет и трет стволom голову, светлые волосы, которые всегда были коротко подстрижены, теперь отросли. Они выглядят неммытыми и в полном беспорядке. Как и весь он. Светлая щетина покрывает нижнюю часть лица. Одежда грязная и мятая.

Этот человек избил бы меня за то, что я посмела бы не разгладить хоть одну складочку на его рабочей рубашке. И вот теперь на нем рубашка, которая уже давно не заглядывала в стиральную машину.

Даже в этот ужасный момент от меня не ускользает ирония происходящего.

— Было непросто. — Его голос, словно иголками, пронзает кожу. Каждый слог мучителен. — Я ищу тебя с того самого дня, как ты сбежала. На самом деле я искал по всей стране. Умный ход — приехать в Техас, Энни. Мне бы и в голову не пришло искать тебя здесь, зная, как ты ненавидишь жару. Ты умнее, чем я думал. Но потом мне повезло, я случайно наткнулся на новость в Интернете о женщине, родившей ребенка в своей машине на обочине дороги. Статью сопровождала фотография женщины. И кто эта женщина, Энни?

«Я.

Он знает о Хоуп».

Я чувствую такой страх, какого никогда не испытывала раньше.

Горло словно забито гравием.

— Я, — шепчу я.

Он смеется глубоким, страшным смехом.

— Ты могла бы изменить цвет волос на какой угодно, Энни, даже изменить лицо, и я все равно узнал бы тебя. И знаешь, почему? Потому что ты моя, Энни.

«Ривер. Где ты?» — молча взываю я.

— П-прости, — заикаюсь я.

— П-прости, — передразнивает он. — Ты всегда, мать твою, извиняешься, Энни!

Он начинает расхаживать перед дверью, блокируя выход. Не то чтобы я могла уйти без Хоуп.

Я думаю, не добежать ли мне по коридору до комнаты Хоуп, вытащить ее из кровати и вылезти в окно.

Но на двери нет замка. Я не успею вовремя.

Он останавливается.

— Энни, это мой ребенок?

Я не знаю, что ответить. Если я скажу ему правду — что Хоуп его, — он заберет ее у меня. И причинит ей боль.

Если я скажу «нет»... он все равно причинит ей боль.

Но сначала он сделает больно мне, если решит, что она не его.

Ему придется наказать меня. Так он действует. И это даст мне время... время, чтобы Ривер добрался сюда.

— Отвечай! — рявкает он.

И я встаю по стойке «смирно», как хорошо обученная собака.

— Нет. — Я проглатываю ложь, выдерживая его взгляд. Мне нужно, чтобы он мне поверил. — Ребенок не твой.

В выражении его лица ничего не меняется. Я ожидала гнева и ярости. Но в его холодных глазах нет ничего, кроме пустоты.

И это пугает меня больше, чем любой гнев, который он мог бы на меня обрушить.

Он начинает постукивать стволom по виску.

— Ты бросила меня, Энни, чтобы родить ребенка от кого-то другого?

— Да, — отвечаю тихо.

Он начинает трясти головой, повторяя:

— Нет, нет, нет! Этого не должно было случиться! Ты моя! Ты всегда была моей! Мы должны были провести жизнь вместе! Это моего ребенка ты должна была родить! — Слюна вылетает у него изо рта. Глаза выпучиваются. Он выглядит как маньяк. Как бешеная собака.

Подняв пистолет, он целится в меня.

Мое сердце останавливается.

— Нил... прошу... не надо.

— О, теперь ты умоляешь? Ты хочешь моего прощения, Энни? Хочешь, чтобы я простил тебя за то, что ты вела себя как грязная шлюха и родила ублюдка от другого мужика!

Это слово трудно произнести. Мне приходится заставлять себя говорить.

— Д-да. — Но сейчас мне нужно сделать все, чтобы он успокоился.

Мне просто нужно еще немного времени, прежде чем Ривер сюда доберется.

— Слишком поздно, Энни. — Он взводит курок.

— Нет! Пожалуйста! — восклицаю я, защищаясь руками. — Не делай этого! Я-я поеду с тобой домой. Прямо сейчас. Я все исправлю.

— А ребенок?

Я проглатываю отвратительную ложь, которую собираюсь сказать.

— Я оставлю ее с отцом. Я уеду отсюда и вернусь домой вместе с тобой.

Он пристально смотрит на меня. Сердце бешено колотится. В ушах грохочет пульс.

Затем он качает головой, и мое сердце падает.

— Слишком поздно. Теперь ты испорчена, твое тело грязное. — Он водит направленным на меня пистолетом вверх и вниз. — Ты запятнала его, когда трахалась с другим мужиком и родила ему ребенка.

— Нил... пожалуйста... я все исправлю, и мы сможем быть вместе.

На его губах появляется улыбка, которая выглядит почти грустной.

— И мы будем, Энни. Только не в этой жизни.

Я слышу щелчок и громкий хлопок. И тут меня пронзает ощущение, будто меня только что ударили кулаком в грудь.

«Нет».

«Боже, нет».

Я смотрю вниз и вижу в рубашке дыру. И кровь.

Из дыры сочится кровь.

Он подстрелил меня.

Ошеломленная, я отшатываюсь назад. Протянув руку, хватаюсь за диван, но не могу удержаться. Ноги подкашиваются. Я сползаю с дивана и падаю на пол.

«Ривер, помоги мне. Пожалуйста».

Нил подходит ко мне. Опускается рядом со мной на колени.

— Мне жаль, что так получилось, Энни. Но ты не оставила мне выбора. Но это к лучшему. После смерти мы сможем быть вместе. Оба возродимся на небесах. Ты снова станешь чистой.

Я моргаю, глядя на него. Не могу дышать. Кажется, легкие наполняются водой. Будто я тону.

Нил подносит пистолет к голове. Улыбается мне.

— Увидимся на другой стороне, Энни. — Затем нажимает на курок.

Его тело падает рядом со мной.

Единственное, что я чувствую при виде его мертвого, — это облегчение.

Облегчение от того, что он не сможет навредить Хоуп.

«Помогите», — пытаюсь крикнуть я, но из горла вырывается только булькающий звук.

Хоуп плачет.

«Мамочка здесь, детка. Я рядом».

— Кэрри! О, боже, нет! Нет! Нет! Нет!

«Ривер. Он здесь».

Он оттаскивает от меня Нила. Падает рядом со мной и поднимает меня к себе на колени.

— Кэрри, детка, все в порядке. Все будет хорошо. Я здесь. Я с тобой. Я вызову «скорую». Только держись, детка. Я люблю тебя, Кэрри. Я так чертовски сильно тебя люблю. Не оставляй меня. Пожалуйста.

Он плачет. Мне больно это видеть.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

«Пожалуйста, Ривер, не плачь».

Его сотовый прижат к уху. Он звонит в службу спасения.

«Хоуп», — пытаюсь сказать ему. — «Иди к Хоуп». Но слова не выходят.

Легкие горят. Я умру от удушья.

Я умираю.

Знаю, что умираю.

«Я люблю тебя», — говорю ему глазами. — «И Хоуп. Очень-очень сильно. Позаботься о ней ради меня. Каждый день говори, что я люблю ее».

Пытаюсь сделать еще один вдох. Чтобы выкроить хотя бы секундочку рядом с ним.

А затем...

Эпимот

Ривер

Год спустя

— Пойдем, Хоуп. — Вытерев ей липкие, покрытые кашей пальцы, я поднимаю ее с высокого стула.

Хоуп нравится кушать самой во время завтрака, а также во время обеда и ужина, и под «кушать самой» я подразумеваю, что пища оказывается где угодно, но только не во рту.

— Пора навестить маму.

Я пристегиваю ее к коляске, вешаю сумку со всем необходимым, чтобы четырнадцатимесячная девочка была чистой, не испытывала голода или жажды, и смогла бы развлечься. Клянусь, отправиться куда-то с малышом на несколько часов — все равно что собирать вещи для отпуска.

Мы выходим на улицу.

На небе ни облачка. Светит солнце. Сегодня прекрасный день для прогулки.

Мы направляемся в город, останавливаемся у флориста, чтобы забрать букет цветов, который я заказал ранее по телефону.

Кладу их в корзину под коляской, и мы едем дальше.

Хоуп играет с подвесными игрушками на дуге коляски, лепеча что-то себе под нос на языке, который знает только она.

Ее первым словом было «папа». И она права: я ее папочка. Во всех смыслах этого слова.

Мы подходим к входу на кладбище.

Толкая коляску, я проезжаю мимо рядов надгробий.

Пока не достигаю нужного.

Остановив коляску, отстегиваю ремни и вытаскиваю Хоуп. Она извивается, чтобы ее отпустили. Такая независимая. Это у нее от мамы.

Я опускаю ее на траву.

Она тут же плюхается на попку и стягивает туфельки и носочки. Потом вскакивает на ноги. Носок оказывается у нее во рту. И, ковыляя, шлепает по траве.

Наблюдаю за ней с улыбкой.

Беру из корзины под коляской букет цветов, за которым мы заезжали.

Подхожу к надгробию. Стряхиваю с него грязь и листья.

Опустившись на колени, сажусь перед ним.

— С днем рождения, — говорю я. — Я принес тебе цветы — колокольчики. Знаю, ты их любила.

Я опускаю букет перед надгробием.

Которое сам для нее выбрал.

Смотрю на имя, глубоко выгравированное в камне.

— Я скучаю по тебе, — говорю я. — Всегда буду скучать. Но... теперь у меня столько всего есть благодаря тебе. — Я смотрю на Хоуп, которая нашла пучок маргариток рядом с ближайшим надгробием и в настоящее время лепечет с ними. Я улыбаюсь и снова перевожу взгляд на надгробие. — Я... люблю тебя.

Сглатываю слезы, забивающие горло.

Моего плеча касается чья-то рука.

Повернув голову, вижу единственного человека, который делает вещи намного более терпимыми.

— Привет.

— Привет, Рыжая, — улыбаюсь я.

— Ты в порядке? — спрашивает она, садясь рядом со мной.

— Да, — киваю я. — Просто разговариваю с мамой.

— С днем рождения, Мэри, — говорит Кэрри.

Потянувшись к ней, сжимаю ее руку.

— Извини, я немного опоздала, — говорит она. — Старушка миссис Паркер поймала меня, когда я выходила из закусочной. Спрашивала, как дела у Хоуп. Хотела посмотреть ее последние фотографии. На это ушло некоторое время.

Я усмехаюсь при этой мысли.

Но не могу винить миссис Паркер. Потому что Хоуп потрясающая.

Полагаю, она украла сердце почти у всех в этом городе.

Конечно, есть несколько человек, которые из-за меня всегда будут держаться на расстоянии.

Но большинство ее любит.

Ее трудно не любить. Она милая и очаровательная.

Я люблю ее и ее маму так, как никогда не думал, что это возможно.

Они — весь мой мир.

И из-за жертвы, которую моя мама принесла ради меня, я теперь здесь, с ними, стал отцом Хоуп и живу удивительной, замечательной жизнью, которая у нас есть.

— Мапа! — радостно вопит Хоуп при виде мамы. Она вперевалку подходит к Кэрри, та обнимает ее и целует в голову.

— Привет, малышка. *Мама* скучала по тебе!

Я усмехаюсь при упоминании слова «мама». Кэрри до сих пор злится, что первым словом Хоуп было «папа». И, естественно, я подшучиваю над Кэрри из-за того, что Хоуп называет ее «мапа».

Некоторые вещи между нами с Рыжей никогда не меняются. И я молю Бога, чтобы так и оставалось.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

После того, как я был на волоске от того, чтобы потерять ее в тот день, когда этот больной ублюдок, ее бывший, подстрелил ее... видеть, как она умирает у меня на руках... это был самый худший момент в моей жизни.

Мне казалось, моя жизнь закончилась.

Наблюдать, как парамедики борются, чтобы оживить ее у меня на глазах...

Даже сейчас от одной только мысли об этом я почти ломаюсь.

Но моя девочка — боец. И когда они снова заставили ее сердце биться, вставив ей в грудь трубку и выкачав кровь из легких, я опустился на колени и возблагодарил Бога.

Но кошмар еще не закончился.

Кэрри уложили на носилки и повезли в больницу.

Мы с Хоуп поехали следом. По дороге я позвонил Сэди. Они с Гаем встретили меня в больнице.

Полиция приехала в больницу требовать показаний, но все, о чем я мог думать, была Кэрри.

Ее отвезли в операционную.

Там ее сердце остановилось.

В ту ужасную гребаную ночь она умирала дважды.

Если бы ее бывший муж не покончил с собой, я бы сам убил его голыми руками.

Врачи снова запустили ей сердце и вытащили пулю, застрявшую в левом легком.

Он промахнулся мимо сердца на миллиметр.

Когда ее вывезли из операционной, врач мне сказал, что они поместили ее в искусственную кому, чтобы дать время выздороветь. Ее подключили к дыхательному аппарату.

Были опасения, что она так и не придет в себя. Что не сможет дышать самостоятельно. Что ущерб будет непоправимый.

Это была самая длинная неделя в моей жизни. Я никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

Но случилось самое странное. В больнице стали появляться горожане, предлагали мне поддержку. Приносили еду. Помогали с Хоуп. Некоторые приходили просто посидеть со мной и Кэрри, пока я ждал, когда она откроет свои прекрасные глаза.

Это изменило мой взгляд на все.

Как я видел людей. Особенно жителей этого города.

После семи долгих дней Кэрри очнулась.

Никогда еще я не испытывал такого облегчения.

Затем она начала дышать без аппарата, и с этого момента стремительно пошла на поправку.

Моя девочка — чертов боец.

Когда Кэрри выписали из больницы, они с Хоуп переехали ко мне. И по-прежнему остаются жить у меня.

Мой дом стал нашим домом.

Однако, каждый раз, когда Кэрри выходила из нашего дома, ей было тяжело видеть свой старый дом и вспоминать, что там происходило.

Поэтому я связался с владельцем дома, который был только рад его продать. В день, когда этот дом стал моим, я приказал его снести. Сровнять это чертово место с землей.

У меня были деньги, оставленные мне в наследство бабушкой, которые без дела лежали в банке. Она оставила мне не только старый дом. Но и целый вагон денег. Бабушка никогда не была большой транжирой, поэтому деньги от ее произведений искусства накапливались годами. Мне не на что было их тратить.

Спустить немного денег на покупку этого дома и снести его бульдозером — было лучшим вариантом. Я знал, бабушка бы одобрила.

И, честно говоря, я сделал это не только ради Кэрри.

Я сделал это и ради себя тоже.

Именно в этом доме умерла Кэрри. На моих гребаных руках.

Мне не нужно было ежедневное напоминание об этом.

Я каждый божий день благодарю Бога за то, что она ко мне вернулась.

Мы могли бы переехать. Продать бабушкин дом.

Вероятно, это был бы более простой вариант.

Я предложил это Кэрри, хотя мне было бы трудно уехать отсюда. Бабушкин дом был моим надежным убежищем с того самого дня, как я в нем поселился.

Но ради Кэрри я бы уехал.

Ради Кэрри я готов на все.

Но она сказала «нет». Хотела, чтобы мы остались. И была непреклонна.

Я знал, отчасти она сделала это ради меня, понимая, что мне будет трудно покинуть свой дом.

Но я также знал, что она пытается помешать этому ублюдку отнять у нее что-то еще, кроме того, что он уже отнял.

У Кэрри до сих пор иногда бывают проблемы с легкими. В холодные дни ей больно, и дыхание немного сбивается. Но, к счастью, у нас в Техасе не так уж много холодных дней.

Она боролась с кошмарами и воспоминаниями о том, что случилось той ночью.

В последнее время это происходит реже, но плохие воспоминания все еще в ней, влияют на нее. Как и шрамы, которые он оставил на ее груди. Если бы я мог все это забрать, я бы это сделал. Но не могу. Все, что я могу, — это любить ее, защищать и заботиться о том, чтобы с ней больше никогда не случилось ничего плохого.

Меня чертовски убивает, что я не оказался рядом, когда она нуждалась во мне больше всего.

С той ночи у меня много *«если бы только»*. Я мучил себя мыслями о том, что должен был сделать.

Но я знаю, Кэрри со мной, живая и здоровая, — это единственное, что сейчас имеет значение.

И, зная это, я понимал, что должен отпустить и свое прошлое, раз и навсегда.

Поэтому в тот день, когда она очнулась от комы, я закрыл за ним дверь.

Я больше не хотел быть жертвой.

Я хотел стать выжившим.

А для этого мне нужно было исцелиться. Я должен был сокрушить демонов, которым все еще позволял себя преследовать.

Я больше не палач. Чтобы двигаться вперед, мне нужно было перестать этим заниматься.

Раньше я не понимал, что это причиняет мне больше боли, чем помогает.

Ради своего душевного благополучия мне пришлось отступить. И ради семьи.

Мне нужно быть здоровым ради Кэрри и Хоуп.

И всегда найдутся мужчины и женщины, готовые помочь так, как это делал я.

Это не значит, что я перестал помогать «Мстителям несправедливости». Да, но я, по большому счету, остаюсь на заднем плане. Помогаю с бумажными делами. Мы с Маркусом разработали веб-сайт с подробным списком сексуальных преступников по всей стране, вплоть до «мелких» сексуальных преступников, с их фотографиями, перечислением их местоположения и преступлений. Можно задать поиск по почтовому индексу, чтобы легче было узнать, есть ли в вашем районе сексуальный преступник.

И если кто-то решит взять закон в свои руки в борьбе с этими больными ублюдками и воспользуется предоставленной нами информацией, кто я такой, чтобы их останавливать?

— Хоуп, хочешь, съездим в город за замороженным йогуртом?

Хоуп начинает радостно хлопать в ладоши, улыбаясь маме и показывая два милых передних зубика.

— Фу, замороженный йогурт? — жалуясь я, поднимаясь на ноги.

Забрав Хоуп у Кэрри, протягиваю ей руку и помогаю подняться. Посадив Хоуп в коляску, пристегиваю ее.

Поворачиваюсь к улыбающейся Кэрри. Я хорошо знаю эту улыбку. Я тысячу раз проводил по ней языком.

Она придвигается ближе, прильнув ко мне всем телом. Мы так чертовски идеально подходим друг другу. Так было всегда.

Она кладет руку мне на грудь и гладит.

— Да, замороженный йогурт. И если ты будешь хорошим мальчиком и перестанешь канючить, — она приподнимается на цыпочки и шепчет мне на ухо, — я позволю тебе съесть его сегодня вечером в постели.

Член в штанах пульсирует.

— А разве он к тому времени не растает? — поддразниваю я, глядя на нее сверху вниз и представляя сотни сценариев, где мы с Рыжей проводим в постели с банкой замороженного йогурта... часы веселья.

— Мы возьмем с запасом. И, возможно, тебе даже повезет, и я слижу его с тебя.

«Черт возьми. Эта женщина».

Запустив пальцы в ее густые рыжие волосы, обхватываю ладонью ее щеку.

— Как же мне так повезло, что ты у меня есть?

— Тебе не повезло, Ривер. Мы просто нашли друг друга. Это было предрешиено судьбой.

Я целую ее со всей любовью, которую к ней испытываю.

— Папа! Мапа! — жалуется Хоуп в коляске, и мы оба смеемся.

Клянусь, эта девчушка слишком умна для своего возраста.

Я бросаю взгляд на Хоуп, потом снова на Кэрри.

— Рыжая...

— Ривер.

— После того, как мы вечером закончим с замороженным йогуртом, как насчет того, чтобы начать практиковаться в создании ребенка?

— Разве мы не занимаемся этим почти каждую ночь?

— Я имею в виду, почему бы тебе не перестать принимать таблетки и не попытаться забеременеть?

У нее на лице расцветает улыбка, освещая прекрасные глаза.

— Серьезно?

— Серьезно.

Она берет мое лицо в ладони и крепко целует меня в губы.

— Я бы с удовольствием родила тебе еще одного ребенка.

«Еще одного ребенка. Чертовски верно».

Потому что Хоуп — мое дитя. И всегда им будет.

А Кэрри — мое сердце. Навеки вечные.

— Я люблю тебя, Рыжая, — говорю я, заслужив от нее прекрасную улыбку, которой она одаривает только меня.

— Я тоже люблю тебя, Ривер Уайлд.

КОНЕЦ